

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО

Сказки народов Севера

Пересказали для детей
Н. ГЕССЕ и Э. ЗАДУНАЙСКАЯ

Издательство „Детская литература“
Ленинград
1968

РИСУНКИ К. ОВЧИННИКОВА

693543

Российская государственная
детская библиотека

К ЧИТАТЕЛЮ

Наш юный читатель! Ты открываешь книгу сказок народностей Крайнего Севера. Все эти маленькие народы живут в тайге и тундре, по берегам могучих сибирских рек и на побережье суровых северных морей. У этих древних обитателей Сибири и советского Дальнего Востока своя история. В их быте и национальной культуре есть много общего, но при первом же знакомстве можно заметить немало отличий.

Нанайцы и нивхи — исконные амурские рыбаки — живут в деревянных или глинобитных домиках — фанзах. В дореволюционные годы единственным их транспортом были собачьи упряжки да лодочки-оморочки. Ездят на собаках нанайцы, а также нивхи, эскимосы, чукчи и теперь. А вот таймырские и архангельские ненцы, нганасаны, энцы передвигаются по тундре на оленьих упряжках.

В старые, дореволюционные, годы все народности Крайнего Севера жили изолированно, в отрыве от всех благ цивилизации. Их дети не учились в школах, не было у них и своей письменности. Не строили для них больниц. Охотники, зверобои и рыболовы большую часть своих доходов принуждены были отдавать в царскую казну и купцам, которые обманывали и спаивали их. Но всё это ушло в прошлое и стало историей.

Нет теперь на нашем Севере забитых и обездоленных народностей.

По радио и телевидению выступает артист Кола Бельды. Он сын маленького нанайского народа. Поёт Бельды песню «А олени лучше». Один из сородичей Кола

Бельды — Иннокентий Оненко — закончил Ленинградскую консерваторию; другой его земляк — Григорий Ходжер — стал писателем, он написал книги: «Эморон-озеро», «Чайки собираются над морем» и другие.

Ещё один Оненко, Сулунгу Николаевич, — крупный учёный и работает в Академии наук, а однофамилец Кола Бельды — Андрей Бельды — талантливый живописец, он закончил Академию художеств в Ленинграде. Вот каких замечательных людей воспитал нанайский народ при Советской власти! И не только нанайский народ.

На Подкаменной и Нижней Тунгусках я встречал много врачей, медицинских сестёр, зоотехников. Все они были эвенки. О прошлой и настоящей жизни эвенкийского народа написал книги учёный Василий Николаевич Увачан. Эвенкийские охотники и оленеводы избрали В. Н. Увачана депутатом в Верховный Совет СССР. Ненец, инженер Пётр Лаптандер, ведёт поисковую партию по архангельской тундре, а мансийский учёный Геннадий Бардин занимается научными исследованиями в Антарктиде. Чукотка гордится своим писателем Юрием Рыхэу.

Так стали по-новому жить равноправные члены единой советской семьи народов СССР — обитатели Крайнего Севера.

* * *

Северные народы с давних времён, как могли, украшали свою тяжёлую суровую жизнь. Искусство их богато, причудливо и разнообразно.

Меховую одежду и обувь они расшивали красивыми узорами из кусочков меха, ярких лоскутков сукна, жильных ниток и бисера. Гарпуны, копыя, рукоятки ножей покрывали сложной резьбой.

В часы досуга северяне любили повеселиться. В танцах и плясках чаще всего отражался труд охотника и рыбака.

Чукчи и эскимосы устраивали спортивные состязания. У манси и хантов удачная охота на медведя сопровождалась целым обрядом — представлением с переодеваниями и танцами. Эвенки и эвены в весеннюю пору, когда охотники добывали бархатистые рога — панты — изюбря, собирались у таёжной речки и водили хороводы, исполняя национальную пляску «Одера».

У всех народностей Севера есть свои талантливые певцы и сказители. В старые, дореволюционные, годы обитатели чумов, юрт, фанз, яранг были неграмотными, у них не было своей литературы. Вот почему у них так широко бытовал фольклор, и особенно сказки. В старом, традиционном фольклоре северных народностей отразились думы и чаяния людей о счастливой жизни. У каждого народа, живущего в тайге и тундре, есть свои национальные песни, сказки, предания. Особенно широко бытуют у северян сказки. Есть сказки о животных. Основными персонажами в них выступают лиса, медведь, волк. У чукчей, коряков, эскимосов, ительменов — вóрон. Есть сказки и сказания о древних богатырях. Богатыри эти сражаются на земле и в «Верхнем мире». Иногда герои сказок попадают на Солнце, на Луну. Некоторые богатырские волшебные сказки северян перекликаются с мотивами русских сказок, но в большинстве своём они очень своеобразны.

Одни северные сказки совсем короткие. Но есть и очень длинные; их исполняют по несколько вечеров подряд.

В сказках отразились древние представления людей — вера в шаманов, добрых и злых духов, вера в существование трёх миров — «Верхнего», «Среднего», и «Нижнего». Постоянные занятия охотой, рыболовством, близость к природе обусловили и особенности художественного мышления создателей древнего фольклора. Поэтому с такой лёгкостью герои сказок и сказаний сами

оборачиваются кем хотят, чаще всего птицами или зверями, или превращают вещи во что угодно. В этом сборнике много таких сказок, например: «Журавлиное перо», «Сказание про богатыря Вищ-Отыра», «Деревянные невесты» или «Куйкыннюку ворон».

Теперь на Севере нет шаманов, никто уже не верит в духов и в различные чудеса. Но старые сказки, создававшиеся народами в течение тысячелетий, дороги людям как памятники национального искусства.

При переводе северных сказок на русский язык встречаются трудности, потому что строй языков народностей Севера значительно отличается от русского. Ленинградские литераторы Н. Гессе и З. Задунайская давно уже интересуются фольклором северных народностей. Они удачно отобрали тексты сказок, записанные в районах Севера, и пересказали их, сохраняя основной строй оригинала.

Сказки, помещённые в сборнике «Журавлиное перо», основаны на древних традициях. Они создавались и отшлифовывались многими поколениями сказителей. Но бытуют уже и новые сказки. Правда, их ещё мало. В этих сказках воспевается новая жизнь в таёжных посёлках и городах. В них рассказывается о героическом труде северян, о первых организаторах Советов в тайге и тундре и о самом большом человеке — Владимире Ильиче Ленине.

Михаил Воскобойников

ТО ЛИ БЫЛО, ТО ЛИ НЕ БЫЛО

Саамская сказка

Рассказывал один саам у костра то ли бэль, то ли небылицу, то ли сказку, то ли байку. Говорил, что всё это с ним самим приключилось. И вы послушайте, если время есть, если других дел нету.

Вот с чего всё началось: запоздала как-то весна в северных краях. Давно бы ей пора прийти, а что ни день — ветер дует, снег с неба валит. Вот наш саам и думает: непорядок какой-то на небе, надо бы туда забраться, посмотреть, что там такое. А как туда залезть? Земля низко, небо высоко!

Однако наш саам не дурак был, придумал. Взял топор да рубанок, пошёл в лес. Свалил большую сосну и начал её рубанком строгать. До тех пор трудился, пока всю не истругал. Гора стружек выше леса поднялась. Постелил саам наверх мокрую рогожу, встал на неё и поджёг стружки. Вспыхнул огонь, начала рогожа сохнуть, пошёл от неё густой пар. Подхватил пар саама, покачал-покачал и вверх понёс.

Несло его торчком, несло его кувырком и донесло до облаков. Там саам ухватился за край тучи, да и влез на неё.

Ходит по небу, смотрит. Скучно ему там показалось: пусто, бело кругом, живой души нет, только облака под ногами, как сугробы, лежат...

Поглядел — вдали одно облако выше других вздымается, точь-в-точь круглый снежный дом.

«Значит, живёт всё-таки кто-то на небе!» — обрадовался саам и побежал к тому облачному дому.

Вошёл в дом, а там Гром сидит. По рукам, по ногам связан.

— Хорошо, что ты пришёл, человек, — говорит Гром. — Развяжи меня поскорее!

Саам отвечает:

— Развяжи тебя — ты греметь начнёшь! Я боюсь. Пусть тебя тот развязывает, который связал.

— Глупый ты человек, — рассердился Гром. — Да ведь меня Мороз связал. Зачем ему меня развязывать? Пока я не загремел, он на земле хозяин. Весна в тундре не начинается.

«Вот оно что! — подумал саам. — Раз так, надо развязывать».

Распутал узлы на руках — Гром рукавами взмахнул. Загремело кругом, так саама в сторону и отшвырнуло. Хорошо, что туча мягкая: упал — не ушибся.

А Гром его торопит:

— Скорей ноги развязывай!

Как быть? Начал дело — кончать надо. Зажмурился саам от страха и развязал Грому ноги.

Ох, что тут поднялось! Гром ногами топчет — грохот такой, что оглохнуть можно. Руками молнии на землю мечет — блеск такой, что ослепнуть можно.

Совсем перепугался наш саам. Одно только у него в голове: как бы поскорей с этого неба убраться! Прыг-

нуть бы вниз, да очень уж высоко. Тут как раз мимо него молния стрелой пролетала. Саам и схватился за неё. Моргнуть не успел, как пала молния на землю. И саам с ней.

Угодил он прямо в болото. Ушёл по самые плечи, только голова над трясиной поднимается. Попробовал саам выбраться, да куда там! Ещё глубже увяз.

А кругом весна, морошка белым цветом расцветает, птицы хлопочут...

Прилетела на болото пара лебедей. Смотрит лебедиха — торчит что-то из трясины. Пень не пень, кочка не кочка, а для гнезда годится. Свила лебедиха гнездо на голове у саама. Положила три яйца, села насиживать.

Саам всё терпит. Если уж в болоте увяз, так оно, может, и лучше. Солнце печёт — гнездо ему макушку прикрывает. Дождь зарядит — он не мокнет.

Как-то отлучилась лебедиха ненадолго. Тут и пожаловал гость. Давно волк гнездо учуял, а теперь по кочкам к нему подобрался. Полакомился лебедиными яйцами, да, видно, мало ему показалось. Стал искать ещё, ворошить гнездо лапами. Дерёт твёрдыми когтями голову сааму, а тот крикнуть боится, только глазами моргает, кряхтит. Наконец повернулся волк, чтобы назад

идти. А саам изловчился и схватил зубами волка за хвост. Крепко стиснул зубы, хоть умри — не выпустит.

Теперь уже волк перепугался. Рванулся вперёд, саама из болота выдернул. Ещё три прыжка — саама на сухое место выволок.

Тут разжал зубы саам. Волк наутёк в лес пустился, а наш саам домой побежал.

Не раз и не два саам у костра рассказывал, что с ним приключилось. Кто верил, кто не верил. Кто говорил: сказка, кто говорил: небылица. А саам всё своё твердит: «Быль это, чистая правда! Разве такое выдумаешь?!»

ГОЛУБАЯ БУСИНА

Эскимосская сказка

Решил как-то старый охотник женить сына. Женить не долго, а вот как жену хорошую выбрать? Чтобы добрая была, хозяйка заботливая, бережливая. Думал, думал и придумал.

Продал он связку шкурок, а купил голубых бусин. Крупных. Красивых. Сложил их в мешочек, сыну велел собак запрячь и поехал.

Приехал в одно селение, остановил упряжку и так закричал:

— Эй, девушки, кто хочет бусину голубую получить?

Сбежались девушки, заблестели у них глаза. А старик на ладони держит голубую бусину, всем показывает, дальше говорит:

— Даром не отдам и много просить не стану. Шьёте вы одежду своим отцам и братьям, тащите мне у кого

какие обрезки остались. Кто больше обрезков принесёт, тому и бусина достанется.

Девушки обрадовались. За такую бусину целую шкурку отдать не жалко, а этот приезжий только обрезки, никчёмный товар просит. Каждая в свою ярангу кинулась. Собирают меховые обрезки, торопятся. Вы бы и мигнуть не успели, а девушки опять старика окружили. Одна в подоле обрезки притащила, другая в охапке, третья на нартах целый ворох привезла.

— Ну, всё тут? — старик спрашивает.

— Всё, — отвечают девушки.

Начал старик товар смотреть.

— У тебя обрезков много, да мелкие. У тебя крупные, да мало их. Вот у этой возьму, ей бусину отдам.

И отдал бусину той, у которой целая куча крупных обрезков была. Зажала счастливица бусину в кулаке, подружки на неё с завистью глядят, а старик дальше поехал.

Отъехал от стойбища, дорогую свою покупку в сугроб выкинул и погнал собак вперёд.

Быстро несётся упряжка, а ещё быстрее летит по тундре весть: едет бусинный хозяин, меняет у девушек меховые обрезки на бусы.

Добежали собаки до второго стойбища, а бусинному хозяину уже встреча готова. Посреди стойбища разложили девушки свой товар, будто пять племён на большой торг съехались. Только товар у всех один — меховые обрезки.

Недолго тут старик задержался. Посмотрел, поглядел, вздохнул, сказал:

— Ай, девушки, ай, хозяйюшки, видно, хорошо кроите, ладно шьёте! Замуж станете выходить, выбирайте добычливых охотников, чтобы шкурок на вас напаслись.

Отдал бусину по уговору, за стойбищем обрезки, что выменял, в сугроб закопал, дальше едет.

Скоро большое стойбище завиднелось, старик к нему упряжку направил. На краю стойбища маленькие девочки на снегу топчутся, высматривают. Увидели его, побежали между ярангами с криком.

— Едет! Бусинный хозяин едет!

Из каждой яранги девушки с меховыми обрезками выходят. Да что девушки! Старухи и те на торг приковыляли. Думают: может, приезжий старую с молодой перепутает, на обрезки, что всю жизнь копили, польстится.

Все лоскуты перебрал бусинный хозяин, наконец дошёл до той девушки, у которой самый большой ворох был. Присмотрелся попристальней — оказывается, девушка целую лисью шкуру на куски разрезала.

Задумался старик — неужели этой бусину отдавать? А девушка улыбается, на других лукаво поглядывает, радуется, что перехитрила всех.

Но тут вдруг заметил старик ещё одну девушку, что далеко в стороне стояла. Верно, подойти поближе не смеет. Бусинный хозяин сам к ней подошёл. Быстрым взглядом всё разглядел. Кухлянка на ней кусочками оленьего меха расшита, узор непростой, красивый. Хоть и не новая кухлянка, но опрятная. Торбаса с разноцветными вставками — сразу видно, что эта девушка из лучших мастериц лучшая. Да и собой хороша.

— Ты что ж в стороне стоишь? — спросил у неё приезжий. — Разве не хочется тебе бусину получить?

— Хотелось бы, только менять не на что, — тихо сказала девушка. — Вот два лоскутка, да и те подружки подарили.

— А своих неужели нету?

— Я больших лоскутков не оставляю, сколько ни крою, узенькие полоски отрезаются. Вот такие, — и разжала кулак.

На ладони лежали узенькие-преузенькие ремешки, что ни в какое дело уже не годны.

Старик спросил:

— Что ж ты так скуп кроишь?

— Отца жалею, — девушка сказала. — Не молод он, на охоту ему уже трудно ходить.

Повернулся старик к толпе девушек, крикнул:

— Расходитесь все по ярангам, я свой торг кончил! Бусину этой девушке отдаю. Мало у неё лоскутков, да дорого стоят.

Отдал он ей самую большую, самую яркую бусину и сказал:

— Подожди, никуда её не нашивай. Может, к этой бусине ещё другие прибавятся. Жди в скором времени гостей.

И уехал. В сторону своего стойбища направил собачью упряжку.

Приехал. Сын вышел собак распрягать. Отец ему говорит:

— Получше собак накорми. Издалека они вернулись, а долго им отдыхать не придётся. Теперь вдвоём поедим жену для тебя сватать. Нашёл я тебе невесту. Много девушек перевидал, красивых, словно ясные звёздочки, она среди них — что незакатное солнце. Всю твою жизнь осветит и мою старость пригреет.

ПРОПАВШАЯ ПЕСЕНКА

Эскимосская сказка

Пришла весна. Из тёплых краёв прилетели на скалы у Берингова пролива две пуночки. Свили себе гнездо на высоком утёсе у самого моря.

Пуночка-мать снесла яйцо и принялась его насиживать. С места слететь боялась, чтобы яйцо холодным ветром не обдуло. От дождя его собой прикрывала, недоедала, недосыпала.

Наконец вылупился из яйца сынок. Да такой удачный, такой пригожий. Ни у кого на всём побережье не нашлось бы птенца красивее. Одно плохо — криклив очень.

Тут уж и вправду родителям некогда было ни попить, ни поесть, ни поспать. Если отец на добычу улетает, мать баюкает сыночка. Если мать отлучится, отец над ним хлопочет.

Вот однажды сидела пуночка-мать на краю гнезда и пела сыну песенку:

693543

Чьи-чьи это маленькие лапки?
Чьи-чьи это маленькие крылышки?
Чья-чья это миленькая головка?
Чьи-чьи это миленькие глазки?
Чьи-чьи, чьи-чьи?

Летел мимо ворон, услышал песенку, сел неподалёку и стал слушать. Слушал, слушал и заслушался. Так понравилась ему эта песенка, сказать невозможно. Принялся он просить пуночку:

— Подари мне песенку! Отдай мне песенку!

— Что ты! — говорит пуночка. — Не могу отдать. Одна она у нас. Нету другой песенки.

— Я тебя очень прошу, — уговаривает ворон. — Я теперь без этой песенки жить не могу.

— А мой сынок без песенки заснуть не может. И не проси, не отдам!

Рассердился ворон.

— Добром не отдашь, силой заберу!

Налетел на пуночку, вырвал у неё песенку и улетел.

Тут пуночка-сынок раскричался, расплакался. И пуночка-мать заплакала.

Вернулся пуночка-отец с охоты. Видит-слышит — сынок кричит, жена над ним слёзы льёт.

— Что с вами? — спрашивает. — Какая беда случилась?

— Страшная беда, — отвечает мать-пу-

ночка. — Налетел ворон, унёс нашу песенку. Теперь ни за что не заснёт сынок, весь исплachtetся! Как жить будем?

Разгневался пуночка-отец, глазами засверкал, ногой топнул.

— Дайте мне охотничьи рукавицы, мой боевой лук, мои меткие стрелы! Полечу искать обидчика, из горла у него песенку вырву!

Летел он, летел, много птиц видал, да все не вороны. . . То куропатка меж камней бегаёт, то ржанка посвистывает. Наконец увидел на утёсах целую стаю воронов. Сел невдалеке, наложил стрелу на лук, натянул тетиву, ждёт. Кто его песенку запоёт — тому и стрела.

Однако вороны своими делами занимаются. Старики на солнышке греются, старухи судачат. Молодёжь игры играет. Парни-вороны своим милым что-то на ухо нашептывают. И никто песен не поёт — ни пуночкиных, ни своих. Разок, другой каркнул, да разве это песня!

Полетел пуночка-отец дальше. Летел, кружил, видит — сидит ворон на дереве, один сидит в ветвях. Клюв вверх задрал, глаза закрыл, качается из стороны в сторону и поёт-заливается:

Чьи это маленькие лапки,
чьи это маленькие крылышки?
Чья это миленькая головка,
чьи это миленькие глазки?

Пропоёт и снова начинает:

Чьи это маленькие лапки, чьи это маленькие крылышки?..

— Вот он, злодей! Вот он, похититель лучшей в мире песенки! — сказал пуночка-отец.

Сел на ветку того же дерева, натянул тетиву, пустил стрелу в ворона. Скользнула стрела по твёрдым маховым перьям и на землю упала. Ворон даже не заметил, глаз не открыл. Поёт-заливается.

Тогда пуночка-отец выхватил сколько было в колчане стрел, заложил их между пальцами и начал пускать в разбойника. Сразу по четыре стрелы.

А ворон всё поёт:

Ой, чьи это маленькие лапки?
Ох, чьи это маленькие крылышки?
Ой-ой, что-то мне попало в бок!
Ох, чья это миленькая головка?
Ой, что-то меня колет!

Ох, чьи это миленькие глазки?

Ой-ох! Ох-ой! Не могу больше! Кар-кар-р!

И выпустил песенку из клюва.

А пуночка-отец схватил её и полетел скорее к своему гнезду.

Подлетает, слышит — сынок кричит, жена плачет.

— Не кричите, не плачьте, — говорит им пуночка-отец. — Я нашу песенку у злого ворона отнял. Вот она!

Обрадовалась пуночка-мать, запела песенку. Утих сынок, заснул.

С тех пор пуночки, едва завидят, что ворон мимо летит, замолкают. Боятся даже клюв раскрыть. Вот песенка и сохранилась. И сейчас все пуночки её поют своим крикливым детям.

ДВЕНАДЦАТЬ УМНЫХ БРАТЬЕВ

Вепсская сказка

1

Н а краю одной деревни стояло двенадцать одинаковых домов. Шесть изб рядом, шесть изб тоже рядом, только по другую сторону улицы. И жили в этих избах двенадцать братьев. У каждого была жена и дети, да не о них речь пойдёт, их поминать не будем.

Так вот, жили двенадцать братьев. Собрались они однажды зимой в Сортавалу за покупками. Кому соль понадобилась, кому ситец жене на платье, кому мыло, кому сапоги... Запряг каждый свою лошадь, расселись по саням и поехали.

Ехать не близко, в пути их ночь застала. Свернули они на постоялый двор при дороге. Стали лошадей распрягать. Один брат говорит:

— Не забудьте сани оглоблями повернуть в ту сторону, куда нам ехать надо.

— Хорошо придумано, — сказал другой брат.

— Завтра гадать не придётся, куда ехать, — сказал третий.

— Знай гони лошадей, пока до Сортавалы не добегут, — добавил четвёртый.

Услышал их разговор хозяин постоянного двора, подивился, посмеялся. Однако ничего братьям не сказал.

А братья поставили лошадей на конюшню и все двенадцать саней повернули оглоблями в одну сторону — к Сортавале. Потом пошли в дом и легли спать.

Едва братья заснули, хозяин взял да и повернул оглобли в другую сторону. Сам себе сказал:

— Не со зла ведь делаю. Просто любопытно, неужели они и вправду по оглоблям дороге узнают.

Ну, проспали братья ночь. Утром принялись запрягать лошадей. Запрягают, друг друга похваляют:

— Не поверни мы вчера оглобель, теперь бы не знали, куда ехать, — говорит один.

— Когда по незнакомой дороге едешь, главное — не заблудиться, — говорит второй.

А двенадцатый сказал:

— Одна голова хорошо, а уж с двенадцатью нигде не пропадём.

Поехали братья. Хозяин им вслед посмотрел, пожал плечами, но ничего не сказал.

Погоняют братья коней, торопятся в Сортавалу. Вдруг передний говорит:

— Смотрите, братцы, какое место знакомое. Точь-в-точь как то, что мы вчера проезжали. Берёза у валуна стоит и канава рядом.

— Это точно, похожее место, — говорит второй.

— Много на свете одинаковых мест, — говорит третий.

— Что ж тут удивительного, — подхватил четвёртый. — В нашем краю, что ни дерево, то берёза, что ни камень, то валун. И канавы попадаются часто.

А двенадцатый сказал:

— Вы бы меньше по сторонам зевали!

Час едут — молчат, другой едут — молчат, третий едут — никто ни слова. Только коней понукают.

Вдруг пятый брат сказал:

— Вроде бы мы вчера эту деревню проезжали!

Повернули все братья головы, стали смотреть.

— Не та эта деревня, — говорит шестой.

— Не та, — говорит седьмой.

— Та деревня слева была, — говорит шестой.

— Слева, — поддакивает седьмой, — а эта, сам погляди, справа.

— Справа, — говорит шестой.

— Чего там спорить! — сказал двенадцатый. — Ехать надо. Как бы опять в пути ночевать не пришлось!

Опять едут, опять молчат. Впереди снова деревня показалась.

Тут восьмой брат сказал:

— Не знал бы я точно, что в Сортавалу едем, подумал бы, что это наша деревня.

— И пригорок такой, — сказал девятый.

— А вон на том краю шесть да шесть изб стоят, точь-в-точь как наши, — сказал десятый.

— Я ж говорил, что на свете много мест одинаковых, — напомнил третий.

— Это ты говорил, — согласился одиннадцатый. — Но такого места, как наше, такой деревни, как наша, таких изб, как наши, нигде на свете не сыщешь.

Двенадцатый прикрикнул на братьев:

— Хватит языки чесать! Наша деревня, не наша, вперёд ехать надо.

Только успел это сказать, подбежала к его саням рыжая собака, хвостом завиляла.

Тут двенадцатый сказал:

— Деревня чья, не знаю, а собака моя.

— Ну, раз собака твоя, так и деревня наша, — сказал первый.

И повернул к себе во двор.

Так и не поехали братья в Сортавалу.

— Чем без толку ездить, лучше дома сидеть, — сказал двенадцатый брат.

И все одиннадцать с ним согласились.

2

А то вот ещё что с двенадцатью братьями случилось. Отправились они как-то на сенокос. Целый день махали косами. Сена прибавилось, травы будто не убавилось. Укосное лето выдалось в том году. Решили братья домой не возвращаться, в поле заночевать.

— А как же, братцы, мы ляжем? — спрашивает один.

— Да так подряд и ляжем, с младшего до старшего, — сказал другой.

Легли они на траву рядком. Вдруг двенадцатый брат говорит:

— Непорядок это. Все в серединке лежат, я один с краю. Холодно мне ночью будет, а ведь я старший.

— И я с краю, — отозвался первый. — И мне холодно будет, а я ведь младший.

— Да, непорядок это, — сказал шестой.

— Непорядок, — сказал седьмой, — ложитесь-ка вы между нами. Вот и окажетесь в серединке.

Только улеглись первый и двенадцатый между шестым и седьмым, второй и одиннадцатый закричали:

— Теперь мы крайние! Нам будет холодно.

Стали опять перекладываться. Никак улечься не могут. До тех пор перекладывались, пока снова первый и двенадцатый крайними не очутились.

— Почему же это так вышло? — удивляются они. — Видно, придётся начинать сначала!

Как раз в это время ехал мимо них по дороге сосед. С сенокоса возвращался. Он-то решил в деревне ночевать. Смотрит сосед — у братьев что-то неладно. Остановил коня, слез с телеги и подошёл поближе.

Увидели братья соседа, обрадовались.

— Вот хорошо, — говорят, — может, добрый человек посоветует, как нам быть.

— А что у вас? — спрашивает сосед.

— Да вот такое дело, — отвечают братья, — как ни ложимся, всё двое с краю оказываются.

— Ну, этому горю помочь нехитро, — сказал спокойно сосед.

Взял он стожар — шест, вокруг которого стог навивают, — воткнул в землю и говорит братьям:

— Ложитесь к стожару ногами, головами наружу.

Сказал так и уехал.

Легли братья. Смотрят — всем хорошо. У первого двенадцатый да второй по бокам, у двенадцатого — первый да одиннадцатый... Никто с краю не лежит, все по-серединке.

Ранним утром едет сосед из деревни на сенокос. Глядит, опять у братьев неладно — шум, спор, чуть до драки не доходит.

— Моя нога! — кричит седьмой.

— Где же твоя?! — сердится двенадцатый. — Моя!

— Ты посмотри, ноготь на большом пальце скрюченный не у тебя, а у меня, — говорит седьмой.

— Ноготь скрюченный, — значит, моя нога, — закричал первый. — Я три года назад топором ноготь прибил. Так что отдавайте мою ногу, и слышать ничего не хочу!

— Что это у вас тут делается? — спросил сосед.

— С ногами никак не разобраться, — объясняют

братья. — Головы у всех врозь, а ноги в куче. Косить пора, а мы встать не можем.

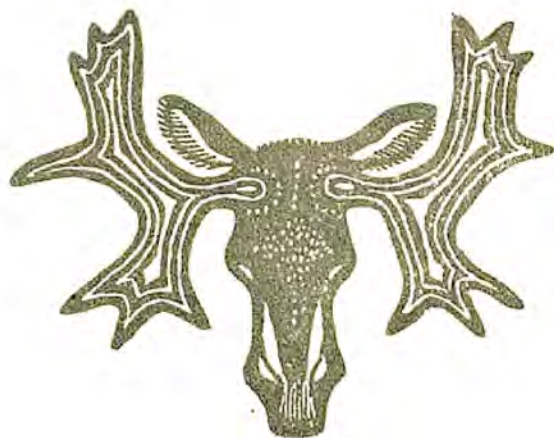
— И этому горю немудрено помочь, — сказал сосед. — Полежите ещё немножко, я сейчас...

Нарезал он тальниковых прутьев и, не говоря братьям ни слова, начал охаживать их по пяткам розгами.

Мигом братья повскакали. Тут уж не до споров, где чьи ноги. Как ожгёт пятку розгой, долго думать не будешь!

Попрыгали братья по траве, утренняя роса охладила их горящие подошвы. Принялись они за работу.

С тех пор никогда братья на сенокосе ночевать не оставались. Говорили: с ногами самим не разобраться, а сосед, кто его знает, то ли окажется поблизости, то ли другой дорогой поедет.

ПЕСЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Долганская сказка

У края леса, у края тундры стояла, говорят, рубленая избушка. В ней женщина с тремя сыновьями жила. Два старшие сильные были, а младший — Куначжи его звали — всё на печи лежал. Не ходил совсем, не держали его ноги. Отчего так, сам не знал и мать не знала. А если и знала, ничего не говорила.

Мать всегда с Куначжи дома сидела, разве только за хворостом в лес сходит. А братья всё по лесу бродили, у речки дневали. Дичи добудут, рыбы наловят, сами наедятся, объедки домой несут. С утра уйдут, вечером вернутся.

Так и в тот день, с которого наша сказка начинается. Первый раз Куначжи проснулся, когда братья на тихой зорьке промышлять собирались. Дождался он, пока хлопнула за ними дверь в избушке, и опять уснул. Второй раз проснулся — снаружи буря бушует. Дверь избушки на-

стежь распахнута, всё тепло выдуло, и печь уже остыла. Куначжи позвал мать, она не откликается. Хотел он сам слезть с печки, чтобы дверь закрыть, да не сумел, упал на пол. Бок ушиб, руку ушиб, однако пополз к порогу.

Дополз, опёрся о порог руками, глянул направо. Увидел подобные ворчливому тощему медведю буреломы, увидел подобные голодному изогнувшемуся волку кривые пни.

Посмотрел налево — свою мать увидел. Стоит она, за угол избушки держится, вверх глядит. Вдруг блеснула молния, грянул гром. Зажмурился Куначжи, а когда открыл глаза, матери уже нет на том месте, где стояла.

— Мама! Мама! — позвал Куначжи.

То ли слышалось ему, то ли ветер прошумел, то ли и правда мать ответила:

— Приходи ко мне, сынок!

— Куда приходите, мама? — закричал Куначжи.

Только ничего больше не услышал. Заплакал тут Куначжи. Кое-как дверь прикрыл, забился в угол, братьев ждёт.

К вечеру вернулись братья. В избе не топлено, в углу убогим щенком Куначжи свернулся.

— Куначжи, почему лежишь на полу? — спрашивают братья.

— Упал с печки.

— Почему в избе холодно?

— Ветер раскрыл дверь, тепло выдул.

— Где же мать?

— Не знаю.

И рассказал, что видел.

Выбежали братья из избушки, кругом обежали. Не нашли ни следа, ни знака. Ни с чем вернулись. Затопили печь, Куначжи накормили, поели сами и легли спать. Братья спят, Куначжи всю ночь проплакал.

Утром Куначжи говорит:

— Надо к матери идти.

— А куда идти? — спрашивают братья.

— Не сказала она, — отвечает Куначжи.

— Как найдёшь, если следа нет! Где искать?

— Может, я след увижу, — говорит Куначжи. — Посадите меня в сельницу и везите.

Старшие братья так и сделали. Посадили Куначжи в сельницу — корыто, над которым мать муку просеивала. Привязали к ней крепкий ремень и потащили младшего брата по лесу, по тундре.

Братья идут, под ноги себе глядят. Куначжи в сельнице сидит, по сторонам смотрит. В первый раз вольный свет видит! На западе видит землю с яркими цветами, с подобной кривому ножу осокой. На востоке видит землю с пестреющими лесами. На юге краснеют горы. На север глянет — там снега белеют.

Сколько дней так шли, столько ночей ночевали, а на трижды третий день подошли к старому, заглохшему озеру, что густо поросло высокой травой.

Куначжи говорит:

— Тут остановимся. Надо траву рвать.

— Зачем? — спрашивают братья.

— Потом увидите. Ну, начинайте, я пока посплю.

Спит Куначжи. Братья не столько работают, сколько не работают. Куначжи проснулся — стоит высокая трава, как стояла, лишь кое-где проплешины виднеются. Младший брат говорит:

— Мало вы наработали. Верно, я только чуточку вздремнул.

— Какое там! Ты долго спал, — старшие отвечают, — а мы работали, не разгибались. Трава очень жёсткая, устали.

— Устали — поспите.

Братья повалились, захрапели. А когда глаза раскрыли — на сухом озере ни одной стоячей травинки не

осталось. Вся сорвана, вся собрана, зелёной горой возвышается.

— Ну, отдохнули? — говорит Куначжи. — Теперь новая работа есть. Траву я всю повыдергал, не такая уж она жёсткая. Однако руки у меня заболели, спина заныла. Я спать лягу, а вы из травы верёвку вейте.

Второй раз Куначжи просыпается. Рядом братья лежат. Валяется возле них на земле маленькая, тоненькая верёвочка. А куча травы будто не тронута. Вздохнул Куначжи, сам взялся за дело.

Долго ли, коротко ли спали братья, долго ли, коротко ли работал Куначжи — разбудил их, когда в куче ни одной травинки не осталось. Толстая травяная верёвка три раза вокруг озера змеей обвилась.

Удивились братья. Стало им стыдно. Спрашивают:

— Говори, что дальше делать?

— Вон видите дерево? Выкопайте его с корнями и принесите сюда.

Пошли братья. Скоро вернулись.

— Очень толстый ствол у дерева, — говорят, — глубокие корни, длинные ветки. Не можем его выкопать.

— Ну, подтащите мою сельницу к тому дереву.

Подвезли его братья. Куначжи толкнул дерево, оно до земли наклонилось. Ухватил за нижние сучья, с корнями выворотил. Потом взял конец верёвки, привязал к вершине лежащего дерева, а дерево в небо швырнул. Летит оно всё выше и выше, корнями вверх, вершиной вниз. Травяную верёвку за собой тащит. Долетело дерево до неба, вросло в него корнями. С вершины его верёвка свисает до самой земли.

Удивляются братья: откуда у худоногого Куначжи, что век на печи пролежал, столько силы? А Куначжи говорит:

— На Земле следа нашей матери нет. Значит, на небе она. По этой верёвке подыдемся.

Опять удивляются братья: откуда у худоногого Куначжи, что белого света не видел, столько ума?

Полезли все трое. Лезут. Братья себе ногами помогают. Куначжи только руками перебирает.

Поднялись на небо. Куначжи смотрит — бегут во все стороны серебряные дороги, блестят, переливаются под солнцем. А братья кругом себя глянуть боятся, всё вниз, на землю, смотрят. Куначжи говорит:

— Надо идти мать искать!

— Никуда мы не пойдём, шагу не ступим. Тут хоть верёвка к земле тянется, не так страшно.

— Что ж, — сказал Куначжи, — придётся мне самому идти. По этим красивым дорогам, может, пойдут мои ноги.

Подполз к серебряной дороге, встал на неё. Встал, стоит, держат его ноги. Потом шаг ступил, другой... И пошёл, как будто весь свой век ходил. Только раз обернулся, братьям крикнул:

— Ждите меня здесь три года. Если жив буду, вернусь. Если хоть на один день опоздаю, — значит, в живых меня нет. Тогда спускайтесь по верёвке на землю. Вспоминайте меня добром.

— Хорошо, будем ждать три года, — ответили братья. А друг другу сказали: — Видно, не простой человек наш Куначжи, а мы и ведать не ведали!

Развели они костёр, сели у огня, приготовились ждать три года.

Идёт Куначжи по серебряной дороге. Сколько дней, сколько ночей идёт, только он один знает. Наконец до перекрёстка дорог дошёл. Смотрит — стоит маленькая избушка. Стены у неё серебряные, крыша серебряная. Вертится-крутится избушка, то одна сторона её на солнце блеснёт, то другая. А у избушки сидит красавица. Лицо у неё белое, как летнее облачко, щёки нежные, как тучка на восходе.

— Куда идёшь? — спрашивает красавица у Куначжи.

— Ищу свою мать, — отвечает он.

— Напрасно ты её здесь ищешь, — говорит девушка. — Что тут делать женщине с Земли? Оставайся в моей избушке или назад иди.

— У тебя не останусь и назад не пойду, — говорит Куначжи. — Мать меня звала. На Земле я следов её не нашёл, значит, здесь должна она быть.

— Может, так, может, не так, — сказала девушка. — Позади тебя дорога длинная, впереди ещё длинней. Зайди в избушку, отдохни, поешь.

Послушался её Куначжи, вошёл в избушку. Поел, чем девушка его угостила, отдохнул немного и опять в путь собрался.

Девушка ему на прощанье сказала:

— Нету здесь твоей матери. Если мне не веришь, спроси у моей старшей сестры. А идти к ней надо по дороге, что направо ведёт.

Пошёл Куначжи направо. Шёл, шёл и пришёл к избушке. Если бы Куначжи сам дорогу ногами не мерил, подумал бы, что на месте стоит, до того избушки похожи. И девушка подле неё такая же красивая. Только щёки у этой девушки не нежные, как облачко на утренней заре, а яркие, как туча на закате. Глаза у неё мерцают, словно первая звезда в темнеющем небе.

Рассказал ей Куначжи, куда идёт, кого ищет.

Девушка ввела его в избушку, накормила, напоила, потом сказала:

— Не напрасно ты мать ищешь. Здесь она, её злой Гром с земли унёс, взаперти держит. Хочешь освободить, убей Грома.

Тут она сняла со стены острый меч, Куначжи подала.

— Иди всё прямо, никуда не сворачивай. Увидишь спóлохи, тоже не сворачивай. Увидишь всадника на бе-

лом быстрогоного коне, тут остановись. Это и есть Гром, твой обидчик. Он с коня соскочит, подойдёт к тебе, а ты ударь его мечом.

— Не побоюсь! — сказал Куначжи и пошёл по дороге.

Шёл, шёл, смотрит: играют впереди сполохи. Меняют цвет с красного на зелёный, с синего на жёлтый. Если взглядеться, чего только в них не увидишь: и леса, и горы, и луга с цветами, и озёрные края. Смотрит Куначжи, однако не останавливается, дальше идёт.

Вдруг показался всадник на белом коне. Из рта коня огонь пышет, из ноздрей искры летят. Тут Куначжи остановился. И всадник коня остановил, соскочил с сед-

ла, подошёл. Выхватил меч Куначжи, как девушка ему говорила, и ударил всадника.

Блеснуло что-то, загремело раскатами. Куначжи меч из рук выпустил, упал лицом вниз, ничего больше не помнит. Долго ли лежал, мало ли лежал, тоже не знает. Наконец открыл глаза — кругом ничего нет, расстилается белый снег, сколько глаз хватает.

— Тут мне, видно, и погибнуть! — сказал Куначжи.

— Так тебе и надо! — раздался голос над белой равниной. — Не спросил, не сказал сам, чего хочешь, а меч поднял! Дочерей облаков послушался, а они тебя обманули.

Замолк голос. Такая тишина настала, что слышно, как снежинки пересыпаются. Встал Куначжи, побрёл по глубокому снегу. Ноги в сугробах вязнут, хоть ползи, как двадцать лет ползал. Упадёт — тонкий наст руки до крови режет. Совсем выбился из сил Куначжи.

— А ведь и вправду погибну здесь! — говорит себе.

— Погибнешь! — сказал тот же голос.

Куначжи выпрямился, кулаком невидимому погрозил.

— Не погибну! Мать я должен найти. Она меня звала, может, плохо ей.

— Не надо было дочерей облаков слушаться! — опять сказал голос. — Ты виноват.

— Так ведь мать не виновата! — закричал Куначжи.

— Это ты правду сказал, — ответил голос. — Тогда иди. Увидим, твёрдо ли ты решился.

Куначжи идёт. Снега меньше стало, кое-где земля виднеется. Ногам легко ступать. Обрадовался Куначжи — теперь дойдёт он!

И вдруг заблестело, заплескалось перед ним озеро. Большое озеро, ни вправо, ни влево берега не видно, а впереди чуть чернеет берег. Не замёрзло озеро, вал по нему ходит, ветер с гребней пену срывает.

Остановился Куначжи, что делать, не знает. Потом сказал:

— Путь к матери не назад, а вперёд лежит. Только как по воде пойду, утону ведь!

И прислушивается — не даст ли какого совета голос. Нет, молчит голос. Видно, надо самому решаться.

— Будь что будет, пойду!

Тут голос сказал:

— Иди, не утонешь.

Ступил Куначжи ногой на воду — ногу не замочил. Ступил другой — твёрдо. Под его ногами вода льдом становится, на шаг впереди замерзает, на шаг позади опять плещется. Так Куначжи всё озеро пересёк. Вышел на берег — перед ним дорога лежит, гладкая, серебряная.

Быстро зашагал Куначжи. По гладкой дороге будто сами ноги его несут. Вон и сполохи вдали. Отливают красным, синим, зелёным, каждый миг меняются. То словно леса встают, то горы вздымаются, то открываются широкие реки...

Дошёл до самых сполохов Куначжи, до того места, где встретил всадника на белом коне. Остановился, не знает, то ли тут ждать, то ли дальше идти. Постоял — нет никого, дальше пошёл.

Сколько прошёл, Куначжи не считал и мы не мерили. Наконец увидел просторный дом с восемьюдесятью окнами. Подошёл он к нему, с десятью золотыми балками высокий порог переступил. Очутился на золотом полу, по которому с приглядкой ходят, на цыпочках переступают. Красивый дом, с нарядной карнизной печью, с певучей скамьёй, с говорящей сказки лежанкой.

Тут выбежала к нему женщина, закричала:

— Куначжи пришёл! Сыночек мой пришёл на своих ногах!

Куначжи смотрит, глазам своим не верит — и мать его это, и нет. Красавицей она стала, какой, видно, смо-

лоду была. Куначжи её такой не помнил. А голос ласковый сразу узнал.

Мать сына на певучую скамью усадила, сама рядом села. О том говорить стали, что Куначжи знал, мать не знала. Рассказал Куначжи, что с ним было, что видел, что слышал, что делал. Всё выслушала мать, потом головой покачала:

— Ох, сыночек, нехорошо ты сделал! Ты отца своего убить хотел!

— Как отца? — закричал Куначжи.

Мать сказала:

— Всё тебе расскажу, ты послушай.

И стала она говорить, о чём сама знала, о чём Куначжи не знал.

Много лет назад это было. Мать кочевала с мужем своим и двумя маленькими сыновьями. По лесу на оленях они ехали. Вдруг напал на них медведь. Мужа насмерть придавил, на мать бросился. Тут бы ей конец пришёл, да загремел среди ясного неба гром, слетела молния, убила медведя. А перед молодой женщиной появился всадник на белом коне. Начал он заботиться о ней и её детях, не дал им от голода, от холода пропасть. Прожили так год, и родился у них мальчик Куначжи. Стал Гром в дорогу собираться, сказал, что не может больше оставаться на Земле, к себе на небо должен вернуться. Целый год грозы нигде не было, плохо это для всего растущего, для всего живущего. Пообещал прийти, когда сможет. И приходил. Три раза за эти годы приходил, всё с собой звал. А куда пойдёшь, когда сын худоногим родился, как его бросишь! В последний раз Гром ей так сказал, так уговаривал: «Сын наш вырос. Если любит тебя, станет искать. Доберётся до неба, тут я ему помогу, будут его ноги ходить, не зная усталости». Женщина послушалась мужа, унёс он её. Только и успела она крикнуть: «Приходи ко мне, сынок!»

— Это я слышал, мама, — сказал Куначжи. — Вот я пришёл к тебе.

— Хороший ты сын у матери, — сказала женщина. — А что отец скажет, надо его спросить.

— Где же он, мама?

— Не знаю, где сейчас. У него дел-забот много.

Стал Куначжи жить с матерью в просторном доме с восьмьюдесятью окнами. Дрова ей рубил, воду носил, во всём помогал.

Однажды на рассвете услышал Куначжи тяжёлые раскаты. Затряслись стены, золотые балки золотым звонком зазвенели. Потом разом всё стихло. Куначжи подумал:

«Верно, это мне во сне почудилось!»

И опять заснул. А уже когда солнце поднялось, пришла мать, сказала:

— Вставай, сынок, твой отец на белом коне домой вернулся. Тебя зовёт.

Пошёл Куначжи к своему отцу Грому. Гром ему говорит:

— Оказался ты добрым сыном. Теперь сам выбирай: хочешь — с нами живи, хочешь — на Землю возвращайся.

Куначжи отвечает:

— Вижу, матери хорошо живётся. Защитник ей не нужен. А земному человеку на Земле лучше. И братья меня у края неба ждут. Я им пообещался через три года вернуться.

— Верные ты слова сказал, — говорит Гром. — Иди к братьям. Только сначала выбери из того, чем я владею, себе долю.

Три амбара стояло на широком дворе у Грома. Гром подвёл Куначжи к первому амбару, двери перед ним открыл.

Глянул влево Куначжи — замерцал у него в глазах лунный блеск. Глянул вправо — ослепил его солнечный

блеск. Это груды серебра, груды золота у Грома в амбаре лежат.

— Бери, сколько унесёшь, — сказал Гром.

Куначжи головой покачал.

— Не надо мне золота, не надо серебра.

— Значит, не хочешь богатства? — говорит Гром и ведёт его к другому амбару.

В том амбаре семицветные радуги в углу свалены, молнии белым и малиновым огнём светят, ветры из кожаных мешков рвутся.

Куначжи и тут головой покачал:

— Нет, отец, и отсюда ничего не возьму. Да тебе и самому это нужно.

— И могущества, значит, не хочешь, — отец сказал. — Ну что ж, сам я тебя подарком наделю. Тот подарок в третьем амбаре.

Удивился Куначжи: совсем пуст третий амбар, только посередине лежит палочка небольшая с тремя сучками. Поднял палочку Гром, отдал Куначжи, сказал:

— Когда скучно тебе станет, когда тоска на душу ляжет, вынь любой сучок, посмотри в дырочку. И в беде тебе эта палочка поможет.

Попрощался Куначжи с отцом, с матерью попрощался и отправился в обратный путь.

Быстро шёл, к братьям спешил. Ноги его устали не знали. Вот уже сполохи перед глазами из цвета в цвет переливаются. Куначжи только самую малость на них полюбовался, дальше спешит. Серебряная дорога перед ним расстилается, будто сама из-под ног назад убегает.

Дошёл до избушки. Вертится-крутится она, то одна сторона, то другая блеснёт. Сидит перед избушкой старшая сестра, дочь облаков. Куначжи ей говорит:

— Хочу у тебя спросить, знала ли ты, что Гром мой отец, что мать жена ему?

— Знала, — отвечает девушка.

— Зачем же ты мне меч дала, правды не сказала? Ведь я мог отца убить, мать вдовой сделать!

— Теперь скажу тебе правду. Не должен был Гром земную женщину себе в жёны брать. Не место ей на небе. Вот почему я тебе в руки меч дала, почему тебя научила его на Грома поднять.

— Моя мать никому зла не желает и тебе не желала.

— Может, и так, — сказала дочь облаков. — А только что сделано, то сделано. Гром мне теперь не простит. Возьми меня с собой на землю.

— Что ж, — ответил Куначжи. — Если хочешь, пойдём.

Пошли вдвоём. Долго ли, коротко ли идут, дошли до той серебряной вертящейся избушки, где младшая дочь облаков живёт.

— Куда идёшь? — спрашивает младшая сестра у старшей.

— На землю иду, хочу там пожить.

— Возьми и меня с собой.

Теперь втроём идут. Куначжи быстро шагает, девушки по серебряной дороге скользят, будто летят над ней. Наконец до братьев дошли.

Братья уже в путь собираются, костёр потушили.

— Разве три года миновали? — Куначжи у них спрашивает.

— Всего три дня осталось. Мы уже думали, ты погиб. Чего зря время терять! — отвечают братья.

А сами с красавиц глаз не сводят.

Стали по верёвке вниз спускаться. Первыми красавицы, потом старшие братья. Куначжи ждёт, пока все ногами земли не коснутся.

Спустились красавицы, спустились братья. Куначжи наверху только за верёвку схватился. Братья на красавиц посмотрели, друг на друга глянули. Старший среднему шепнул:

— Пускай Куначжи на небе останется. Разве плохо ему там? А мы на красавицах женимся.

Пока средний брат успел головой кивнуть, старший уже верёвку поджёг. Высохла травяная верёвка за три года, побежал по ней огонёк, будто жёлтая птичка крылья расправила, вверх полетела.

Куначжи по верёвке вниз спускается, огонёк по верёвке вверх бежит. Как раз на середине встретились. Тут потух огонёк. Остался Куначжи между небом и Землёй.

Посмотрел вниз. Далеко Земля, а всё-таки видно, как братья с красавицами прочь убегают. Висит Куначжи, что делать, не знает. Ветер его раскачивает, дождь сечёт. Вдруг вспомнил Куначжи про подарок отца своего, Грома. Взял палочку, приставил к верёвке. Расти стала палочка, до самой Земли дотянулась. По ней и спустился Куначжи.

А палочка какой была, такой опять сделалась. Сел Куначжи на траву, палочку на колени положил. Стал вспоминать, что давно было, что недавно случилось. До двадцати лет кормили его братья и о матери заботились. А сейчас обманули, зло против него замыслили. Обо всём забыли, увидев красавиц. Даже про мать не спро-

сили, — нашёл ли её Куначжи, плохо ли, хорошо ли ей? Дочери облаков — они сами что облака переменчивы. На них Куначжи не в обиде, они уже его обманывали. А братья?.. На братьев Куначжи, как на себя, надеялся.

Скучно ему стало, тоска на душу легла. Вдруг палочка будто сама на его коленях перекадилась. Вспомнил Куначжи, что отец говорил. Взял палочку в руки, вынул верхний сучок, посмотрел в дырочку. Разом обо всех своих думах забыл. Смотрит, оторваться не может. Увидел Куначжи широкую тундру, ненецкие чумы, нарты, оленей. Чумов много, оленей не сосчитать. В расшитых одеждах люди, мясо едят, в бубны бьют, веселятся... И у Куначжи на душе стало весело, легко стало.

Вложил он верхний сучок на место, средний сучок вынул. Увидел горные места, увидел лесные места. Узнал, как живёт народ хантэ, как народ эвенков живёт-охотится. Как пушнину они добывают, как перегоняют оленьи стада с пастбища на пастбище. Трудятся, не жалея сил, зато и повеселиться умеют. Возле чумов игры играют, борются, смеются... Смотрит Куначжи, и так ему самому весело, будто он с ними вместе наперегонки бегаёт, олень арканом ловит, из луков в цель стреляет.

Потом вынул третий сучок. Увидел вековую тайгу. По тайге река Енисей течёт, широкая река, глубокая. Лодки плывут, пароходы. На пароходах русские люди. Выгружают они товары на таёжные берега — красивые материи, муку, вино. А люди, что живут в лесах, несут им пушнину. Грузят на пароходы мамонтовые бивни, оленьи шкуры, песцов, горностаев, выдр, белку... Русские люди вино пьют, вином угощают, песни поют... А пароходы бегут вверх по течению, вниз по течению. Дым из их труб валит, над тайгой стелется.

Нагляделся Куначжи, налюбовался. Задумался. Потом песню запел. Всё, на что насмотрелся, в песне рассказывает.

— Однако, — сказал себе, — я песенным человеком стал! Если сам побываю в тех местах, что видел, ещё лучше петь буду.

Встал Куначжи, палочку под мышку сунул и пошёл. Где только не побывал, где только свои песни не пел, каких краев своими ногами не измерил, с какими людьми словом не перемолвился!..

А однажды на долгом песенном пути повстречались ему братья. Бегут братья, что под ногами, не видят, всё вверх смотрят. Споткнутся, упадут, глаз от неба не отрываю. А по небу два лёгких облачка плывут. Это за ними братья гонятся.

— Что, — спрашивает Куначжи, — и вас дочери облаков обманули?

— Обманули! — отвечают братья. — Бросили нас, а не отпускают, за собой манят.

И опять бежать пустились.

Пожалел их Куначжи, да что сделаешь! Дальше пошёл.

Сто лет живёт, весь век песни поёт, людей радует.

ДОЛГАЯ НОЧЁВКА

Кетская сказка

Давно это было. Как-то по первому снегу отправились два кета в лес на охоту. Белок били, соболя выслеживали, на горностаю ловушки ставили. Далеко зашли в тайгу, не заметили, как темнеть начало.

— Ночевать придётся, — сказал один охотник.

— Что ж, — второй ответил, — у костра переночуем.

Стали хворост собирать, в разные стороны разошлись.

— Эй, — закричал один, — тут медвежье жилище!

— А медведь? — закричал второй.

— Нету его. Видно, перекочевал в другое место.

— Ладно, приду сейчас.

Разожгли у лаза в берлогу костёр, котелок чаю выпили, что с собой из дому прихватили, поели.

Первый посмотрел на небо, сказал:

— Однако пурга ночью будет!

Второй отвечает:

— И то правда! Месяц совсем затянуло, ветер поднялся.

Забрались они в берлогу. Мягко там, сухая трава настелена, будто для них медведь постарался. А чтобы совсем тепло было, они одним полушубком лаз в берлогу заткнули, другим оба укрылись. Теперь ни ветер, ни снег не страшны.

— Хороший, — говорят, — человек этот медведь, пусть ему тоже в новом жилье тепло будет!

Пригрелись, заснули. Спят.

Разом заснули, разом проснулись. Лежат, слушают.

— Не воет пурга. Значит, улеглась к утру.

— А снегу, видно, много напало. Гляди, какой яркий свет в берлогу пробивается.

Вылезли наружу. Осмотрелись кругом.

— Неладно что-то, — говорит один. — Солнце зиму с летом перепутало. Смотри, как высоко на небо влезло.

— И снег за утро растопить успело, — второй отвечает. — Никогда такого не видал! Идём скорее домой.

Пошли. Подходят к становищу. Собаки на них лают, надрываются.

— Что-то тут не так, — говорит первый, — собаки нас не признали.

На лай собак дети из двух чумов выбежали.

— Наши ли это дети? — удивляется второй охотник. — Вроде бы наши, только подросли лишку за одну ночь.

А дети глянули на них, назад в чумы убежали. Вместо детей жёны охотников выскочили. Всплеснули руками, смеются, плачут. И другие люди сбежались. Стали охотников спрашивать, где они столько времени пропадали, как не замёрзли, как с голоду не померли.

Посмотрели друг на друга охотники, всё поняли: проспали они в медвежьей берлоге не одну ночь, а всю долгую зиму, с осени до весны!

Как же это могло случиться? А вот так. Гость обычай хозяина соблюдает. А эти два охотника в медвежью берлогу пришли. Вот и проспали, как медведь, всю зиму.

Правда ли это, не правда, но с тех пор ни один кет в медвежью берлогу ночевать не пойдёт. Кому захочется зимний промысел потерять, проспять охоту?!

СЕРГЕВАНЬ-ОХОТНИК

Саамская сказка

Пошёл на охоту Сергевань — сын Сергея, внук Андрея, правнук Матвея, праправнук Эвана, прапраправнук Пеура. Идёт по старым отцовским, дедовским, прадедовским, прапрадедовским тропам. Идёт день, другой, третий. Всю еду, что с собой из дому взял, приел — ни одного зверя не убил.

Рассердился Сергевань:

«От деда слышал, от отца слышал — в этих местах диких оленей много, только бы стрел хватило! А теперь одни тропы истоптанные остались...»

Тут Сергевань увидел ещё тропу. Давно, верно, по ней никто не ходил, вся травой заросла. Сергевань на эту тропу свернул.

Шёл, шёл и подошёл к избушке, поросшей мохом. У избушки на камне сидит старуха. Старая-престарая старуха. Увидала охотника и говорит:

— Вот и привела тебя тропа ко мне, Сергевань!

Сергевань удивился.

— Здравствуй, бабушка, — сказал, — никогда я тебя не видел, не знаю, кто ты такая.

— Ты не знаешь, — отвечает старуха, — я знаю. Я твоего прапрапрадеда прапрапраневеста.

Видит Сергевань — старушка совсем худая, одна кожа да кости. Может, давно ничего не ела, голодная. Порылся в кисе, на самом дне нащупал сухую корку, дал старушке.

Старуха взяла корку, принялась сосать. Корка-то сухая, а зубов нету.

Сергевань спрашивает:

— Ты, верно, в молодости красивой была?

— Красивой не красивой, а молодой всё-таки была.

— Почему же ты замуж не вышла за моего прапрапрадедушку?

— А вот потому и не вышла: я говорю — холодно, он говорит — жарко, я ему — снег, он мне — дождь, я скажу — направо, он идёт налево. Эх, Пеур, Пеур, как бы мы с тобой хорошо жили, если бы ты хоть раз мне уступил!

Сказала так старушка и заплакала. До того горько и жалобно заплакала, что Сергевань не выдержал и тоже заплакал.

Тогда старуха засмеялась и говорит:

— А ты чего плачешь над тем, что целый век назад случилось? Смотри — услышат вороны, разнесут по всей тундре, будут над тобой смеяться все, у кого рот есть.

Так поговорили, посмеялись-поплакали, поплакали-посмеялись и легли спать.

Встали утром, Сергевань говорит:

— Надо на охоту идти, а зверя в тундре нет. Перевелись в тундре олени.

Старуха говорит:

— Есть звери. Не перевелись в тундре олени.

— Как же есть! — рассердился Сергевань. — Я три дня шёл, по сторонам смотрел — ни одного не убил.

— Не так шёл, не туда смотрел, — стоит на своём старуха. — Вот твой прапрапрадед, мой прапрапрадед, оленей песней подманивал, а когда к зверю крался, заходил с наветренной стороны, чтобы ветер в спину дул. Вот у твоего прапрапрадеда...

Не стал Сергевань дослушивать, схватил лук и стрелы и выбежал из избушки.

Полдня ходил Сергевань по тропам и без троп. Всё песни пел — оленей подманивал. Наконец устал петь, замолчал. Тут и увидел оленя. Зашёл с наветренной стороны, только начал подкрадываться, олень махнул хвостом и ускакал.

Очень сердитый вернулся Сергевань к старушке.

— Всё ты мне не так рассказывала! — кричит.

А старушка смеётся.

— Ты, прапраправнук, совсем такой, как твой прапрапрадед, мой прапрапрадед. Я одну сказку рассказываю, он другую к концу ведёт. Не дослушал ты, Сергевань, с утра, послушай вечером. А я с того слова начну, с которого ты из избушки убежал: вот у твоего прапрапрадеда... потому и добычи не бывало. Песней зверя не приманишь — только отпугнёшь. Ветер со спины человеческий запах зверю несёт. Зверя надо скрадывать тихо,

а ветер пусть тебе в лицо дует, твой запах подальше от зверя отгоняет.

Засмеялся Сергевань от радости.

— Ну, — говорит, — сейчас опять на охоту пойду. По-твоему буду делать.

— Эх, Сергевань, Сергевань, прапраправнук своего прапрапрадеда! Куда ты на ночь глядя собираешься? С вечера спать ложатся, на охоту утром идут.

В этот раз послушался Сергевань. Лёг спать, чуть свет на охоту отправился.

Идёт тихо, не идёт — крадётся. Увидал вдали оленя, песца увидел. Зашёл с подветренной стороны — так, чтобы ветер в лицо дул. Подобрался поближе, не торопясь натянул тетиву, стрелу выпустил.

К вечеру пришёл с богатой добычей. Поели они со старушкой мозг из оленьих костей. Сергевань говорит:

— Эй, прапраправневеста моего прапрапрадеда, нету у меня ни матери, ни бабушки, иди ко мне жить, будешь мне вместо матери, вместо бабушки.

Покачала старушка головой.

— Нет, Сергевань, целый век я тут прожила, здесь деревья на моих глазах выросли, камни мохом покрылись. Сам знаешь — каждую птицу в своё гнездо тянет, каждый зверь в свою нору бежит. Никуда я отсюда не пойду.

— Что ж, — говорит Сергевань, — можно и по-другому. Ты ко мне не идёшь, я к тебе приду. Возьми меня в прапраправнуки.

Так и зажили они вместе — старый ум, молодая сила. Песни в лад пели.

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО

Якутская сказка

Говорят-рассказывают про храброго охотника Юджиана, говорят-рассказывают про его маленького брата Ходжугура — как они жили, что с ними случилось.

Жили два брата без матери, без отца. Старший младшему и отцом и матерью был. Так жили: солнце краешком над землёй поднимается, а старший брат Юджиан уже в густом лесу охотится, младший ещё спит. Солнце повыше взойдёт, младший брат Ходжугур встаёт, двор подметает, коням и коровам корм задаёт. К вечеру огонь в очаге разводит, тут и Юджиан с охоты возвращается.

Много добычи приносил домой Юджиан. Ещё до первого света пушных зверей из нор выгонял. На утренней заре за трёхгодовалым сохатым гнался. На вечерней заре

с медведем в обнимку боролся. А волков — тех, когда ни увидит, без промаха бил. В юрте у братьев мягких шкур вдоволь, сала, мяса вволю.

Однажды, как всегда, отправился Юджиан на охоту, а малолетка Ходжугур, как всегда, дома остался. Вышел из юрты надворье подметать-убирать, над головой крик услышал. Он вверх посмотрел, видит — в небе семь стерхов, семь белых журавлей кружат. С солнечной стороны белые их крылья розовым отливают, в тени голубым освечивают. Ходжугур журавлям рукой помахал, они пониже спустились.

— Кто у вас дома-дома? — спрашивают.

— Один-один я дома! — отвечает Ходжугур. — Старший брат на охоту ушёл.

Журавли друг друга спрашивают:

— Поиграем, что ли, сестрицы, с малолеткой? Ему весело будет и нам не скучно.

Опустились посреди широкого двора. На длинных ногах надворье обошли, потом шкурки с белыми перьями сбросили — девушками красивыми стали, весёлые игры затеяли. В прятки играли, наперегонки с Ходжугуром бегали, плясали-танцевали. Побывали и в юрте, там всё вверх дном перевернули. Целый день играли-смеялись, на закате заторопились. Шкурки с белыми перьями похватали, на себя накинули, снова стерхами обернулись. Замахали крыльями, улетели.

Тут и старший брат, охотник Юджиан, с добычей вернулся.

Смотрит — двор не метён, некормленные коровы в хлеву мычат, непоеные кони ржут в стойлах. Дрова не нарублены, вода не начерпана, в юрте огонь не зажжён.

— Ты почему свою работу не сработал? — спрашивает Юджиан у Ходжугура.

— Прости-прости, старший брат! — отвечает Ходжугур. — День я проспал, про закат подумал — восход.

Засмеялся старший брат, не рассердился. Вместе всю работу живо сделали. Коров накормили, коней напоили, себе еду приготовили. Поели, спать легли.

На другое утро, только брат со двора, Ходжугур вскочил. На мягких шкурах не нежился, на пушистых не разлёживался, выбежал из юрты, вверх посмотрел! А выше надворья, ниже неба журавли уже кружат.

— Ушёл, ушёл мой брат! — кричит им Ходжугур-малолетка. — Спускайтесь скорее!

Журавельки спустились, девушками стали. Те же игры, что и вчера, завели. Опять Ходжугур не заметил, как день миновал. На прощанье журавельки сказали:

— Брату про нас не говори, не рассказывай. Слово скажешь — больше не прилетим!

Улетели журавельки, снежными хлопьями в синем небе растаяли. Ходжугур за работу схватился. Да где же поспеешь? Брат уже возвращается, домой сохатого за ноздри ведёт.

Посмотрел Юджиан кругом — всё не прибрано, не убрано. Рассердился.

— Сегодня опять говорить будешь: проспал?!

— Буду! — Ходжугур отвечает.

Не со зла, а в поученье оттрепал Юджиан Ходжугура. Сам подумал: что-то тут не так, видно, есть причина. Раньше не ленился брат, что надо было делать, делал с охотой.

Утром, как всегда, рано встал Юджиан. Лук со стрелами захватил, из юрты вышел, а в лес не ушёл. Упал на землю, блохой с земли прыгнул. Спряталась блоха в щели ограды. Притаилась, ждёт.

Э-э, не спит, не нежится Ходжугур. Выбежал из юрты, посреди двора у коновязи стал, голову кверху поднял. И блоха из щели голову высунула, вверх посмотрела. Кружатся-кружатся там журавельки, журавлиным криком человечьи слова выговаривают:

— Эй, малолетка Ходжугур, ушёл ли твой брат?

— Ушёл, ушёл! — Ходжугур кричит, радостно руками машет. — Спускайтесь, спускайтесь скорее!

Журавельки не спускаются.

— Почему же надворье ваше тенью затенилось? Почему дом ваш, огонь ваш, тёмным туманом затуманился?

— Псказалось вам это, — отвечает Ходжугур. — Солнце ещё невысоко поднялось, вам оно видно, а сюда пока не пришло.

— Так нет дома брата? — опять спрашивают журавельки.

— Нет, нет! Он уже до леса дошёл, зверя выследил, за ним гонится.

Семь стерхов, семь журавлей среди широкого двора спустились. Шкурки с перьями на коновязь бросили, девушками стали.

Залюбовался на них Юджиан. Все девушки хороши, а одна — та, что шкурку с края коновязи повесила, всех других лучше. Резвятся, бегают девушки-журавельки, она быстрее всех бежит. Пляшут-танцуют, она легче всех ногами переступает, будто земли не касается. И малолетка Ходжугур всё поближе к ней держится, всё с ней норовит поиграть.

Начал день к вечеру клониться, девушки Ходжугуру говорят:

— Скоро твой брат вернётся, пора улетать!

А Юджиан, в щёлке сидя, думает-размышляет:

«Однако правду говорил брат-малолетка. Сам я не заметил, как день до вечера прожил. Словно чудный сон увидел!»

Девушки к коновязи подходят, руки к шкуркам-одежкам протягивают. А Юджиан раньше них блохой туда прискакал. У самой коновязи собой обернулся, схватил шкурку, что с края висела.

Шесть стерхов, шесть белых журавлей в небо поднимаются. Одна девушка на земле бьётся, молит охотника отдать ей шкурку. Не отдаёт Юджиан ей шкурку, так говорит:

— Я на тебя весь день смотрел, тобой любовался. Теперь ты на меня посмотри. Если не нравлюсь тебе, бери шкурку, улетай, куда хочешь. Если нравлюсь, оставайся моей женой.

Сквозь слёзы посмотрела на охотника девушка. Высохли у неё слёзы, улыбнулась ему.

— Останусь, — тихо сказала.

Юджиан спрашивает:

— А что со шкуркой сделать? В юрте на шест повесить или в огонь бросить?

Побелела девушка лицом, как только что выпавший снег стала.

— В огонь не бросай! Худо мне будет. И в юрте не вешай — весенним днём потянет меня в небо, всё позабуду, тебя не пожалею, себя не пожалею. Улечу! Схорони её так, чтобы ничьи руки её не трогали, ничей глаз не видал.

Юджиан шкуру с белыми перьями в кованный железом сундук спрятал. Сундук на три замка запер. Ключи на колок у двери повесил.

Хорошо зажили мужем и женой Юджиан с красавицей. Утром просыпаются — слова приветов говорят. Жена мужа на охоту снаряжает, плачет, будто на век те проводы. Вечером Юджиан домой бежит, словно год с женой не видался.

В юрте всегда чисто прибрано, приветливый огонь горит не угасает, скот накормлен, двор подметён.

Одно плохо — Ходжугур-мальчишка совсем от рук отбился. Раньше домашняя работа вся на нём лежала, теперь молодая его невестка всё делает. Целый день бегают Ходжугур, забавы себе выдумывает. Осень так прошла, и зима кончилась.

Однажды пошла красавица за водой. Подошла к реке и забыла, зачем пришла. Ясное небо воду заголубило, певчие птицы гнёзда вить начинают. Цветёт всё. Долго так она простояла, наконец спохватилась, воду набрала, домой понесла.

А без неё вот что случилось. Мальчик Ходжугур давно уже задумал охотником стать, брату помощником. А Юджиан всё отговаривается: мал ещё, из лука стрелять не умеешь. Помнит Ходжугур: был где-то у брата старый лук со стрелами, а куда запропастился, не знает. Вот бы найти да тайком стрелять научиться! То-то бы Юджиан удивился!

Всю юрту Ходжугур перерыл, во все уголки заглянул — нет нигде лука.

«Не в сундуке ли прячет?» — подумал.

Снял с колка три ключа, три замка открыл, поднял тяжёлую крышку. Лука не нашёл, стрел не нашёл, а увидел журавлиную шкурку с белыми перьями. Вынул её, стал рассматривать — какие красивые перья!

Тут невестка вошла. Остановилась, смотрит.

— Дай мне шкурку! — сказала.

Голос у неё будто не свой стал, будто журавль далеко-далеко в небе затрубил.

Ходжугур шкурку за спину спрятал.

— Не дам, — говорит. — Юджиан недаром её в сундук запер. Это я нечаянно её взял, сейчас назад положу.

— Дай хоть подержать, — красавица просит. — Я тебе свои золотые подвески подарю.

— Я не девочка! Зачем мне золотые подвески?

— Я тебе пояс подарю, серебром шитый.

— Ни к чему мужчине женский пояс.

— Я тебе нож за шкурку отдам. С узорной рукояткой нож, в изукрашенных ножнах.

Заблестели у Ходжугура глаза.

— Нож охотнику с руки! — сказал мальчик. — Давай! — Схватил нож, бросил невестке шкурку.

Накинула она её себе на плечи, белой журавелькой обернулась. Вышла во двор, длинными ногами осторожно переступает. Крыльями взмахнуть боится — как бы не оторвали её от земли, не унесли в небо. Юджиан по ней скучать будет, и она без него с тоски зачахнет.

Хотела уже шкурку сбросить, да услышала журавлиный зов. Шесть стерхов кругами над юртой выются, зовут её с собой. Подпрыгнула она, с горестным криком широкие крылья раскинула.

Выбежал на крик Ходжугур, испугался. Бросился к ней, хотел за крыло схватить, да не успел. Взлетела журавелька, одно только перо в руках его оставила.

Семь теперь журавлей над юртой прощальный круг делают. Так, кругами, и высоту стали набирать. Всё выше и выше... Вот и за облаком скрылись.

Посмотрел им вслед Ходжугур, махнул рукой, сказал:

— А ведь просила: только в руках шкурку подержать! Никогда этим женщинам больше верить не буду!

Сел он тут же посреди двора, перо рядом положил, начал ножом забавляться.

Так и застал его старший брат, раньше времени с охоты вернувшись.

— Откуда у тебя нож? — спросил.

— Жена твоя подарила.

— А это перо откуда?

Молчит Ходжугур. Брат его за плечи трясёт, понял, что неладное случилось.

Тут заплакал Ходжугур:

— Я нечаянно шкурку нашёл. Жена твоя попросила: дай только в руках подержать. А сама надела шкурку и улетела. Стерхи её с собой позвали.

Никогда Юджиан не бил брата со зла, а сейчас Ходжугур в первый раз узнал, как тот в гневе страшен. Тяжёлой плетью бил, собакой называл. Наконец утолил первый гнев, опомнился. Оттолкнул Ходжугура, бросился к конюшне, вывел из стойла коня, вскочил на него. Золотисто-рыжий конь, хвост и грива светлые, игренивой масти конь под ним играет. Юджиан со двора поехал, на брата не глянул, только белое перо с земли подобрал.

Скачет Юджиан на игренивом коне, в одной руке у него поводья, в другой — журавлиное перо. Перо само поворачивается, показывает, куда путь держать.

Долго ехал Юджиан. Реки на коне переплывал, озёра объезжал, через густой лес продирался, по равнине скакал. Ночевал под открытым небом, укрывался от ветра за широкой спиной коня. Ночёвкам счёт потерял.

Наконец подъехал к подножию высокой горы. Поднялось перо, острым концом вверх указало. Юджиан оставил коня на зелёном лугу пастись, стал подниматься. Круты склоны горы. Юджиан в первый день только четверть высоты одолел. На второй день до пояса её добрался. А там у него и силы прибавилось — увидел белую юрту на вершине. Да скалы ещё круче, расщелины шире, камни острее. Сколько ещё лез-карабкался, а всё-таки до вершины добрался, вошёл в белый дом.

Юрта красиво убрана, в очаге весёлый огонь полы-

хает. Посредине золотая люлька стоит, птица-чыхах её качает. Увидев, что человек вошёл, птица встрепенулась, вскрикнула: «Чип-чичип!» Потом человеческим голосом заговорила:

— Не Юджианом ли тебя зовут? Не жену ли свою ищешь?

— Юджианом зовут. Жену ищу, — отвечает, а сам с люльки глаз не сводит.

— Что ж, — говорит птица, — посмотри на своего сына.

Наклонился над люлькой Юджиан. Красивый ребёнок там лежит. Увидал Юджиана, пухленькими руками к нему потянулся.

— Чи-чип! — птица сказала. — Частица к целому

стремится, маленькая кровинка к родной крови тянется. Позабавь сына, Юджиан, устала я качать люльку.

Юджиан белым горностаем обернулся, вверх-вниз в люльке забегал, прыгает, кувыркается. Засмеялся мальчик.

Тут лёгкие шаги послышались, дверь скрипнула. Птица сказала:

— Захочет ли, не захочет ли видеть тебя жена? Прячься скорей!

Юджиан-горностаёй за шкурами притаился. А ребёнок громко заплакал, забаву свою потеряв. Вбежала в юрту белая журавелька, шкурку быстро сбросила, кинулась к ребёнку, на руки взяла. Материнское тепло почувяв, затих ребёнок.

Тогда горностаёй из-под шкуры вышел, опять Юджианом стал. Шкурку схватил, в огонь шкурку бросил. Вскрикнула красавица, оглянулась. Мужу с укором прошептала:

— Ах, зачем ты так сделал?!

И упала мёртвая.

Юджиан её на руки подхватил, прижимает к груди, своим дыханием согревает — хочет к жизни вернуть. Но недвижима красавица, смертный сон её сковал. Юджиан её тело на шкуры положил, поник головой.

— Чёрный мой день настал! Пора тоски пришла! Всё она наперёд говорила, предвещала: «Шкурку в огонь бросишь — беда будет!» А я горячему сердцу, быстрой руке волю дал. Вот она беда и грянула! Сам виноват, сам и отвечу. Слабость силою, простоту хитростью поборю, искуплю горячность терпением.

Выбежал Юджиан из юрты. Увидел лёгкое облако, что у горы задержалось, разбежался, прыгнул на него. Поплыло облако, качается, колыхается. Уже солнце закатилось, небо потемнело. Облако вдоль большого звёздного пути плывёт. Приплыло к созвездию, остановилось.

Юджиан с облака на верхнюю землю переступил. Огляделся. Такое же тут место, как там, внизу, — земля, дом и огонь.

На медном восьмиугольном лабазе девушка сидит. Восьмисаженные ало-шёлковые волосы распустив, на серебряный кол наматала, золотым гребнем расчёсывает. Сказал ей Юджиан:

— Дочь созвездия, дочь господина Юргяля! Пугливая шаманка Юргюк-удаган! Пришёл я взять тебя в жёны. Пойдёшь ли за меня замуж?

Посмотрела на него дочь созвездия — статен,

красив тот, кто сватать её пришёл. Тихо ему ответила:

— Пойду за тебя.

— Тогда собирай свои уборы, в путь снаряжайся. Буду тебя ждать на вершине самой высокой горы.

Захлопотала Пугливая шаманка, собирает свои наряды, уборы, сзывает приданный скот. А Юджиан дальше пошёл.

Пришёл к юрте господина Месяца. На медном восьмиугольном лабазе девушка сидит. Восьмисаженные серебряно-шёлковые волосы распустив, на серебряный кол их намотав, золотым гребнем чешет. Юджиан ей сказал:

— Дочь господина Месяца, Лунного света шаманка! Пришёл я взять тебя в жёны. Пойдёшь ли за меня замуж?

Посмотрела на него дочь Месяца — в лице смелость

видна, глаза умом блистают у того, кто сватать её пришёл. Ответила:

— Пойду за тебя. Дай только время собрать приданое.

— Нет у меня времени, — Юджиан говорит. — Всё сделай, как сама знаешь. Потом приезжай на вершину самой высокой горы. Там ждать буду.

Дочь господина Месяца, Лунного света шаманка захлопотала, одежду-уборы собирает, сзывает приданный скот. А Юджиан дальше отправился.

Пока шёл, ночь кончилась. Засияла вдали юрта господина Солнца. Юджиан прямо на неё путь держит.

У светящейся юрты на медном восьмином лабазе девушка сидит. Восьмисаженные солнечно-шёлковые волосы на серебряный кол намотала, золотым гребнем расчёсывает. Юджиан ей сказал:

— Дочь господина Солнца! Кюёгяль-удаган шаманка! Вот я к тебе пришёл. В жёны тебя возьму, если захочешь, если пойдёшь!

Кюёгяль-удаган шаманка на своего отца, господина Солнца не моргая смотрела, а тут зажмурилась. Ослепила её любовь к тому, кто сватать её пришёл. Так она Юджиану ответила:

— Пойду за тебя замуж. Почему ж не пойти?

Юджиан и ей велел, собравшись, на вершину самой высокой горы ехать.

Осталась Кюёгьяль-удаган шаманка приданое готовить, а Юджиан вперёд поспешил.

Добежал до края верхней земли, прыгнул на то же облачко, на нём в обратный путь отправился. К горе подплыл, на её вершине очутился.

В юрте птица-чычак Юджианово дитя качает, а на шкурах мёртвая жена лежит. Юджиан её в свою одежду одел, длинные её волосы под шапку подобрал. Потом вынес из юрты, положил перед входом. Сам сзади юрты спрятался.

Только успел всё сделать, с трёх сторон на трёх конях невесты его подъехали. У каждой с собой богатое приданое. В тороках платья, дорогие меха. У каждой восемьдесят табунов коней, у каждой девяносто стад коров. Все склоны горы стадами покрылись.

Сошли невесты с коней. Друг друга увидели.

— Подружки-сестрицы, — говорят между собой, — выходит, мы все три — жёны одного мужа. Что ж, не скучно нам будет на Земле жить. А где же наш муж, почему нас не встречает? Войдём в юрту, может, спит он.

Пошли лёгкими небесными шагами к юрте. Вдруг все три остановились. Одна говорит:

— Ох, сестрицы, никак мёртвый лежит!

Вторая говорит:

— Уж не наш ли это муж?

Третья посмотрела.

— Он, он! В этой одежде и свататься ко мне приходил.

Дочь господина Солнца Кюёгяль-удаган шаманка спрашивает:

— Дочь господина Юргяля, Пугливая шаманка, умеешь ли ты мёртвого оживить?

— Сказать умею — неправда и сказать не умею — неправда, — Пугливая шаманка отвечает. — Могу мёртвого так оживить, что будет он как без памяти лежащий человек.

— Что ж, не много это и не мало, — говорит дочь господина Солнца. Потом спросила у дочери господина Месяца: — А твоё велико ли умение, Лунного света шаманка?

— Умею сделать мёртвого человека словно глубоким сном спящим, — та ответила.

— А я, — говорит Кюёгяль-удаган шаманка, дочь господина Солнца, — могу мёртвого в память привести, от смертного сна разбудить.

— Ну, так что же, подруженьки-сёстры! — сказали все трое. — Возьмёмся за дело. Оживим нашего мужа.

Первой Пугливая шаманка, дочь Созвездия, через мёртвое тело перепрыгнула. Чуть приподнялась грудь у мёртвого, чуть заметно пар от дыхания изо рта вылетает.

Второй перепрыгнула Лунного света шаманка. Тут краска на бледное лицо вернулась, ресницы дрогнули.

Теперь выступила вперёд дочь господина Солнца, Кюёгяль-удаган шаманка. Перепрыгнула, а следом за

ней и тот мёртвый с земли поднялся. Шапка с головы у него упала, рассыпались по плечам длинные волосы.

— Ох, подружки-сестрицы, видно, не того мы ожидали! Не муж это наш, а чужая женщина.

А Юджиан, за юртой спрятавшись, всё слышал, всё видел. Выбежал теперь, милую жену свою крепко обнял. Она лицо на его широкой груди спрятала, от радости вся зарделась.

Смотрят шаманки, между собой переглядываются.

Вдруг в юрте ребёнок заплакал. Услышала это красавица, от мужа оторвалась, бросилась в юрту. И Юджиан за ней побежал.

— Что нам здесь делать, сестрицы? — сказала дочь господина Солнца. — Есть у нашего жениха жена и ребёнок. Не быть же нам, небесным шаманкам, младшими жёнами?! Давайте домой вернёмся.

Вскочила она на своего коня, прыгнул конь, прямо в небо понёсся. И две другие за ней ускакали. Посередине пути дочь господина Юргяля, Пугливая шаманка, вдруг закричала:

— Ох, сестрицы, что мы наделали! Забыли на Земле всё наше приданое.

Гордо засмеялась дочь господина Солнца, Кюёгяль-удаган шаманка.

— У моего отца богатства побольше, чем жалкий скот, что я внизу бросила, — сказала. — Отец мне подарит, сколько я захочу.

— И мой отец мне слова укора не скажет! — молвила дочь господина Месяца, Лунного света шаманка.

Вспыхнула Юргюк-удаган, дочь Созвездия, господин Юргяля дочь.

— Пусть же и моё добро пропадает. Не так мой отец богат, как ваши, а только и он для меня ничего не пожалеет.

И не вернулись. Всё богатство, всё приданое Юджиану досталось. В путь он собрался, в родные места ехать. Посвистел богатырским свистом, примчался из зелёной долины его игрневый конь.

Так едут: Юджиан на своем игрневом едет, жену перед собой посадил, люлька у левого колена крепко приторочена — в ней сына везёт. На зыбке сидит верная нянька птица чычах, мальчику песни поёт.

Трижды восемьдесят табунов коней перед ними скачут. Трижды девяносто стад коров позади бредут.

Так ехали, так доехали. Выбежал им навстречу красивый юноша, рослый, в плечах широкий.

— Ты ли это, Ходжугур, младший брат мой? — спрашивает Юджиан.

— Неужели так вырос, что и не узнать? — Ходжугур смеётся. — Вижу, ты жену свою, дорогую мою невестку, добыл, назад привёз. Простите, что плохого от меня было!

Вместе они зажили, хорошо жили. Так, говорят, было, такое случилось, рассказывают!

КАК ИМИ-ХИТЫ НА САНКАХ КАТАЛСЯ

Хантыйская сказка

Маленький Ими-Хиты ни отца, ни матери не помнит, давно они умерли. Ими-Хиты с бабушкой живёт. Живут они на далёком берегу большой реки, таком далёком, что если идти туда, это место краем Земли покажется.

Растёт мальчик, и дороги его растут, всё дальше от дому уходят. По лесу бродит — слушает, по тундре идёт — смотрит. Однажды прибежал к бабушке и говорит:

— Бабушка, кого это я видел: сам серый, хвост чёрный, от дерева к дереву быстро бегаёт, с ветки на ветку прыгает.

Бабушка отвечает:

— Это белка. Твой отец много белки добывал.

— И я добывать буду, — говорит Ими-Хиты.

— Мал ты ещё, внучек, — бабушка сказала. — Ты за

ней погонишься, она от тебя на дерево убежит, в густых ветвях скроется. Что ты с ней сделаешь?

В другой раз Ими-Хиты так бабушку спросил:

— Опять я видел кого-то. Весь белый, только кончик хвоста чёрный. Не знаешь ли, как его зовут?

— Как не знать! — смеётся бабушка. — Горностай это. Твой отец помногу горностаевых шкурок приносил.

— Ну, так я побегу, догоню его.

— Ох, внучек, разве горностая догонишь! Он от тебя под корнями дерева спрячется. Что тогда сделаешь?

Ещё раз прибежал Ими-Хиты, издали кричит:

— Бабушка, бабушка, не белку, не горностая я видел. Тёмный, как мокрая кора, этот новый зверь. Ушки круглые, хвостик пушистый.

Бабушка отвечает:

— Самый дорогой зверёк тебе повстречался. Соболем называется. Отец твой говорил: шкурку соболя добыть — удача для охотника.

— Побегу я, бабушка, за ним, за своей удачей побегу!

— Ох, внучек, соболь — зверь с длинным следом. По такому следу охотник, бывает, три дня, три ночи идёт. Да и чем убьёшь его?

— А чем мой отец убивал?

— Луком звенящим, стрелой поющей, — отвечает бабушка.

— А сумеешь ты сделать мне лук и стрелы?

— Попробую, может, выйдет что.

Долго трудилась бабушка, ведь не мужчина она, а старая женщина. Всё-таки смастерила лук, стрелы сделала, тупые наконечники насадила — на пушного зверька.

Начал Ими-Хиты охотиться. Сперва за три дня одного зверька приносил, потом за один день — трёх. Принесёт добычу, бабушка внука накормит, напоит. Сядут вдвоём тушки разделявать, бабушка учит-показывает:

— Отец твой вот так свеживал, так шкурки натягивал для просушки.

Ими-Хиты старается, всё так делает, как отец делал.

Теперь лучше стали жить бабушка и внук, есть сытнее, одеваться теплее. Ими-Хиты растёт, подрастает.

Однажды говорит он бабушке:

— Бабушка, я ближние места все исходил. Смастери мне кузовок, положи в него на три дня съестного припаса. Хочу на дальних путях охотиться, дальнего зверя бить.

— Ну что ж, как просишь, так и сделаю, — отвечает бабушка. — И твой отец не всё вокруг дома промышлял.

Села бабушка у очага, из гибкой берёсты изладила хороший кузовок. Положила в него побольше еды, отправила внука на дальнюю охоту.

Вышел из дому Ими-Хиты, бросил впереди себя свои подволочные лыжи. Куда они носами легли, в ту сторону он и пошёл.

Идёт, следы примечает. Увидел след мышки — пошёл по следу мышки. Перебился тот след следом соболя, он по соболиному следу отправился. Потом ступил на песцовый след. Ни одного зверя не добыл, а от дома на три дня ушёл. В кузовке съестного припаса лишь на донышке осталось. Ими-Хиты съел последнее, подумал:

«Охотничье счастье — что ветер: то в одну сторону дует, то в другую. А всё-таки далеко я побывал. Верно, и отец мой отсюда домой бы повернул».

Сделал Ими-Хиты разворот на лыжах, вдруг слышит — свист по лесу идёт, крик раздаётся, хохот, как гром, перекачивается. Ими-Хиты немножко испугался, немножко обрадовался — человек близко, а какой такой человек, не знает... Он на своём веку только бабушку и видел.

Стал Ими-Хиты меж деревьев и кустов пробираться. Вышел на высокий берег реки. Видит — с ледяной горы на санках мальчишка катается. Ростом чуть пониже дерева, брови у него — что длинный мох, волосы — что густой кустарник. Чудной такой: катится вниз — громким криком кричит. Скатится на речной лёд — звонким хохотом хохочет, в ладони бьёт.

Ими-Хиты глаза раскрыл — смотрит, уши раскрыл — слушает. И мальчишка его увидел.

— Иди сюда, человеческий мальчик, вместе кататься будем! — закричал.

— А ты чей мальчик? — Ими-Хиты спрашивает.

— Я Менгк-поших, из семьи лесных духов, — тот отвечает. — Садись передо мной на санки, я тебя покатаю.

— Лучше я позади тебя сяду, — говорит Ими-Хиты. — Очень уж ты громко кричишь, я на санках не удержусь.

— Разве я громко кричу? — удивился Менгк-поших. — Ну, хорошо, я совсем тихонько кричать буду.

Сели. Ими-Хиты впереди, Менгк-поших сзади. Только раскатились, закричал от радости лесной мальчишка. У Ими-Хиты в ушах зазвенело, свет в глазах померк. Упал он с санок, ничего не помнит. Долго ли, коротко ли лежал на снегу, очнулся, видит — Менгк-поших санки опять в гору тянет.

Ими-Хиты на себя рассердился, на мальчишку обиделся. Не стал дожидаться, пока тот на гору поднимется, подвязал лыжи, в обратный путь пустился, с пустыми руками вернулся к бабушке.

Время своим чередом идёт. Зима кончилась, весна прошла, лето миновало, осень с дождями новой зимой сменилась. Ими-Хиты охотится, не далеко и не близко от дому уходит, добычу бабушке несёт.

А как настала опять пора подволочных лыж, Ими-Хиты в дальний путь собрался. К тому лесу, к той горе

лыжи направил, где с лесным мальчишкой катался на санках. Не даёт ему покоя обида, что он тогда на санках не удержался, хочется ему над мальчишкой верх взять.

Только и в этот раз у него ничего не вышло. Хоть и сел позади, всё равно упал с санок, когда Менгк-поших закричал-засмеялся.

Опять в обиде на мальчишку, в досаде на себя ушёл Ими-Хиты с того места.

Год прошёл. Ими-Хиты совсем вырос, парнем стал. Плечи широкие, руки сильные, на целую голову выше бабушки.

«Уж теперь-то, — думает, — не упаду с санок, хоть впереди, хоть позади сяду. Пусть Менгк-поших кричит сколько хочет!»

Встретились на горе Ими-Хиты и Менгк-поших. Менгк-поших над Ими-Хиты смеётся.

— Ну что, опять кататься пришёл, с моих санок падать?

Ими-Хиты отвечает:

— Кататься буду, падать не стану.

Сели, покатались. Тут Менгк-поших так закричал, как раньше не умел. Он ведь тоже за эти годы подрос. С ближних деревьев хвоя осыпалась, на дальних деревьях ветки закачались. Не удержался Ими-Хиты — упал без памяти.

Очнулся, сказал:

— Не буду с тобой больше кататься. Сам себе санки сделаю.

Взял Ими-Хиты свой топорик, срубил тон-

кую берёзку, расколол её пополам, стал обтёсывать. А Менгк-поших стоит рядом, на его работу смотрит. Ими-Хиты махнёт топором, блеснёт на солнце лезвие, Менгк-поших засмеётся. Так засмеётся, что топор у Ими-Хиты в руках дрогнет, скользнёт по дереву, даже зарубинки не оставит. А Менгк-поших ещё громче смеётся. Потом говорит:

— Тупой у тебя топор, наострить надо.

Ими-Хиты отвечает:

— А на чём наострить? Я с собой точила не захватил.

— Как на чём? На моём языке наточи.

И высунул язык. Длинный, шершавый, лучше всякого точила.

Принялся Ими-Хиты водить топором взад-вперёд по языку Менгк-пошиха. Щекотно тому стало, засмеялся он. Дрогнул топор в руках Ими-Хиты, соскользнул, ребром повернулся и отрубил кончик языка у лесного парнишки.

Замахал руками Менгк-поших, затопал ногами. Кричать не может, смеяться не хочет. Санки бросил, побежал прочь.

«Эх, — думает Ими-Хиты, — сам ведь он виноват. А всё-таки жалко его!»

Подобрал отрубленный кончик языка, положил в кузовок и пошёл по следу Менгк-пошиха. Долго шёл, и привёл его след к большому селению. Дома там из толстых брёвен сложены. Где лиственничных стволов не хватило, еловые клали, где еловых не хватило, клали лиственницу.

Оборвался путь Менгк-пошиха у двери не лучше, не хуже других. Видно, туда вошёл лесной парень. Ими-Хиты быстро на крышу дома взобрался, приложил ухо к дымовому отверстию. Так и есть, там Менгк-поших. Слышно, как стонет и плачет, слышно, как домашние его

расспрашивают, никакого толку добиться не могут. Потом говорит кто-то — может, мать, может, бабушка:

— Видишь, со средним братом что-то случилось. Беги к дедушке, спроси, какая беда, чем помочь. Дедушка всё видит, всё знает, он не поможет, никто не поможет.

Выбежал из дома совсем маленький лесной мальчишка. На правой ноге пляшет, левой рукой машет, поёт и хохочет чуть потише Менгк-пошиха, много громче, чем Ими-Хиты смеялся, когда бабушка ему смешное рассказывала. Поплясал, поскакал, в соседнем доме скрылся.

Ими-Хиты, как белка, с крыши прыгнул, на соседнюю крышу взобрался. Опять слушает. Кто-то в доме мальчишку спрашивает:

— Зачем, внучек, пришёл? Верно, за делом тебя послали?

Внучек ничего не отвечает, только слышно, как ногами притопывает, в ладоши прихлопывает. Поплясал, поскакал, из дому выскочил, в свой дом убежал.

А Ими-Хиты всё слушает. Тот же голос говорит:

— И с чего это у нас, лесных дедушек, такие лесные внуки растут — озорные да бестолковые? Когда ещё ума наберутся! Придётся самому пойти.

Услышал такое Ими-Хиты, еле успел с этой крыши спуститься, на ту крышу взобраться. Тут вышел из своего дома старик. Брови как белый мох, волосы как ворох пожелтелых листьев. Из своего дома вышел, в дом, где живёт Менгк-поших, вошёл. Слышит Ими-Хиты, старик говорит:

— Ну что, внучек Менгк-поших, доигрался?

А Менгк-поших ничего не отвечает, только стонет. Мать его плачет, у деда спрашивает:

— Что же с ним такое? Бедное моё дитя никому зла не сделало. Ему кто-то зло сделал! Помоги скорей, дедушка, твой ведь это внук!

— Я ему помочь не могу, — отвечал дедушка. —

Пусть тот поможет, кому наш мальчишка досадил, — человечий парень, по имени Ими-Хиты.

— А где его возьмёшь, этого Ими-Хиты? — плачет мать.

Дедушка отвечает:

— Да ведь не далеко ходить! Ими-Хиты на крыше сидит. Что мы говорим, в дымовое отверстие слушает.

— Побегу позову! — мать крикнула.

— Нет, не годится, — сказал дедушка. — Ты позовёшь — Ими-Хиты не пойдёт, я позову — не пойдёт, Менгк-пошиха и посылать не стоит — он ничего сказать не сможет. А посылать надо старшую его сестру. Кто такой красавице откажет?

Тут вышла из дома девушка. Глянул на неё Ими-Хиты, чуть с крыши не свалился. Брови у девушки, как летящая птица, косы, как поющая птица, поведёт головой — слышен звон серебра и золота.

Поглядела красавица вверх, увидела Ими-Хиты, усмехнулась, слова не сказала, в дом назад пошла.

У Ими-Хиты сердце оборвалось, за красавицей покапало. За своим сердцем и сам Ими-Хиты спрыгнул, в дом побежал. Там схватил из кузовка кончик языка Менгк-пошиха, на место приставил. Мигом сросся язык.

Менгк-поших заплясал, засмеялся, только открыл рот, чтобы закричать погромче, да посмотрел на Ими-Хиты и сказал тихонько:

— Вижу, вижу, этот мой товарищ дорогое принёс, с дорогим и уйдёт.

Все на Ими-Хиты посмотрели, а он глаз с красавицы не сводит. Тогда все на красавицу посмотрели — она глаз с Ими-Хиты не сводит.

Сказал тут старик:

— Э, давно, видно, надо было Менгк-пошиху язык укоротить, может, давно бы он поумнел. Правду мой внучек сказал — само дело сладилось, не нам его разлажи-

вать. Ну, как, Ими-Хиты, верно мы с внуком угадали, ответь.

А Ими-Хиты не отвечает, к девушке подошёл, с ней заговорил:

— Пойдёшь за меня замуж?

— Пойду, — девушка сказала.

Что ж теперь долго рассказывать — на другой же день свадебный пир устроили. После пира Ими-Хиты с молодой женой в обратный путь собрался, к бабушке своей.

Не много ещё отошли, выскочил из дома Менгк-поших, стал им вслед свой целый язык показывать, стал смеяться, громким криком кричать. Закачались деревья, и Ими-Хиты покачнулся, а всё же удержался на ногах. Теперь настоящим мужчиной он стал, женатым охотником! Разве поддастся на озорство лесного мальчишки?

Бабушка Ими-Хиты с радостью встретила внука и невестку. Так внуку сказала:

— И с твоим отцом такое было. Пошёл однажды на охоту, зверя не притащил, шкурок не принёс, зато жену за руку привёл, ту, что твоей матерью стала. Ну, входите в дом!

ЗЕМНАЯ ДУЖКА

Долганская сказка

В старину, говорят, такое случилось. Пришли в Долганскую землю неведомо откуда сорок богатырей, сорок разбойников. Никого они не жалели, никого не слушали. Себя выше всех ставили. Так говорили:

— Долгане на длину стрелы нас ниже, якуты на длину ружья нас меньше, все на свете люди перед нами — что стебелёк травы перед кедром!

Старший богатырь хвастался:

— Если сверху подует, я дыру в небе собольей шапкой заткну!

Младший отзывался:

— Если снизу сквозняком потянет, топну ногой, дыру в земле широкой подошвой закрою!

Когда на верховых оленях богатыри ехали, далеко стук копыт разносился: «данг, данг». А проедут — следы от копыт с бубен величиной остаются. Дерево заденут — долго после того дерево поёт и стонет, а потом умирает. Вот какие богатыри были, разбойники были.

Никого не боялись, что хотели, то и делали.

Вот однажды спрашивает младший богатырь:

— А что, братцы, если б разыскать земную дужку, могли бы мы Землю перевернуть?

Старший богатырь отвечает:

— Перевернули бы! Только где она, эта земная дужка? На краю Земли, что ли?

Пошли они искать земную дужку. Долго ли, коротко ли шли, сами не знали. Может, год, может, три: льёт дождь — значит, лето, снег сыплет — значит, зима.

Куда ни пойдут, кого ни спросят, никто не ведал, никто слухом не слыхал, где земная дужка.

Наконец повстречался им старик. Верно, очень старый этот старик. Глаза выцвели, борода, как мох, зелёная. Богатыри и его спросили:

— Эй, старик, не знаешь ли, где земная дужка?

— А зачем вам земная дужка?

Богатыри отвечают:

— Хотим, за неё ухватившись, Землю перевернуть. Силу свою потешить.

Старик говорит:

— А есть ли у вас такая сила? Знаю я, где земная дужка, да бессильным и показывать незачем.

Тут вынимает он из кармана три гири и дальше говорит:

— Вот на этих гирьках покажите свою силу. Если поднимите хоть одну, тогда скажу, где найти земную дужку.

Богатыри-разбойники смеются.

— Глупый старик, любой из нас эти три гирьки одним пальцем подбросит, другим поймает.

Взялся младший богатырь за самую большую гирю, взялся за среднюю — даже с места стронуть не смог. А над меньшей гирей чуть не надорвался, однако приподнял.

Старший богатырь меньшую гирю до пояса поднял, среднюю — до колен, а большую только чуть шевельнуть сумел.

— Вижу я, что и вправду вы так сильны, как говорили, — сказал старик. — Открою вам: первая гиря — в четверть половины земной тяжести, вторая гиря — в половину, а третья гиря тяжела, как вся Земля. Так что, если возьмётесь все вместе, перевернёте Землю. А теперь станьте в ряд, ко мне лицом, да покрепче друг друга за руки держите. Я скажу вам, где земная дужка.

Стали разбойники-богатыри в ряд, взяли за руки. И тогда старик сказал:

— Будьте вы сами земною дужкой!

Так он сказал, так он заклил богатырей-разбойников.

И богатыри окаменели. Сделались высокими утёсами, горными хребтами, что тянутся от озера Пясино на восток до самой реки Лены.

И сейчас они стоят, никогда не сойдут с места. Если забредёт в горы человек, крикнет — долгим эхом отзываются каменные богатыри.

Тот старик был большим колдуном. Хорошо он сделал. Что бы с людьми случилось, если б разбойники-богатыри и вправду перевернули Землю?!

**ХОЧУ КОЧЕВАТЬ —
НЕ ХОЧУ КОЧЕВАТЬ**

Чунокская сказка

Решили как-то медведи с ягодных на грибные места перебраться. Решили и пошли. Большие медведи впереди идут, за ними те, что поменьше — пестуны, медвежата.

Долго шли. Попадётся ручей — вброд переберутся, попадётся река — переплывут, попадётся на пути сопка — перевалят.

Позади всех плёлся самый маленький медвежонок. Устал он, еле ноги переставляет. Начал тихонько скулить — мать не слышит. Заскулил погромче — мать не останавливается. Впереди идёт, вперёд смотрит. Попробовал медвежонок догнать её — сил не хватает, лапы болят.

А тут ещё на беду увидел он спелую морошку. Остановился полакомиться. Ел, ел вкусные ягоды, пока не наелся. Поднял морду, посмотрел — никого нет. Ни близ-

ко, ни далеко ни одного медведя не видно. Верно, за высокой сопкой скрылись.

Жутко стало медвежонку одному в тундре. Сел он на задние лапы и заревел. Кто-то откликнулся, да так страшно: «Ква-ква! Ква-ква!»

Кинулся медвежонок с перепугу бежать. Бежал, бежал, о камень лапу зашиб. В густом кустарнике бока ободрал. А потом в речку с откоса скатился, вымок, еле выбрался.

Тут темнеть стало. Заснул медвежонок среди кочек. Утром проснулся — кто-то около него сидит. Уши длинные, хвост короткий, и нос шевелится. Смешно медвежонку.

— Ты кто? — спрашивает он.

— Я заяц. А ты как сюда попал?

— Большие медведи ушли. Меня, медвежонка, бросили.

Пожалел заяц медвежонка, повёл к себе в ярангу. Зажили они вместе, подружались, друг без друга ни шагу. Заяц ветки грызёт, медвежонок ягоды ест. Заяц твёрдой лапкой из шкуры медвежонка пыль выколачивает, медвежонок когтями заячий мех причёсывает. Хорошо, лучше не надо.

Как-то побежал заяц к реке воды напиться. Видит — на берегу медведица стоит, лапой на отмели рыбу ловит.

Хотел было заяц задать стрекача, а потом подумал:

«Что она мне сделает? Удрать я всегда успею».

И крикнул медведице:

— Эй, лохматая, все медведи из наших краёв откочевали. Ты что тут делаешь?

— Ищу своего маленького сына. Хватились я его, когда на грибное место пришли. Все медвежата тут, а моего сынка нет. Видно, заблудился в сопках.

— Так это, верно, мой дружок. Идём покажу. Узнаешь — твой, не признаешь — пусть со мной живёт.

Только стали подходить к зайцевой яранге, медвежонок мать завидел. Обрадовался, побежал ей навстречу. Мать медведица ещё больше обрадовалась, сыночка с ног до головы облизала.

— Хорошо, сынок, что ты нашёлся! Идём со мной.

Медвежонок и пошёл с ней. Отошли они ни много, ни мало, оглянулся медвежонок. Видит — заяц у своей яранги сидит на задних лапках и горько плачет. Тут и медвежонок заскулил:

— Вернёмся! Не хочу перекочёвывать!

Медведица его уговаривает:

— Идём, идём, сынок! Там места хорошие, грибные. Сам увидишь.

Привела медведица сына в лес. А он плачет, всё ему не так. Мать его угощает — он не ест. Мать с ним играет — он плачет.

— Не нравится мне здесь! В лесу темно, в тундре светло. Грибы тут горькие, там ягоды сладкие. Хочу перекочёвывать! Вернёмся в тундру.

Измучилась совсем медведица.

— Хорошо, — говорит, — ночь переночуем, завтра в тундру пойдём.

Легли спать. Медвежонок с боку на бок ворочается, во сне всхлипывает.

На самой ранней зорьке, слышит — кто-то стук-стук пятками о землю, прыг-прыг около яранги. Выскочил медвежонок, а это прыгает его дружок, зайчишка длинноухий!

Стали они играть, за деревья прятаться, вперегонки бегать.

Тут медведица проснулась. Принялась в путь собираться.

— Ты куда, мама? — спрашивает её медвежонок.

— Как куда? В тундру. Ты же хотел перекочёвывать. Не нравится тебе здесь.

— Нет, нравится, — говорит медвежонок, — здесь места хорошие, грибные. Не хочу перекочёвывать!

Так и остались жить в лесу — мать-медведица, сын-медвежонок да его дружок заяц.

**БАБУШКА
ХАСЫНГЕТА**

Хантыйская сказка

Любил чѣрт глухариним мясом лакомиться. Много ловушек стояло у него на Глухариной горе. На это место со всего леса собирались глухари токовать по весне, даже траву на макушке горы лапками дочиста вытоптали. Потому-то чѣртовы ловушки вокруг токов всегда были с добычей.

А неподалёку от Глухариной горы жил Хасынгет со своей бабушкой. Хасынгет тоже любил глухариное мясо. Только силки ставить ему было лень. Вот он и таскал птицу из ловушек чѣрта. Сперва по одному глухарю брал, потом по два, а там стал забирать подряд из всех ловушек.

Придёт чёрт — пусто, насторожит опять снасть. На другой день снова ничего. Однако чёрт не дурак был, смекнул, что дело неладно. Спрятался с вечера за кустами, всю ночь просидел, а рано утром поймал Хасынгета.

— Ты зачем моих глухарей берёшь? — закричал чёрт.

— Я своих глухарей беру, — отвечает Хасынгет.

— Как своих? Ведь ловушки-то мои!

— Ловушки, может, и твои, а глухари мои. Вся Глухариная гора моя. У кого хочешь спроси.

— У кого же спросить, — удивился чёрт, — когда тут на день пути, кроме тебя да меня, никто не живёт?

— Да хоть у бога спроси, — говорит Хасынгет, — уж он-то всё знает.

Чёрт ещё больше удивился.

— Как это у бога спрашивать?

— А вот так. Приходи завтра поутру к старой ели, что над рекой стоит, там и спросим у бога.

Ушёл чёрт. Хасынгет к бабушке побежал.

— Вот что, бабушка, — сказал он, — завтра утром посажу я тебя в лубяном туесе на ёлку. Ты тихонько сиди, не шевелись. Я тебя спрошу — отвечай, другой спросит — молчи.

Так Хасынгет и сделал. Пока ещё солнце не взошло, посадил бабушку на ёлку, сам на берегу сел. Поднялось солнце, явился чёрт.

— Ну, — говорит Хасынгет чёрту, — ты первый у бога спрашивай. Послушаем, что он скажет.

Чёрт задрал голову и закричал:

— Эй, бог, кто хозяин Глухариной горы?

Ни слова бабушка не ответила.

— Молчит бог, — сказал чёрт. — Теперь ты, Хасынгет, спрашивай.

Тут Хасынгет задрал голову.

— Эй, бог, скажи: моё место Глухариная гора?

— Твоё, твоё! — крикнула бабушка.

Так громко крикнула, что даже подпрыгнула. Обломилась под туесом ветка, он и упал вниз вместе с бабушкой, только вода плеснула.

— Что это? — спрашивает чёрт.

— Это шишка в реку упала, — отвечает Хасынget, а сам думает: «Надо бы, однако, бабушку из реки выловить, да чёрт догадается, что я его обманул. Ну ладно, одно дело кончу, другое начну».

— Что ж, — говорит чёрт, — видно, и правда Глухариная гора твоя. Нечего мне тут делать, уйду в другие места жить. Можешь мои ловушки себе забрать.

Ушёл чёрт. Хасынget так обрадовался, что и про бабушку забыл. Стал ловушки настораживать.

А туесок с бабушкой подхватила река, понесла вниз по течению. Колыхается на речной волне туесок. Вот уже одну излучину миновали, второй поворот позади остался.

Подплыла стая мальков — посмотреть, что это на воде качается.

Увидели мальки бабушку и говорят:

— Бабушка, бабушка, нас много, давай мы твой туесок к берегу направим.

— Нет, малёчки, не надо. Раз внучек за мной по берегу не бежит, значит, я ему не нужна. Пускай несёт меня река, куда сама знает.

Мальки вильнули хвостиками и ушли в глубину. А туесок дальше поплыл.

Вдруг из воды высунули головы серебристые рыбки. Увидели бабушку, глаза вытаращили.

— Бабушка, бабушка, смотри, намокнет твой туесок, потонешь. Давай мы его к берегу подгоним.

— Нет, рыбки, не надо, — отвечает бабушка. — Не ищет меня внучек, значит, меня не любит. Пускай река что хочет со мной делает.

Плеснули рыбки, скрылись.

Плывёт туесок, качается в туеске бабушка. То шире

река, то уже, то прямо течёт, то извивами. Наконец зацепился туюсок за корягу. Ни вправо, ни влево, ни вперёд, ни назад.

Подплыли тут к туюску большие осетры. Спрашивают:

— Бабушка, бабушка, что это ты посреди реки качаться вздумала? Давай мы твой туюсок к берегу подтолкнём.

Бабушка отвечает:

— Что ж, толкайте! Видно, не хочет меня вода дальше нести.

Осетры ударили по туюску хвостами — туюс снялся с коряги. Ударили носами — поплыла бабушка в туюске к берегу. Не успела она вздохнуть, очутилась на отмели. Осетры помахали ей плавниками и пустились своим путём, по своим осетровым делам.

Ступила бабушка на землю, огляделась. Место, видать, хорошее, лес рядом, река тут. Можно жить...

И зажила бабушка. Берестяной чум поставила, грибы-ягоды собирает, рыбу ловит.

Всё бы хорошо, да скучно ей без внука.

«Где-то, — думает, — Хасынжет? Как там без меня живёт? Лучше ли, хуже ли?»

Однажды заметила — кто-то по берегу идёт. Присмотрелась, а это Хасынжет. Подошёл, сел у огня. Бабушка спрашивает:

— Что ж ты, внучек, один не живёшь? Глухарей на Глухариной горе не ловишь?

Хасынжет отвечает:

— Обманул я чёрта. Думал умнее его быть, да он хитрее меня оказался. Глухариную гору мне оставил, а глухарей с собой увёл. Плохо мне, бабушка, голодный я.

— Эх, внучек, ты обманул — тебя обманули. С чёртом связался — бабушку на волю воды бросил. Ну, раз голодный, что с тобой сделаешь, куда денешь?

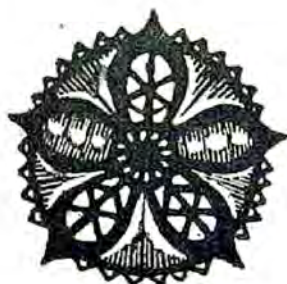
Пожалела бабушка внука, накормила.

Поел Хасынжет, сказал:

— Прости меня, бабушка! Плохим я оказался внуком. Видно, чёрт меня попутал.

Стали они вместе жить.

Хасынжет на охоту, на рыбную ловлю ходил. Бабушка еду варила, шила ему одежду.

СКАЗАНИЕ ПРО БОГАТЫРЯ ВИЩ-ОТЫРА

Мансийская сказка

В верховьях Онку-ях-реки, что в многоводную, многорыбную Обь впадает, семеро братьев живут, восьмая сестра. Братья, как горные скалы, как утёсы речные, крепки. Сестра, как весенний цветок, нежна. Месяц такой красавицы не видал, солнце такой красавицы не видало. Длинные её косы медными птичками-подвесками украшены. Повернёт она голову, подвески звенят, будто птички поют.

Однажды младший брат поиграть вздумал. Взял лук, пустил стрелу, одну птичку-подвеску сбил. Девушка ничего бы не заметила, да братья смеяться над ней начали. Тогда она рассердилась, вырвала лук у младшего брата да так натянула тетиву, что лук пополам сломался. Стар-

ший брат вступился за младшего, тоже пустил стрелу, сразу семь птичек сбил.

Тут сказала девушка:

— За то, что вы моих медных птичек сбили, не будет вам удачи в охоте на птиц. А я с вами больше жить не хочу. Обидели меня — в лес от вас уйду!

Братья тоже обиделись.

— Ну и уходи от нас! — крикнули.

Ушла сестра. Братья за ней не побежали, не стали искать. Думали: походит по лесу, походит и назад вернётся. А она не вернулась. Что с ней случилось, потом узнаем.

* * *

В Смородиновом городке, на берегу многоводной, многорыбной Оби, Вищ-Отыр, молодой богатырь, жил. Однажды утром вышел он из дому, голову поднял, на ясное небо посмотрел. Видит, летит стая чернетей — уток-нырков, а с ними чёрный ворон Острый Ключ. Вищ-Отыр на землю кусок мяса бросил. Чернети мимо пролетели, чёрный ворон вниз спустился, мясо склевал. Потом сделал круг над головой Вищ-Отыра и сказал:

— Вищ-Отыр, славный богатырь, до какой поры ты здесь один гулять будешь? Послушай, что я тебе поведаю. В верховьях Онку-ях-реки семь братьев живут. С ними, восьмою, сестра жила. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели её братья, посмеялись над ней, медные птички-подвески с кос сбили. Ушла она от них в лес, а там её лесной дух, трёхсаженный Менкв-Ойка, схватил, к себе в городок унёс. Вот бы тебе её у менква отнять, самому на ней жениться!

Сказал так ворон Острый Ключ и дальше полетел.

А Вищ-Отыр загрустил, задумался. Домой не заходя, к старшему брату отправился.

Пришёл к старшему брату, тяжёлую дверь, из стволов лиственницы слаженную, распахнул, через порог пе-

реступил. Давно братья не виделись, поздоровались, сели, разговор завели. Вищ-Отыр рассказывает:

— Есть на свете красавица, семи братьев сестра. Такой красавицы солнце не видало, месяц не видал. Обидели её братья, она в лес от них ушла, а там её Менкв-Ойка схватил, к себе в городок унёс. Вот на той красавице хочу я жениться. Что, старший брат, скажешь?

Старший брат не отвечает. Сидит, молчит, голову опустил. Пока молчал, три раза котёл с рыбой свариться бы мог. Наконец голову поднял, на младшего брата взглянул, сказал:

— Да ты знаешь ли, каков Менкв-Ойка, лесной дух? Страшен он. Ростом в три сажени, в обхват — три сажени. Кости его крепче железа, мышцы твёрже камня. В городке его менквов столько, сколько муравьёв на муравьище в жаркий день. Птица городок его из конца в конец пролететь не может, от усталости падает. Если человек посмотрит — края городка не увидит, взор на середине оборвётся. Не ходи туда, головы не унесёшь!

— Милый брат, — просит Вищ-Отыр, — а как же девушку без защиты у злого менква оставить?

Старший брат отвечает:

— Была у неё защита — семеро братьев, как горные скалы, как речные утёсы. Сама от них ушла, сама виновата!

Вищ-Отыр рассердился, с места вскочил. Половицы под его ногами, как рыбы рёбра, прогнулись. Бросился к выходу, на пороге обернулся.

— Не человек ты — брус точильный! Ножи бы об тебя точить — вот как хорошо было бы! Камень ты!

Из дому выбежал, дверью хлопнул. Не будь она ладными руками сделана, в щепки бы разлетелись листовенничные брёвна.

Вернулся Вищ-Отыр в свой городок, места себе не находит. Поставил варить оленью голову. Тот олень за-

колот в безлистное, осеннее время, когда все звери жи-реют. А сварилась голова, Виш-Отыр куска проглотить не может.

— Не захотел брат помочь, один пойду! — сказал себе.

Пошёл на берег реки, стал спускать на воду семисаженную длинную лодку. Только успел в неё сесть, прибежала на берег Виш-Отырова сестра, схватилась за распорку на корме лодки.

— Милый братец, — кричит, — не езд! Куда ты один пойдёшь? В дальнем месте убьют тебя, в далёкой стороне погубят тебя! Дома останься!

Виш-Отыр ничего ей не ответил. Ударил громко звенящим железным веслом по воде, вырвалась лодка на середину реки, а распорка в руках сестры осталась.

Молодой богатырь сильно гребёт, так сильно, что буря поднялась, гром загремел. В ближних селениях люди от ветра на землю попадали, в дальних селениях люди вверх глядят, удивляются, откуда гром гремит, когда в небе ясно.

Три дня, три ночи Вищ-Отыр так грёб. На четвёртый день городок лесного духа показался. Богатырь к берегу пристал, из лодки вышел, подумал:

«Если так пойду, увидят меня менквы!»

Обернулся рогатым оленем, немного пробежал, опять думает:

«У менквов зоркие глаза. Если долго так бежать буду, узнают меня!»

Ястребом обернулся. Два круга в небе сделал, вперёд полетел.

Уже совсем близко Менкв-Ойки городок. Ястреб — Вищ-Отыр думает:

«И ястребом нехорошо! Если долго так лететь буду, догадаются менквы!»

Короткохвостой ящерицей обернулся, меж травинок, меж листиков скользит.

«Так, пожалуй, не разглядят меня!»

Добежал ящерицей до ограды. Высокая ограда у менквов. Палисады в небо упёрлись, вершинами за тёмные тучи задевают, нижними концами, верно, в подземный мир уходят. Нигде щёлочки не найти, внутрь ограды не пролезть. Вищ-Отыр — ящерица в трещинку бревна забился, сидит. Потом так сказал себе:

— Долго ли мне здесь сидеть? Чего ждать?

Стал он просить Верхнего духа:

— Верхний дух, пошли жару на семь дней, на семь ночей!

Услышал Вищ-Отыра Верхний дух, наслал жару. Таковую жару, что листья на деревьях привяли, трава пожелтела, земля потрескалась.

Менквы старухи, менквы старики в городке ямы повыкопали, забрались в них. Молодые менквы в реке плещутся.

Вищ-Отыр всё в трещине сидит — теперь знает, чего ждёт. Как задумал, так и стало. На третий день спустились к реке из городка десять женщин. Девять из них женщины-менквы, среди них старшая — Менкв-Ойки сестра. Худая, длинная, и имя у неё длинное. Зовут её: Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

А десятая... Не у менквов такая красота родилась! Глаза у неё — как две спелых смородины, щёки румяные, косы до колен, на концах кос птички сидят, песни поют. Вот она — красавица, вот о ком говорил чёрный ворон Острый Клюв!

Стали женщины купаться. Наплескались вволю, вышли из воды, одеваются. Вдруг красавица вскрикнула: — Кэй! Какой-то зверёк мне в рубашку заполз!

А это Вищ-Отыр — ящерица заполз.

Схватила рубашку красавицы Сухая-Как-Под-Ветром - Качающаяся - Трава-Женщина, принялась трясти. А Вищ-Отыр уже иголкой обернулся, в рукав вкололся, крепко держится.

Оделись женщины, в городок уходят. Уже к воротам подошли.

Вищ-Отыр — игол-ка думает:

«Чего дальше ждать? Что задумал, то делать надо!»

Выскользнул из рукава, упал на землю, в

медведя превратился. Сгрёб красавицу мохнатыми лапами и пустился бежать.

Долго ли, коротко ли бежал, добежал до своей лодки. Тут опять сделался Вищ-Отыром — богатырём, самим собой стал. Увидела его красавица, обрадовалась, улыбнулась ему.

Вищ-Отыр спрашивает:

— Куда лодку направлять? Хочешь — к братьям своим вернёшься, хочешь — со мной поедешь, моей женой будешь?

Красавица отвечает:

— Куда ты, туда и я. Ты меня от злого Менкв-Ойки спас, я тебе верной женой буду.

Приплыли они в городок Вищ-Отыра. На другой же день Вищ-Отыр укреплять городок стал. В семь рядов палисады поставил, изнутри к ним залавы пристроил, чтобы удобнее было сквозь палисады стрелы пускать. Ведь не у кого-нибудь, а у Менкв-Ойки невесту отнял! Не простит тот обиды.

Ни много, ни мало живёт Вищ-Отыр с молодой женой, а только счастливо живёт. Году не прошло, родился у них ребёнок, сын-красавец, будущий богатырь.

Смастерил Вищ-Отыр для сына берестяную люльку, жена люльку у окошка повесила. Однажды качала она люльку и песню пела:

Качаю я своё дитяtko
В берестяной люльке с обручевым ободом.
Качаю я своё дитяtko
В берестяной люльке с корневым ободом.
Качаю я своё дитяtko
Пятипалой ногой с пятью пальцами.
Руки твои — молодые деревца,
Ноги твои — молодые деревца...

Заплакал ребёнок, мать его перекладывает, а сама поёт:

Выну я тебя из берестяной люльки
С корневым ободом,
Подниму я тебя вверх
Пятипалой рукой с пятью пальцами,
Буду я похаживать по тесовому полу
С десятью тесинами...

Когда мать сына перекладывала, сухой тёплый мох в люльку клала, щепотка мха из колыбельки за окно упала. Летела мимо синичка, схватила мох и унесла.

* * *

А Менкв-Ойка целый год покоя не знает. Всё по своей невесте, красавице маленькой женщине тоскует. У всех спрашивает, не видел ли кто, не слышал ли, куда она подевалась. Спрашивал и у сестры своей:

— Ты в тот день с ней купаться ходила, расскажи, что знаешь.

Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава - Женщина отвечает:

— В тот день мы уже от реки к воротам подходили, вдруг, будто из-под земли вырос, встал между нами медведь. Схватил маленькую женщину и унёс. Больше ничего не знаю.

Взревел Менкв-Ойка, к лесу бросился.

Три дня в лесу бушевал, деревья с корнем выворачивал, а к концу третьего дня стали падать на городок клочья медвежьей шерсти, когти медвежьи, зубы медвежьи.

Вернулся Менкв-Ойка страшнее бури, чернее тучи. Сестре своей так сказал:

— Бил я медведей, стариков лесных трепал, в клочья разрывал... Пленницы моей, маленькой женщины, нету у них! Скажи, что знаешь?

Затряслась от страха Сухая-Как-Под-Ветром-Качающаяся-Трава-Женщина.

— Милый мой брат, ничего больше не знаю. Ничего больше не видела, ничего больше не слышала.

Стал Менкв-Ойка всех пробегающих зверей, всех пролетающих птиц, всех проплывающих рыб спрашивать. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Загрустил трёхсаженный лесной дух, посреди городка скамью поставил, сел на неё и заплакал. Плачет-рыдает, ручьями слёзы текут.

Так целый год сидит.

Пролетал как-то над городком чёрный ворон Острый Клюв. Менкв-Ойка голову поднял, спросил:

— Над землёй ты повсюду летаешь, всё видишь. Пленницу мою, маленькую женщину, не встречал ли где?

Отвечает ворон:

— Знаю, где она, видел её. Только тебе, как ни проси, не скажу. Ты с охоты идёшь — меня от добычи отгоняешь, кусочка мяса не кинешь, капельки крови не дашь.

Улетел ворон. А Менкв-Ойка от злой досады ещё громче заплакал.

Тут пролетала над его головой синичка.

— Чип-чип, что я знаю! Что я знаю!

— Что ты знаешь? — крикнул ей Менкв-Ойка.

— Знаю, знаю, что в гнезде моим птенчикам тепло будет. У маленькой женщины, Вищ-Отыра богатыря жены, сын родился. Мать сыночку мохом люльку устлала. Когда ребёнка перекладывала, клочок тёплого моха за окно выпал. Я тот мох подобрала, в своё гнездо несу. Чип-чип!

Трёхсаженный лесной дух разом плакать перестал. Вскочил, громко крикнул:

— Собирайтесь, менквы мои! Идём войной на Вищ-Отыра богатыря, что унёс мою пленницу, маленькую женщину!

Снарядились менквы-воины, отправились. Столько

их было, что когда первые к городку Вищ-Отыра подошли, последние только из ворот городка лесных духов выходили.

Впереди войска трёхсаженный Менкв-Ойка идёт. Рядом с ним брат его, по имени Пирх-Камка-Сорт-Камка, шагает. Подошёл Менкв-Ойка к палисаду, закричал:

— Эй, Вищ-Отыр, отдай мою пленницу, маленькую женщину! А не хочешь, покажи свою силу, ловкость свою покажи. Посмотрим, кто кого одолеет.

Вищ-Отыр костяной лук схватил, стрелу из колчана вынул. Стрела длиной в четыре четверти, наконечник у неё железный, в три четверти. Наложил Вищ-Отыр стрелу на середину лука, стал тетиву натягивать. Натянул на всю длину стрелы, на всю длину наконечника. Пустил стрелу.

«Тэнн-тэнн», — она запела, лесного духа в плечо ударила, с ног его сбила и дальше полетела. Потом в землю воткнулась во весь железный наконечник.

А Менкв-Ойка вскочил, к городку бросился. Рубит тяжёлым ножом палисады, кричит:

— Куда годятся твои стрелы, куда тебе со мною тягаться!

Вищ-Отыр вторую стрелу пустил. Стрела в грудь лесного духа ударила, на три сажени его отбросила, а сама поверх голов войска перелетела, по самые перья в землю воткнулась.

Так бьются три дня без еды, три ночи без сна. У Вищ-Отыра тетивой кожу с пальцев содрало. Вдруг он слышит, Менкв-Ойка ему кричит:

— Эй, Вищ-Отыр, поешь хорошо бы, отдохнуть не плохо бы!

Перестали биться. Вищ-Отыр в дом вошёл. Молодая жена лук у него из рук взяла, в угол поставила. Пот у мужа со лба рукавом утёрла. Потом пить-есть подала. Он есть не начинает, сестре говорит:

— Иди к нашему старшему брату, скажи ему: тетивой у меня на пальцах кожу сорвало, силы мои кончаются. Не придёт ли, не поможет ли мне. Беги в земле вырытым ходом, что ведёт от моего городка к городку брата.

Побежала сестра. К старшему брату пришла, говорит ему:

— Старший брат, иди помоги младшему брату. Трое суток бьётся он с лесным духом, тетивой ему на пальцах кожу сорвало, силы у него кончаются.

Усмехнулся старший брат.

— Разве я человек? Я камень. Так Вищ-Отыр сказал. Если у него оружие затупилось, пусть придёт, об меня поточит. А я к нему не пойду.

Заплакала сестра, в земле вырытым ходом назад побежала. Вищ-Отыр её выслушал, ничего не сказал. Опять за лук взялся, стрелы схватил.

Пустил первую стрелу. Десять менквов рядом стояли — стрела всех десятерых пронзила. Вторая стрела пригвоздила к земле двадцать менквов.

А Менкв-Ойка со своим братом тяжёлыми ножами три палисада в щепки искрошили, к четвёртому добиваются.

Ещё так три дня без еды, три ночи без сна бьются. У Вищ-Отыра сил совсем не осталось, на пальцах белые кости показались.

— Эй, остановимся! — закричал он лесному духу. — Отдохнуть пора, поесть пора!

Согласился Менкв-Ойка. Он тоже поесть хочет, отдохнуть хочет.

Вищ-Отыр не домой пошёл. В земле вырытым ходом к старшему брату отправился. Тяжёлую лиственничную дверь распахнул, через высокий порог переступил. Со старшим братом поздоровался. Брат ничего не сказал. Жирную оленью голову в котёл положил, котёл на

огонь повесил. Скоро и мясо сварилось, поели, попили. Молчат.

У стены большой ящик стоял. Старший брат поднял крышку, вытащил мешок, сшитый из рысьей шкуры. Оттуда кольчугу вынул. Из медных колец, из железных проволочек скована кольчуга, блестит, переливается серебром и золотом. Надел её старший брат. Поясом, дятловыми носами украшенным, опоясался. Меч в руки взял. Тогда только первое слово сказал:

— Теперь пойдём!

Подошли к городку Вищ-Отыра. Возле палисада громадный, как скала, валун лежал. Старший брат ударил по валуну ногой. С грохотом камень раскололся, на много кусков разбился. Посыпался каменный град на войско Менкв-Ойки. Половину его воинов разом перебило.

А старший брат выхватил меч из ножен, принялся крушить вражье войско. Вищ-Отыр от него не отстаёт. Старший брат налево рубит, младший — направо. Старший — направо, младший — налево. Тем менквам, что от каменного града уцелели, головы снесли.

Опустили мечи братья, огляделись. Все менквы мёртвые лежат, только лесного духа ни мёртвого, ни живого не видно. И брата его, Пирх-Камки-Сорт-Камки, нету.

— Испугались нас, убежали! — сказал старший брат. — Догонять придётся. Ты за которым погонишься?

— С кем бился, за тем и погонюсь! — отвечает Вищ-Отыр. — Менкв-Ойку стану преследовать.

— Как сказал, так и будет, — согласился старший брат. — Одно помни: если сил у тебя не хватит, если слабость начнёшь, молчи, ни слова не промолви. Только обо мне подумай.

Пошли братья, куда следы повели. Старший брат — налево, младший — направо.

Долго ли, коротко ли шёл-бежал Вищ-Отыр, наконец нашёл трёхсаженного лесного духа. Сидит он на стволе

упавшего дерева, горько плачет. Вищ-Отыра увидел, вскочил.

— Ну, — говорит, — как биться будем? Лук и стрелы выберем или врукопашную схватимся?

— Луки наши уже опробованы, стрелы испытаны, — отвечает Вищ-Отыр. — Врукопашную мы ещё не бились, силы рук друг у друга не знаем. Давай поборемся!

Схватились оба. Земля под ними гудит, деревья кругом, как сухой камыш, качаются. То лесной дух верх берёт, то Вищ-Отыр побеждает. А всё же у трёхсаженного Менкв-Ойки силы больше. Начал клониться книзу Вищ-Отыр, трещат его кости, руки, ноги слабеют.

Повалил лесной дух Вищ-Отыра на землю, выхватил нож, хочет богатырю горло перерезать.

«Милый брат, — думает Вищ-Отыр, — был бы ты здесь, не смотрела бы смерть в глаза!»

Только успел подумать, захлопали над ним крылья, закричал чей-то голос: «Ку-гу! Ку-гу!»

Взглянул вверх Менкв-Ойка, ослабил хватку. В тот же миг Вищ-Отыр из-под него выскользнул. Лесного духа на землю повалил, придавил, в чёрное его сердце нож воткнул.

Теперь сам вверх посмотрел. Видит — сидит на ветке филин, на него глядит. Спрыгнул с ветки, обернулся старшим братом, сказал:

— Менкв-Ойка тут лежит. Пирх-Камка-Сорт-Камка на том краю леса мёртвый валяется. Больше у нас врагов не осталось. Возвращайся к своей жене, к своему сыну.

Вернулись они, весёлый пир устроили. И семерых братьев, что живут в верховьях Онку-ях-реки, позвали. Жена Вищ-Отыра, сестра семерых братьев, ласково их приняла, обиду забыла. И братья тоже обиду забыли, помирились с ней.

Долго после того Вищ-Отыр с женой в радости и счастье жил. Сын его богатырём рос, человеком сказки, человеком песни.

Вот нашему сказанию о богатыре Вищ-Отыре и конец пришёл!

БЕРЕСТЯНОЙ НОС

Мансийская сказка

Как-то вечером сказал старик своей старухе:
— Насуши сухарей. Давно не охотился, завтра с утра в лес пойду.

Старуха заворчала:

— Давно не охотился, так и ходить незачем. Хочешь, чтоб менквы, лесные духи, тебя там съели?!

Старик отвечает:

— Менквы не менквы, всё равно пойду.

И лёг спать.

Утром встал, спрашивает:

— Насушила сухарей?

— Не насушила, — отвечает старуха. — Не пойдёшь ты в лес.

— Пойду! — говорит старик.

— Не пойдёшь! — говорит старуха.

Так полдня и проспорили.

Солнце уже на другую половину неба клониться начало, когда старик из дому вышел. До его лесной избушки, где он смолоду, охотясь, бывало, по неделям жил, далеко идти. Солнце село, смеркается, совсем стемнело, а он до своей избушки ещё не добрался. Шагает, думает:

«А ведь верно старуха говорила — съедят меня менквы! Лучше бы не ходил».

Такой страх его пробирает, что ноги трясутся. Однако бежит. В избушке, думает, не так страшно. Теперь уже близко.

Вдруг смотрит, сквозь деревья огонёк мерцает. Подошёл поближе — это в его избушке окошко светится.

«Значит, — думает старик, — какой-то охотник раньше меня забрёл. Вот хорошо, вдвоём переночуем».

Всё-таки сразу входить не стал, сначала в окошко заглянул.

Ох, страх какой! Сидят у очага два огромных менква с голыми волосатыми руками, с голыми волосатыми ногами. Один обдирает шкуру с красного зверя, другой обдирает шкуру с чёрного зверя.

Шарахнулся старик от окошка, наступил на берёзовый сук. Крак! — сук сломался.

— Ой! — вскрикнул один менкв грубым голосом.

— Ай! — второй вскрикнул.

А старик опять к окошечку. Смотрит, слушает.

— Чего это мы так боимся? — спрашивает первый менкв, а сам весь дрожит.

Второй отвечает:

— Не знаю, чего боимся. Разве есть на земле кто-нибудь сильнее нас? Разве есть на земле кто-нибудь больше нас? — И тоже весь дрожит.

— А что же это было? — спрашивает первый менкв.

— Видно... — отвечает второй менкв. — Видно, это берёзовый сук треснул.

— Ох, не говори, сердце у меня от страха лопнет!
Ну-ка скажи ещё раз, что это было?

— Сук берёзовый треснул!

— Ох, молчи! С чего бы ему треснуть?!

Старик за окошком думает:

«Кто кого больше боится — видно. А кто кого сейчас больше испугается — увидим!»

Отодрал кусок берёсты, свернул трубкой, к носу приставил. Длинный-предлинный нос у него сделался. Потом просунул старик голову в окошко и закричал:

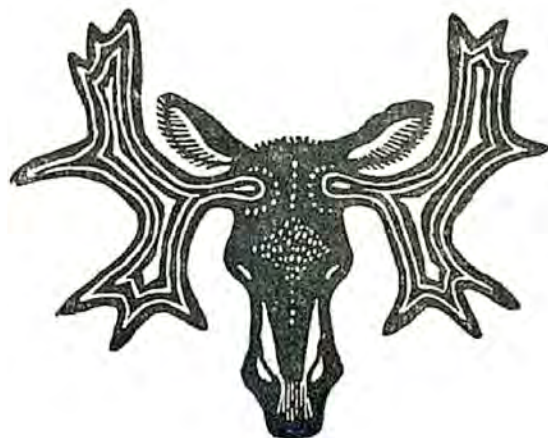
— А вот берестяной нос в гости пришёл! У-гу-гу-у!

Вскочили менквы, кинулись к выходу. Дверь из избышки вышибли, бежать бросились. Только топот по ночному лесу слышится.

Старик двери назад приладил. В избышку вошёл, спать лёг.

Охотился не охотился, а шкуру красного зверя, шкуру чёрного зверя домой принёс. Старухе отдал, сказал:

— А ты говорила: в лес не ходи!

КОМУ НА ВЁСЛАХ СИДЕТЬ

Эвенкийская сказка

Сговорились как-то три женщины поехать ловить рыбу неводом.

Пошли к старику соседу.

— У нас, — говорят, — невод есть, у тебя — лодка. Поедем рыбу ловить.

Старик отвечает:

— Хорошо бы рыбки поесть, да стар я стал, грести силы нету.

— А тебе и не надо грести, — говорят женщины. — Мы между собой черёд установим, кому на вёслах сидеть. Ты только с рулевым веслом управляйся.

— Тогда ладно, — согласился старик.

Сели в лодку, поплыли вверх по реке. Младшая женщина гребёт.

Доехали до первого ручья, что в ту реку впадал. Младшая средней место на вёслах уступила.

Опять плывут.

Вот устье второго ручья показалось. Теперь старшей женщине гребти черёд пришёл.

Плывут.

Третий ручей к реке прибежал. Старшая из женщин вёсла сложила.

Никто вёсел не берёт. Лодка стала, на волнах покачивается.

— Что же вы? — спрашивает старик. — Рыбное место за четвёртым ручьём. Гребите! Чей черёд?

— Не знаю, чей черёд, — говорит старшая, — мой черёд вышел.

— И мой вышел, — говорит средняя.

— А мой черёд первым начался, первым и кончился, — говорит младшая.

Принялись женщины спорить. Старик молчит, слушает.

А река лодку поколыхала, поколыхала, повернула и понесла вниз по течению.

Женщины ссорятся, ничего вокруг не видят.

— Я первой гребла, — кричит младшая, — не дожидаться вам, чтобы я последней на вёсла села! Пускай та, что за мной была, теперь гребёт.

— Я как в серединке была, так и останусь! — кричит средняя.

— Так что ж мне — два череда подряд вёслами махать?! — кричит старшая.

А лодку всё несёт и несёт. Уже и чумы их завиднелись.

Тут спохватились женщины. Все три на старика набросились:

— Ты что смотрел? Почему обратно приехали?

Старик смеётся:

— Черёд-то меж вас кончился. Вот река за вас и работала, очереди не спрашивала. А ей не прикажешь

вверх по течению лодку гнать. Сама принесла, куда знала. Вылезайте теперь, пока мимо стойбища не проехали.

Так и не наловили рыбы.

Старик про то давно и думать забыл, а женщины до сих пор спорят, чей тогда черёд был на вёслах сидеть.

ЖИВАЯ ВОДА

Тофаларская сказка

Давным-давно это было, ещё когда у кедра, ели и сосны листья каждую осень желтели, к зиме опадали.

Так вот, пошёл в те времена один тофалар на охоту. Далеко зашёл. Так далеко никто из охотников никогда не бывал. Увидел он болото. Большое болото, никакому зверю через него не перебежать, никакой птице не перелететь.

Тофалар подумал:

«Если наши звери перебежать не могут, если наши птицы перелететь не могут, какие же там, за болотом, звери и птицы водятся?»

Так ему это узнать захотелось, что вытерпеть сил нету. Будь что будет, а надо там побывать! Разбежался и перепрыгнул болото.

Смотрит — такая же там земля, такая же трава, такие же деревья.

— Ни к чему было и прыгать! — сказал себе наш тофалар.

И вдруг рот от удивления разинул.

Стоят на полянке оседланные зайцы. Смирно стоят, ждут кого-то. Тут из-под земли, из норок, вышли люди. В точности такие, как наши люди, только совсем маленькие. Если заяц уши на спину положит, они выше зайца, если уши поставит, они ниже зайца.

Наш тофалар их спрашивает:

— Вы кто?

— Мы вечные люди, — говорят человечки. — Умываемся живой водой, никогда не умираем. А ты кто?

— Я охотник.

Человечки обрадовались.

— Вот хорошо! — закричали разом.

А один человечек, видно самый старый, с белыми волосами, вперёд вышел, сказал:

— Неизвестно откуда появился в нашей стране большой страшный зверь. Недавно напал на одного из наших людей, горло ему перегрыз. Мы вечные, сами не умираем, а этот хищный зверь убил нашего человека. Не сможешь ли нашей беде? Сам ведь говорил, что ты охотник!

— Отчего не помочь? — отвечает тофалар, а про себя думает: «Справлюсь ли с тем большим страшным зверем?»

Однако пошёл на охоту.

Ищет, ищет, нигде никаких следов не видно, кроме заячьих. Вдруг поверх заячьего следа пошёл след соболя. Взыграло у охотника охотничье сердце.

«Как, — думает, — такую добычу упустить! Сперва соболя промыслю, а потом уж того страшного зверя искать стану».

Выследил охотник соболя, убил. Шкурку снял, дальше ищет. Всю страну вечных людей исходил, ни одного следа больше не увидел.

Вернулся к человечкам, говорит:

— Не нашёл вашего большого зверя. Только соболя убил, — и показал шкурку соболя.

— Он это! Он и есть! — закричали человечки. — У-у, какая шкура большая, лапы толстые, когти острые!

А самый старый человечек с белыми волосами сказал нашему тофалару:

— Доброе дело ты сделал! И мы тебе и твоим людям добром отплатим. Жди нас в гости, привезём мы вам живой воды. Умоетесь, тоже вечными станете.

Наш тофалар опять болото перепрыгнул, в свою долину отправился. Пришёл, рассказал сородичам, что с ним было.

Стали ждать гостей, вечных человечков.

Те день не едут, два не едут, три не едут. Много дней не едут. Перестали тофалары ждать гостей, забыли про их обещание.

Зима надвинулась. Замерзло всё кругом. Должно быть, и то большое болото замерзло.

Как-то отправились женщины в лес за хворостом. Вдруг видят — скачут зайцы, много зайцев. Пригляделись женщины — зайцы-то оседланы! И на каждом маленький человечек сидит, в руках кувшинчик держит. Стало женщинам смешно, принялись они смеяться.

— Смотрите, смотрите! — кричат друг другу.

— На зайцах ездят!

— А сами-то, сами!

— До чего потешные!

— Ой, от смеха умру!

Вечные люди обиделись. Крикнул им что-то передний с белыми волосами. Все разом выплеснули воду из кувшинчиков на землю и повернули зайцев. Поскакали зайцы назад, только хвостики мелькают.

Так и не получили тофалары живой воды. Досталась она сосне, кедру да ели. Вот они и стоят круглый год зелёные. Никогда их хвоя не умирает.

КАК ВЫЛКА НА МОРЕ ЕЗДИЛ

Ненецкая сказка

С тоит стойбище Вылки на самой середине хребта. Оленей у него много, чум хороший. Хозяйкой в чуме старшая сестра. Она ему вместо матери, с малых лет растила. Если что посоветует — ладно выходит. Только Вылка не всегда её слушал.

Однажды вечером сидел Вылка у очага. Стало ему скучно, вот он и говорит:

— Надоело мне на одном месте сидеть. Реки текут с хребта в море. Поеду и я на море, промышлять морского зверя.

— Зачем тебе ехать на море? — отвечает сестра. — Зачем промышлять морского зверя? Оленьё стадо у нас большое, мяса, жиру много.

— Жиру много, — говорит Вылка, — да мне не жир нужен, мне упряжь нужна. Моржовая упряжь, что ещё от деда осталась, вся износилась. Пора новую делать.

Сестра его уговаривает:

— Разве непременно надо моржовую упряжь? Убей трёх оленей, нарежь ремней. Сошьёшь их втрое, будет упряжь крепче моржовой. Наденем её на оленей, поедem в соседнее стойбище, привезём тебе красивую жену.

• Замолчали Вылка с сестрой. Спать легли.

До света ещё проснулся Вылка. Сестру не разбудил, без огня встал. Оделся и вышел из чума. Всех оленей согнал в кучу. Пять раз тынзей-аркан бросил, пять самых лучших быков поймал. Запряг их в нарту, передним молодого белого поставил. Потом в чум вошёл. Поел там или не поел — про это не знаем, а варёного мяса много на нарту положил.

Сестра проснулась, говорит Вылке:

— Ох, Вылка, неладное ты задумал. Ты морского промысла не знаешь, пропадёшь в море. Сам ты большой, как летний день, а мысли у тебя короткие, как зимний день. Не надо ехать!

Вылка отвечает:

— Нет, надо!

И поехал.

С правой стороны упряжки речка течёт, прямо в море бежит. Вылка вдоль речки оленей гонит.

У каменной осыпи речка медленней потекла. Вылка упряжку остановил. Достал из-за пазухи оловянную табакерку, на ладонь табак насыпает. Тут задний олень чихнул.

Вылка думает:

«К чему олень чихнул? Неужели в море пропаду, назад не вернусь?»

Однако поехал дальше. Долго ехал вдоль речки. Речка всё прямо бежала, у большой скалы круто повернула. Вылка остановился, опять табак нюхает. Передний белый олень обернулся и чихнул.

Вылка думает:

«И другой олень чихнул. Наверно, пропаду!»

А назад поворачивать не стал, дальше поехал. Много времени прошло, солнце уже над Большим Уралом поднялось.

Речка до моря почти добежала, широко разлилась. Тут Вылка снова остановился. Только вынул табакерку, высыпался из неё табак, полетел по ветру. Все пять оленьих рога на спину положили, громко чихнули.

Вылка думает:

«Теперь все пятеро чихнули. Ну, значит, пропадать мне!»

Подумал так и погнал упряжку к морю.

У моря остановились олени, все вперёд посмотрели. Куда олени смотрят, туда и Вылка смотрит. Видит — вдоль берега горьководного моря идёт по льду белый медведь.

— Чего искал, то и нашёл, — говорит Вылка. — Вот и промысел!

Прямо с места пятерых быков на береговой лёд направил. Медведь стоит, ждёт, будто манит Вылку. Вот уже упряжка совсем близко. Тут медведь повернулся и кинулся бежать прочь от берега.

«Догоню его, — думает Вылка, — олени у меня быстрые!»

Медведь бежит во весь мах, комья мёрзлого снега из-под задних лап через голову летят. Олени за ним так бегут, что копытами льда не задевают.

Вот разошлись льды, зачернела трещина в шаг шириной. Остерегись, Вылка, весна на море пришла, льды ломает. А Вылка только на медведя смотрит, на трещину не смотрит.

Перескочил трещину медведь, и олени нарту через неё перенесли.

Бегут дальше. Опять перед ними трещина — в два шага шириной. И её перескочили. В третий раз разошлись льды — в три шага шириной трещина. Медведь присел,

оттолкнулся лапами, перепрыгнул. Олени разогнались, как птицы перелетели.

Тут Вылка в медведя выстрелил. Медведь заревел, встал на дыбы и ударил лапой последнего в упряжке оленя. Олень упал мёртвый, и медведь упал мёртвый.

Стал Вылка свежевать медведя. Мясо бросил, пушистую шкуру на нарту положил, с собой взял. Потом повернул упряжку, назад поехал. Тихонько едет, песню про Вылку — меткого охотника поёт.

Доехал до того места, где трещина была, смотрит — одна вода плещется, морские валы гребнями загибаются. Берегового льда и глазом не видать — унесло Вылку на льдине в море.

— Сколько теперь ни кричи, сколько ни плачь, — сказал сам себе Вылка, — берег ко мне не подойдёт!

Стал Вылка на льдине жить. Три года волны льдину по морю носили. За три года Вылка трёх оленей съел, один белый бык у него остался.

Четвёртый год пошёл, надо последнего оленя забивать. Вылка думает:

«Всё равно мне пропадать, пусть хоть олень жив будет!»

Подвёл он оленя к краю льдины, столкнул его в воду и говорит:

— Плыви вперёд, может, до берега доберёшься.

Олень проплыл немного и оглянулся. Слезы из глаз у него потекли. На сто шагов отплыл, обратно повернул. Выскочил на лёд, к хозяину подошёл, в лицо лизнул.

Вылка догадался:

«Это он мне говорит: «Если умирать, лучше умирать вместе». А по мне лучше, чтоб хоть один жив остался».

И опять столкнул оленя в воду. Теперь олень на двести шагов отплыл, а всё-таки назад вернулся.

Два раза он Вылку в лицо лизнул, два раза рога себе на спину закидывал. Вылка опять догадался:

«Это он говорит: «Садись, хозяин, ко мне на спину, поплывём вместе». Только не доплыть нам вдвоём!»

Погладил он белого оленя и снова в воду столкнулся. Сам на льду остался.

На триста шагов отплыл олень, в последний раз на хозяина оглянулся. Махнул ему Вылка рукой, олень рогами качнул, дальше плывёт.

Смотрит Вылка — скрылся белый олень из глаз, за спиною волн и рогов уже не видно.

Много ли Вылка ещё на льдине прожил или мало — кто скажет? От голода весь высох. Одежда на нём изорвалась, пимы стоптались. Когда солнце выглянет — отогреется, когда мороз ударит, не знает — живой он или мёртвый. Обессилел вовсе, лежит, глаза закрыл.

Льдину ветры обломали, волны обкололи, совсем она маленькая стала. Вот-вот растает.

Как-то на рассвете что-то о льдину шаркнуло. Открыл Вылка глаза, видит — рядом качается лесина. Большое это, верно, было дерево, большой ветер с корнями его вывернул.

Вылка перебрался на лесину, забился меж корней. Всё понимать перестал, видит только, как солнце всходит, да вал бьёт, да пена плещет.

А лесину всё вперёд гонит и гонит. И приплыла она к береговому припаю, о край льда стукнулась. Гул кругом пошёл — Вылке послышалось:

— Живой ты, Вылка, или мёртвый? Земля идёт, подымайся!

Привстал Вылка, смотрит — вдали что-то чернеет. Земля или облако — не разглядеть.

Перебрался он кое-как с лесины на лёд, отдышался и двинулся к тому месту, что впереди чернеет. Если может, на ногах идёт, если не может, ползком ползёт, если из сил выбьется, на месте полежит. Наконец добрался до берега.

«Всё-таки кости мои, — думает, — попали на землю.

Хоть помру не в воде!»

Огляделся — стоит перед ним большое дерево, под деревом — глубокая яма. Забрался Вылка в яму и заснул.

Проснулся он от стука. Дерево над ним трясётся, кто-то корни подрубают.

«Ещё свалится дерево, задавит меня», — подумал Вылка.

Вылезть из ямы силы нет, он и закричал: — Кто там балует? Вот я вам покажу!

А дерево рубили две сёстры-великанши, дочери Оленного хозяина.

Услыхала старшая, как Вылка кричит, и говорит сестре:

— Вроде мышь пискнула. Посмотри под корнями, сестрица.

Младшая заглянула в яму, увидела Вылку, испугалась.

— Пойдём отсюда, — говорит старшей сестре, — там кто-то сидит, ни зверь, ни человек.

— А помнишь, что нам отец наказывал: «Что ни увидите на морском берегу, смотрите хорошенько». Давай посмотрим хорошенько.

И заглянули обе в яму. Младшая говорит:

— Пожалуй, это человек. Не знаю, живой или мёртвый. На что он нам?

Старшая отвечает:

— Отец наказывал: «Что на морском берегу найдёте, там не оставляйте». Может, пригодится.

Сунула она руку в яму, вытащила Вылку. Пощупала — тёплый. Значит, живой. Посадила она его в рукавицу и говорит сестре:

— Надо его скорее в чум везти.

Дерева не дорубили, сели на пустые нарты, без дров в свой чум поехали.

Приехали, стали Вылку у огня греть. Оттаял Вылка, начал потихоньку руками и ногами шевелить.

Тут заскрипел снег под полозьями — это Олений хозяин приехал. Выскочили из чума сёстры-великанши отца встречать.

— Что, дочки, — спрашивает Олений хозяин, — привезли дров?

— Дров не привезли, а привезли маленького человечка, — отвечают сёстры.

Сами тем временем отцовых оленей распрягают. Ездовые олени у Оленного хозяина — как две большие горы.

Вошёл хозяин в чум, посмотрел, кто перед очагом лежит, сказал:

— Да ведь это Вылка! Он на середине хребта своих оленей пасёт. Что, Вылка, плохо тебе пришлось?

— Плохо, — отвечает Вылка, — уже и не думал, что до земли кости донесу.

— И не донёс бы, — говорит Олений хозяин. — В море идти, море знать надо. Счастье твоё, что вовремя прибежал ко мне твой белый олень. Рассказал он мне, как вы вместе на льдине плавали, как ты его от смерти спас, себя не пожалел. За это спустил я на воду лесину, чтобы она тебя к берегу принесла. Поживи у меня, пока сил наберёшься.

Стал Вылка жить у Оленного хозяина, сил набираться. Сёстры-великанши сытно его кормят, тепло укрывают. Сперва Вылка всё у очага сидел, потом на коленках ползать начал, потом на ноги встал.

Встал на ноги и говорит Оленному хозяину:

— Дай мне двух оленей. Поеду в свой чум, что стоит на середине хребта.

— погоди, Вылка, — отвечает Олений хозяин. — В тундре гололедица ударила, много у ненцев оленей пало. Надо мне в тундру ехать, землю оттаивать, в каждое стадо оленят прибавить. А ты пока паси моих старых важенок и быков.

Запрягли сёстры в отцовскую нарту двух больших, как гора, оленей.

Оленный хозяин сел на нарту и свистнул. Из-за всех холмов и пригорков, как носы лодок из-за гребней волн, показались оленье морды. Оленный хозяин погнал свою упряжку, маленькие оленьята вслед побежали.

Вылка смотрит — бегут оленьята, конца стаду не видно, весь день бегут. Только к вечеру последний, самый маленький, оленёнок мимо Вылки проскакал.

А старые олени все на месте остались. Принялся их Вылка пасты. Так их пас: запряжёт трёх быков в нарту, проедет немного, снег лопаточкой раскопает. Если место ягельное, туда всё стадо перегонит. Сыты олени у Вылки.

Много ли, мало ли времени прошло — вернулся Оленный хозяин. Три дня объезжал стадо. Потом сказал Вылке:

— Хорошо ты пас моих оленей. Теперь можешь домой ехать.

Тут сёстры-великанши стали Вылку в дорогу собирать. Положили на нарту мороженой оленины, тёплых одеял, одежду ему новую сшили. В упряжку поставили четырёх старых важенок.

На прощанье Оленный хозяин сказал Вылке:

— Эти важеньки сами тебя до твоего чума довезут. Только ты, пока до места не доедешь, в сторону не сворачивай, в чужие чумы не заходи, с чужими людьми не разговаривай. Не то беда будет!

Свистнул Оленный хозяин. Старые важеньки вперёд побежали, нарту потащили.

Едет Вылка, в свой чум торопится. На важенок посмотрит — они еле ногами переступают, на лес посмотрит — быстро деревья мимо бегут, позади остаются.

Долго ехал, не день и не два. Вот и лес кончился, тундра пошла. Один только снег кругом. Потом вдали стойбище показалось. Много чумов на снегу чернеет.

«Дай, — думает Вылка, — заеду в стойбище, с людьми поговорю. Новости, какие есть, узнаю».

Про наказ Оленного хозяина и не вспомнил. Начал свою упряжку поворачивать. Важенки рогами мотают, не идут к чужому стойбищу.

— Не хотите идти, — сказал Вылка, — тут меня пождите!

Слез он с нарты, побежал к чумам. Навстречу ему жители стойбища выскочили. Поглядел Вылка: люди не люди, а всё-таки люди. У каждого по одному глазу, по одной руке, по одной ноге. Окружили его одноглазые, однорукие, одноногие, повели в самый большой чум. Усадили Вылку у огня на шкуры, угощать начали.

Вылка не столько ест, сколько на хозяев смотрит, удивляется. И хозяева на Вылку смотрят, тоже удивляются.

Самый старший в стойбище говорит:

— Зачем человеку два глаза, две руки, две ноги? Из этого нашего гостя два хороших человека получится. Давайте его пополам разрубим.

У Вылки кусок поперёк горла стал. Тут только он вспомнил, как Оленный хозяин не велел ему в чужие чумы заходить. Беда будет, говорил Оленный хозяин, вот она беда и есть.

Однако Вылка думает:

«На море не пропал, может, и здесь не пропаду!»

Сам одноруким говорит:

— Это хорошо, что два человека из одного меня получится. Вдвоём и жить веселее. Обе половинки роднее братьев родных будут. Вот поем, выйдем из чума, там меня и рубите.

Поел Вылка, потом вышли все из чума. Хозяева выбрали место, где снег поплотнее убит, посадили тут Вылку, сами стали топоры точить. Наточили, смотрят, а Вылки нет.

— Где ты, Вылка? — кричат.

Вылка отвечает:

— Здесь я.

Глядят опять одноглазые, Вылку не видят. А это Вылка обошёл хозяев с той стороны, где у них глаза нет.

Тут старший в стойбище догадался, быстро повернулся, Вылку увидел. Подскочил к нему, хотел схватить; а Вылка забежал с той стороны, где у старшего в стойбище руки нет. Пока старший поворачивался, Вылка совсем из стойбища убежал. Одноногие гонятся за ним, скачут на одной ноге. У Вылки две ноги — он быстрее бежит. Добежал до своей нарты, вскочил на неё. Важенки сами с места сорвались. Только пурга за ними завилась.

Опять едет Вылка по тундре. Чтобы не было скучно, песни поёт.

Не день и не два едет Вылка. Все песни перепел, а тундре конца нет. Вдруг показалось в стороне стойбище, много чумов на снегу чернеет.

Захотелось Вылке с людьми поговорить. Про наказ Оленного хозяина он опять позабыл. Стал важенок к стойбищу поворачивать, важенки рогами мотают, не идут. Вылка слез с нарты, к стойбищу побежал.

Издали ещё видит — люди в снегу роются. Из-под снега что-то выкапывают, в рот кладут. Заметили Вылку, окружили его, повели в самый большой чум. Чум не шкурами крыт, а мохом. И в чуме шкур нет, только кучи мха лежат. Удивился Вылка, однако ничего не сказал.

Усадили Вылку, стали его угощать. Красивая долговолосая девушка принесла четыре больших чашки. В одной чашке свежий мох, в другой — сушёный, в третьей — мочёный, в четвёртой — варёный.

Что Вылке делать? И есть нельзя, и не есть нельзя. Попробовал он, закашлялся и отодвинул чашку.

Старший в стойбище спрашивает:

— Ты почему не ешь?

Вылка отвечает:

— Разве я олень, чтобы мох есть.

Тут старший вскочил и закричал:

— Он, верно, из оленных людей! Их олени нашу еду вытаптывают. Давайте убьём его!

Набросились на Вылку, связали его по рукам и ногам и выволокли из чума на снег.

Лежит Вылка связанный на снегу, Оленного хозяина и его слова вспоминает.

«Не сворачивал бы к чужому стойбищу, не было бы беды! А пришла беда, надо её обмануть!»

Подумал так и сказал хозяевам стойбища:

— Я вашего угощения не ел, я не олень. И вы не олени, вы тоже его не ели. Не поверю я, что бывают мох едящие люди. Вот съешьте всё, что для меня наготовили, покажите мне пустые миски, тогда и убивайте.

Жители стойбища побежали в чум мох есть. А Вылке только того и надо. Принялся он по снегу кататься, зубами путы перегрызать. Крепкие зубы у Вылки, путы ещё крепче.

Вдруг из-за чума вышла девушка. В руках у неё большой нож.

«Ну, — думает Вылка, — тут мне и конец!»

А девушка не со злом пришла: путы у него на руках и ногах перерезала.

Вскочил Вылка, поглядел на девушку. Красивая она, долговолосая, та самая, что его угощала. Говорит ему девушка:

— Беги скорее, а то наши тебя убьют!

Вылка отвечает:

— Куда я от такой красивой, доброй девушки побегу?

— Ну, не хочешь один бежать, бежим вместе. И мне здесь оставаться нельзя, убьют меня за то, что я тебе путы перерезала.

Взял её Вылка за руку, побежали они.

Тут из чума мох едящие люди с пустыми чашками в руках выскочили. Закричали, побежали вдогонку. Еле успели Вылка и девушка на нарту сесть.

Сразу рванулись важеньки, быстро нарту по снегу понесли.

Не день и не два ехал ещё Вылка. Теперь он по сторонам не глядел. Глядел только на красивую долговолосую девушку.

Вон вдалеке Уральский хребет показался. Там чум Вылки стоит, олени его ходят.

Ещё быстрее понеслись важеньки, скоро у чума оста-

новились. Только Вылка слез с нарты, подбежал к нему старый белый олень. Вылку в лицо лизнул.

Тут и сестра Вылки из чума вышла. Вылку спрашивает:

— Это кто с тобой?

Вылка отвечает:

— Это я себе жену привёз. Теперь втроём жить будем.

— Что жену привез — хорошо, давно бы так, — сказала сестра.

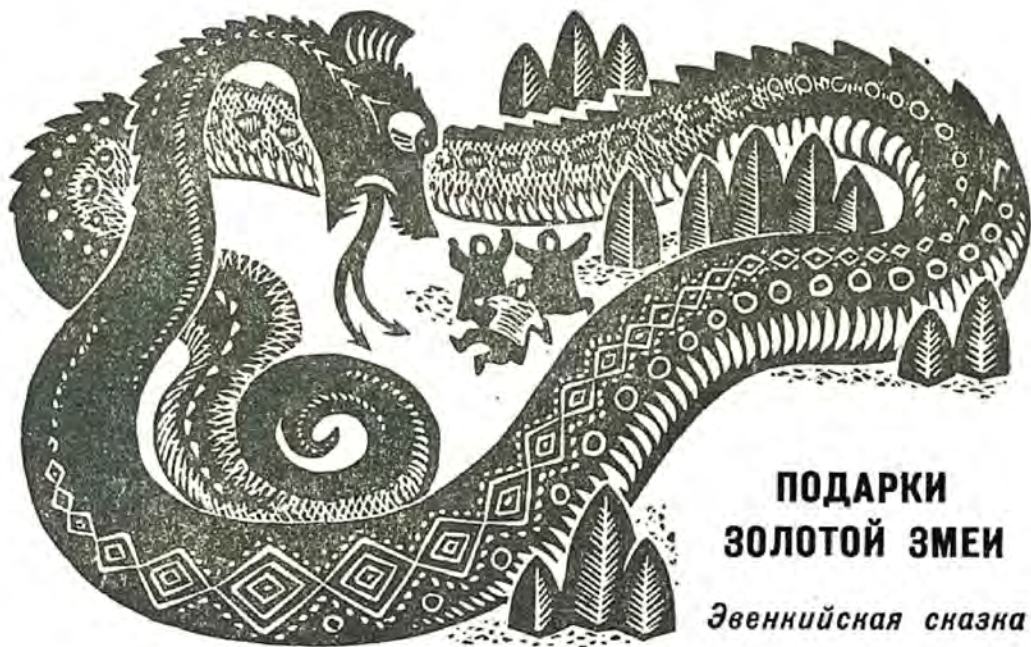
Потом засмеялась и спрашивает:

— А упряжь моржовую с моря привёз? Старая, и правда, совсем износилась.

Вылка отвечает:

— Нет, не привёз. Убьём трёх оленей, нарежем ремней, сошьём их втрое, крепче моржовой упряжь будет.

ПОДАРКИ ЗОЛОТОЙ ЗМЕИ

Эвенкийская сказка

Молодой был Баркоуль. Сильный, ловкий. Да вот беда — не досталось ему от отца ни одного оленя. Отец бедняком жизнь прожил и сына бедняком оставил. Баркоуль об этом не горевал. Быстрые ноги, ловкие руки, верный глаз не дадут пропасть с голоду.

Только однажды повстречал он в лесу длинноносую румяную девушку. Баркоуль в тот день силки на глухарей ставил, девушка ягоду голубику собирала. Угостила она его крупной голубикой, он ей глухаря жирного подарил.

Скоро ли, не скоро ли, а пошёл Баркоуль к отцу девушки свататься. Тот и слушать ничего не хочет.

— Мы оленные люди. Своих дочерей за безоленных не отдаём. Будет у тебя хоть десять оленей, тогда приходи.

Заплакала девушка, да делать нечего — надо отца слушаться. Баркоуль ей говорит:

— Жди меня три зимы, три лета. Добуду я оленей.

Пошёл Баркоуль к богачу Дяликсе в пастухи. Так с ним сговорился: три года пасти стадо будет, и за это даст ему хозяин десять оленей.

Большое стадо у Дяликсы. Баркоуль от оленей не отходит. Днём и ночью на ягельных местах пасёт. Когда поест, когда голодным спать ляжет.

Так прошло три года. Говорит Баркоуль хозяину:

— Срок кончился. Стадо твоё вдвое выросло.

Дяликса отвечает:

— Вдвое-то вдвое. А сколько оленей пропало? Если ты не считал, я считал.

— Отчего ж, — говорит Баркоуль, — я считал. В первом году два оленя пали да одну важенку волк зарезал. Во втором году шести старым оленям конец пришёл. А в этом году один только маленький телёнок от стада отбился.

— Всего, значит, десять оленей, — сказал Дяликса. — Как раз столько, сколько тебе за работу следует. Сберег бы, я бы тебе их отдал. Моё слово крепкое. А так придётся тебе ещё три года стадо пасти.

Спорь не спорь — делу не поможешь. Знал Баркоуль: когда себе — слово у Дяликсы мягче пуха, когда другому — твёрже промёрзшей земли.

Ничего не сказал, пошёл к стаду. Обидно ему. Девушка то ли будет ждать, то ли не будет. Заплакал Баркоуль. Где упали его слёзы, выросли горькие осинки.

Вдруг затряслись осинки, да так, что листочки с них посыпались. Что-то тяжёлое мимо проползло. Поднял голову Баркоуль — никого нет, лишь извилистый широкий след подле него тянется.

— Брошу стадо, уйду от Дяликсы! — сказал себе Баркоуль.

Только сказал, на верховых оленях приехали два сына Дяликсы. Оленей пастись пустили, сами по обе стороны Баркоуля уселись. Понял Баркоуль: никуда ему не уйти, он будет оленей сторожить, а сыновья Дяликсы станут его самого сторожить.

До темноты молча просидели. Потом укладываться принялись. Сыновья Дяликсы в оленьи одеяла завернулись, Баркоуль в своей вытертой парке на земле растянулся.

Рано утром проснулись — блеск им глаза слепит. Смотрят: обвила то место, где они спали, огромная змея. Свилась кольцом, голову на кончик хвоста положила. Горит-сияет на ней золотая чешуя, как угли в очаге. Испугались все трое. Как теперь выбраться? Проглотит змея.

А та приподняла голову, хвост чуть отвела, как раз одному человеку пройти, не больше и не меньше.

— Иди вперёд! — толкают братья Баркоуля.

Пошёл Баркоуль. Змея хвост и голову сдвинула, не пускает его.

Опять сидят. Опять змея дорогу одному человеку открыла. Пошёл старший сын Дяликсы. Пропустила его змея.

— Видно, тебя одного змея съесть хочет! — сказал Баркоулю младший сын богача и бросился вперёд.

И его пропустила змея. Снова кольцо сомкнула.

«Видно, и вправду меня одного, — подумал Баркоуль, — такой уж я несчастный уродился!»

Братья убежали без оглядки. Баркоуль сидит, ждёт, что дальше будет.

А змея на Баркоуля смотрит, хвостом себя по спине хлещет. Догадался Баркоуль.

— Это она хочет, чтобы я ей на спину сел. Сяду, хуже не будет! Всё равно умирать.

Сел. И тут поползла змея. Едет Баркоуль на змее верхом, куда — сам не знает.

Мелькают мимо деревья, кусты, камни, так быстро ползёт змея. Где речка, она стрелой перемахнёт, в гору, как птица, взлетает, с горы, как ручей, струится.

Доползла змея до леса. Удивился Баркоуль.

— Видно, большая буря здесь бушевала! Сколько деревьев в щепы поломано, сколько с корнями вырвано — не сосчитать!

Одно дерево высокое, ветвистое, будто поцелей других. Около того дерева выгнула змея спину до верхних веток, посадила Баркоуля. Сама в сторону отползла.

Только успела она так сделать, зашипел кто-то под самыми корнями дерева. Зашипел, свистнул, загремел, словно гром. Выскочил из норы в земле чёрный змей, чёрный, как беззвёздная ночь. Кругом темно стало.

Зашипела и золотая змея. Встали оба на хвосты, начали драться.

Сидит Баркоуль на дереве, дрожит от страха, однако так замечает: когда чёрный змей верх берёт — затмевается солнце, когда светлая змея — ясный день опять наступает.

Бьются змеи. Деревья от могучих ударов с криком ломаются, земля глыбами выворачивается, камни в песок рассыпаются.

Только кругом всё темней и темней становится. Это чёрный змей побеждает, светлый теряет силы.

«Что же это я сижу? — думает Баркоуль. — Надо помочь своей змее!»

Куда и страх девался! Спрыгнул с дерева, выхватил нож, изловчился и всадил нож по самую рукоятку в чёрного змея. Взвился змей выше деревьев, зашипел в последний раз и сдох.

Такой день радостный засиял! Мёртвый лес будто ожил. А золотая змея подняла усталую голову, покивала Баркоулю, словно сказать хотела: «Молодец! Хорошо, что помог!»

Баркоуль и сам рад. Понял: не зла, а добра желала светлая змея. И он ей добра желает. Без боязни к ней подошёл. Она ему спину подставила.

Снова деревья, камни, кусты замелькали. Привезла змея Баркоуля к знакомому месту — к стойбищу, где жила длиннокосая румяная девушка. Ссадила змея Баркоуля на землю и уползла прочь. На прощанье ударила о землю хвостом и уронила три золотых чешуйки.

Лежат чешуйки среди травы, горят, как уголь в очаге. Баркоуль поднял одну чешуйку, вспыхнула она ярким пламенем и сгорела. И вот на Баркоуле уже не старая вытертая парка, а расшитая бисером кембенги — празд-

ничная одежда, унты, украшенные красным и синим сукном, новые тёплые рукавицы.

Обрадовался Баркоуль, взял вторую чешуйку. Блеснула она и померкла, словно падающая звезда на осеннем небе. А перед Баркоулем вырос чум. Хороший чум, большой, пушистыми оленьими шкурами крытый.

— Чум есть, одежда есть! — сказал себе Баркоуль. — Спасибо тебе, змея, хороши твои подарки. Только как я без оленей проживу?

Не успел так сказать, так подумать, подпрыгнула последняя чешуйка, засверкала на солнце, запорхала, как бабочка, по травинкам. Где коснётся земли, там олень поднимается, на ноги становится. Баркоуль пересчитал оленей — было их трижды десять!

Тут в стойбище услышали оленьё хорканье, топот копыт. Выглянули из чумов люди — посмотреть, кто это к ним прикочевал. А длиннокосая румяная девушка прямо к Баркоулю побежала.

Женился на ней Баркоуль. Долго они прожили, может, и сейчас живут.

ЧЕЙ ДОМ ЛУЧШЕ?

Чулотская сказка

Пришла однажды евражка к ручью воды попить. Смотрит, а на другом берегу, прямо против неё, стоит бурый медведь и тоже воду пьёт.

— Здравствуй, медведь, — говорит евражка. — Как живёшь?

— Здравствуй, евражка, — отвечает медведь. — Не плохо живу, но и не хорошо.

— Чего ж так?

— Да берлога у меня тесновата. Спать в ней тепло, а как повернусь, об стены бока обдираю.

— А у меня другая беда, — говорит евражка. — Всем была хороша моя нора, да вот прошёл сильный дождь, размыл землю, великовато стало жилище.

— Эх, — сказал медведь, — нашла на что жаловаться! Будь у меня берлога попросторней, я бы только радовался.

— Так давай поменяемся! — говорит евражка. — Я тебе отдам свою большую нору, а ты мне тесную берлогу.

— Давай! — обрадовался медведь. — Ты где живёшь?

— Вон там, на холме, — ответила евражка и показала на кочку на своём берегу. — А ты где живёшь?

— Тоже на холме, — сказал медведь и кивнул на сопку на своём берегу.

Медведь перебрёл через ручей на этот берег, а евражка по камушкам перебралась на тот берег. И пошли они в разные стороны, каждый в своё новое жильё.

Пришла евражка в медвежью берлогу. Огляделась. Пробежала в один конец, пробежала в другой конец, задрала голову — вверх посмотрела. Села на задние лапки и заплакала:

— Что я буду делать в такой огромной пещере? Лисица прибежит — съест меня, ворон залетит — заключёт меня! Некуда спрятаться и от ветра негде укрыться!

Плакала, плакала евражка, вдруг слышит — кто-то топает. Это медведь явился.

Евражка быстро вытерла слёзы и говорит:

— Ты зачем пришёл?

— Да вот, — отвечает медведь, — не могу я втиснуться в твою норку. И лапами вперёд пробовал, и хвостом вперёд, и боком — всё никак не влезть!

— Носом вперёд надо лезть, — говорит евражка.

— И нос совал — не лезет.

— Ну, уж этого быть не может! — обиделась евражка. — Я-то вся помещаюсь в норе, и ещё много места остаётся. Дай-ка я с твоим носом померяюсь.

Улеглась евражка на носу медведя. Потом сказала:

— Подумать только, какая я, оказывается, маленькая! Никогда этого раньше не замечала.

Медведь сказал:

— Подумать только, какой я, оказывается, большой!
Никогда этого раньше не замечал. Что же теперь делать?

— Давай опять меняться, — предложила евражка.

— Давай! — обрадовался медведь.

Он остался в своей берлоге на сопке. А евражка побежала в свою норку под кочкой.

И оба были очень довольны. Никогда больше на своё жильё не жаловались.

ХОЗЯЙКА ОГНЯ

Селькупская сказка

Говорят, давным-давно это случилось. Случилось в том стойбище, где семь родов жили, где семь чумов стояло.

Однажды собрались все мужчины на охоту. Отправились. Остались одни женщины да дети в стойбище.

Три дня жили, всё хорошо было. На третий день к вечеру вот что вышло. В одном чуме женщина себе еду варила. Подбросила в очаг побольше дров, котёл с оленьим мясом подвесила над огнём. Сама села со своим маленьким ребёнком к очагу поближе. Ребёнок смеётся на её коленях, женщина ему улыбается.

Вдруг треснуло полено, полетели искры из очага, одна попала ребёнку на руку. Заплакал ребёнок. Женщина огонь попрекает:

— Ты что же это делаешь?! Я тебя дровами кормлю, за тобой ухаживаю, а ты моего ребёнка обижаешь!

Испугался ребёнок материнского крика, ещё больше заплакал. Носит его женщина по чуму, на руках качает, а он не унимается. От жалости, от досады шлёпнула женщина малыша. Ребёнок совсем зашёлся. Себя бы женщине винить, а она всё на огонь сердится.

— Видишь, что ты наделал! — кричит. — Не будет тебе дров, изрублю тебя, водой залью!

Положила она ребёнка в люльку, схватила топор. Топором огонь рубит. Потом набрала в ковшик воды, на очаг плеснула. Зашипел огонь, погас.

Женщина говорит:

— Вот теперь будешь знать, как обижать моего сына! Ни одного огонька, ни одной искорки от тебя не осталось!

Не горит огонь. Темно, холодно в чуме. Ребёнок жалобно заплакал. Озяб он.

Опомнилась женщина. Нагнулась над очагом, золу разгребает. Так ведь сама сказала, что ни одной искорки не оставит. И не оставила.

А сын всё плачет. Мать подумала:

«Сбегаю в соседский чум, возьму огня, разожгу очаг».

Побежала. Только к соседям вошла, у них в очаге пламя заколебалось, садиться стало. Потом последний синий огонёк струйку дыма пустил и погас.

Женщина к другим соседям побежала. Чуть дверь отворила — и у них не стало огня. Она к ним даже не вошла, сразу дверь прикрыла. Обошла всё стойбище, и всюду огонь погас. Ещё только в одном последнем чуме горит.

Там старушка жила, век доживала. Много знала, много видела. Постояла женщина перед чумом, боится войти. Да что делать?! Маленький сын её совсем замёрзнуть может. Вошла.

Пыхнул огонь, задымил и потух. Женщина заплака-

ла. А старуха золу разгребаёт, ищет, нет ли в пепле уголька-искорки. Нету ни уголька, ни искорки. Холоден, тёмн очаг.

— Такого никогда ещё не бывало, — сказала старуха. — Я свой огонь берегу, кормлю его досыта. Спать ложусь, угольки золой укрываю. Почему огонь погас? Уж не натворила ли ты чего, лягушка холодная? Уж не обидела ли ты огонь в своём очаге?

Женщина головой поникла, молчит.

— Так и есть, — сказала старуха. — Что же теперь делать? Ну, пойдём в твой чум, посмотрим.

Вышли из чума вдвоём. Идут стойбищем. Тихо всюду, темно. Будто покинули стойбище люди, будто вымерло оно.

В чуме женщины ребёнок искричался весь, уже и плакать не может. Старушка серное дерево взяла, принялась огонь добывать. Долго трудилась — не разжигается огонь.

Опустила старушка усталые руки, опять женщине говорит:

— Свят огонь в очаге, жизнь нам всем даёт. Светит, греет и кормит. Погас огонь — всё равно что солнце потухло. Помёрзнем, пропадём, злая смерть нас возьмёт.

Встала старушка на колени и тут Хозяйку огня увидела. Сидит она в уголке очага. Одежда у неё серая, как зола, а кожа отсвечивает, как уголёк, что пеплом подёрнулся.

Покачалась Хозяйка огня вперёд-назад, старушке сказала:

— Зачем стараешься! Не будет вам огня. Женщина меня сильно обидела. Лицо моё топором рубила, глаза мои водой залила, злые слова кричала!

Стала старушка просить:

— Не сердись, Хозяйка огня! Сжался над нами! Эта глупая женщина виновата, другие не виноваты.

Качает головой Хозяйка огня, волосы её, словно сизый дым, колеблются...

А старушка опять молит:

— Скажи, что сделать, чтобы снова в очагах огонь пылал. Всё исполним, что прикажешь.

Хозяйка огня ответила:

— Нет таких слов, нет такой силы ни у меня, ни у вас, чтобы огонь запылал, как прежде. Теперь его только от человеческого сердца зажечь можно.

Сидит молодая женщина, ребёнка к груди прижимает, плачет.

Старушка ей говорит:

— Видишь, что ты сделала? Все семь родов людских из-за тебя, неразумной, пропасть должны! Охотники храбрые, как рассерженные медведи, сильные, как лоси, погибнут. Трудолюбивые женщины зачахнут у холодных очагов. И дети малые умрут, и старики, и старухи. Потому, что нет жизни без огня.

Высохли слёзы у женщины. Поднялась она, отдала ребёнка старушке, сказала:

— Береги его!

И на камни очага бросилась. Хозяйка огня пальцем до груди её дотронулась. Разом взметну-

лось пламя. Загудел, забушевал огонь в очаге. Только и видно было, как Хозяйка огня обхватила женщину пламенными руками и вместе с искрами в дымовое отверстие унесла.

А старушка сказала:

— Из этого чума пойдёт сказка-предание о том, как из живого сердца огонь зажётся. Навеки запомнят селькупы, что в нашем стойбище случилось. Будут беречь огонь в очаге!

УМНАЯ СОВА

Мансийская сказка

Сидел однажды Верхний дух Топал-Ойка с женой у окна своего дома. Жена сказала:

- Ты кто такой, Топал-Ойка?
- Как кто такой? Верхний дух.
- А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живёшь?
- Чем же наш дом плох? — удивился Топал-Ойка. — Мне наш дом нравится.
- У людей точь-в-точь такие дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, все его хвалили.
- А из чего же я такой дом построю? — спросил Верхний дух Топал-Ойка.
- Хорошо бы из костей, — посоветовала жена.
- Да где же столько костей взять?

— Очень просто, — отвечает жена. — Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. Из костей новый дом построишь.

— Что ж, это можно, — говорит Топал-Ойка. — Так и сделаем.

Рыб собирать шуку послал. Зверей — юркою горностаю. Птиц созывать велел длинноногую куличку.

Немного прошло времени, приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы. Вышел Топал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

— Звери все тут, рыбы все. А птицы не все — совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

— Нет, не видел, — куличок отвечает.

— Ну, беги, найди её, — говорит Топал-Ойка. — Убивать, так всех сразу.

Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец нашёл. Она на высоком кедре сидела.

— Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали!

— Кто звал?

— Топал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

— А зачем?

— Всех убьёт. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Топал-Ойки не нравится.

— Ах, вот оно что! — говорит сова. — Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

— Нашёл сову? — спрашивает Топал-Ойка.

— Нашёл, — отвечает куличок.

— Где ж она?

— На кедре сидит. Говорит, потом приду.

Ждут, ждут сову — не летит. Топал-Ойка опять куличка посылает:

— Беги скорей. Что её так долго нет!

Побежал длинноногий куличок.

Сова всё ещё на кедре сидит.

— Что ж ты не идёшь? — кричит куличок. — Все тебя ждут.

— В таком деле торопиться незачем, — отвечает сова, — ещё немного подумаю. И за себя, и за вас мне ведь думать приходится, раз вы сами за себя не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Прибежал назад куличок, от усталости еле дышит. Отдышался, сказал:

— Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А её нет да нет. Рассердился Топал-Ойка на куличка.

— Беги за совой, да смотри, без неё не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова ещё лапами по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

— Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Топал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделала круг над куличком.

— Видишь, лечу. А ты уж в последний раз ног не жалея, беги вперёд да скажи, пусть жена Топал-Ойки окно в доме растворит.

Прибежал куличок.

— Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните — так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом — наружу.

— Ты где пропадала? — спрашивает Топал-Ойка.

Сова молчит.

— Что ты молчишь? — сердится Верхний дух.

— Я думаю, — отвечает сова.

— О чём же? — спрашивает Топал-Ойка.

— А вот думаю: чего на земле больше — сухих деревьев или зелёных?

— Глупо ты думаешь, — говорит Топал-Ойка. — Зелёных деревьев на земле больше.

— Хэ! — говорит сова, — так только кажется. А я считаю: если у дерева сердцевина высохла, оно всё равно скоро засохнет, хоть ещё и зелёное.

— Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь, — сказал Топал-Ойка. — Уж раз начало дерево сохнуть — высохнет, ничего не поделаешь!

— И ещё я думаю, — говорит сова. — Если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше: живых или мёртвых?

— Ясное дело — живых, — отвечает Топал-Ойка, — зачем и спрашивать?

— Вот и нет, — говорит сова. — Ты собрал нас тут, чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже всё равно что мёртвые. Скоро совсем живых не будет.

— Так и есть, — закричал Топал-Ойка. — Как же я раньше не догадался!

Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Топал-Ойка не вытерпел:

— Неужели ты думать не кончила?

— Не кончила, — отвечает сова. — Как по-твоему: кого на свете больше — мужчин или женщин?

— Тут и думать не надо, — засмеялся Топал-Ойка. — Мужчин больше. Что, неправда, скажешь?

Сова покачала головой:

— Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живёт, можно его назвать мужчиной?

— Не мужчина такой человек, — сказал Верхний дух.

— А ведь это ты о себе говоришь, Топал-Ойка, — сказала сова. — Не мужчина ты!

— Как это не мужчина?! — закричал Верхний дух.

— А вот так! Когда зверей, птиц, рыб создавал, никого не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Ей на прихоть хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьёшь, я нарочно так села — хвост назад, клюв вперёд. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Топал-Ойка, умом глупой женщины живёт, не своим!

Стыдно стало Топал-Ойке.

— Подожди, не улетай! — сказал он сове. — А вы, рыбы, птицы, звери, идите, откуда пришли. Не стану вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена как хочет.

Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели, звери убежали.

А сова сидит, жёлтыми глазами светит.

— Ну, что скажешь, сова? — спрашивает Топал-Ойка. — Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?

— Теперь, пожалуй, не буду, — сказала сова.

Верхний дух Топал-Ойка очень обрадовался.

КРАСАВИЦА ДЖИАДАНКАН- ФУДЖИ

Нанайская сказка

На берегу широкого Амура, на опушке густого леса стояла маленькая фанза. Жил в этой фанзе нанаец с женой и сыном подростком.

Пошёл однажды нанаец в лес по дрова. Ходил долго, а вернулся без дров. Дверь открыл, слова сказать не может. Узкие его глаза от страха круглыми сделались.

— Что с тобой? — спрашивает жена.

— Собирайтесь скорей! Бежать надо! — сказал наконец муж. — Страшный старик сюда идёт. Верно, бусеулюдоед!

Услышала это жена, тоже задрожала. Хватает, что под руку попадётся, в узел связывает. А муж единственного коня навьючивает. Собрали скарб, сели на крепкую спину коня все втроём. Вверх по течению Амура поехали.

Спешат, коня понукают. Уже фанза за плавным изгибом реки скрылась. Тут мальчик вдруг сказал:

— Поверните коня! Я в фанзе мои козульки бабки забыл.

Мать его уговаривает:

— Будут у тебя на новом месте новые бабки!

Отец сердится:

— Не маленький ты уже! Пора игрушки бросать.

Мальчик заплакал:

— Не поеду дальше без бабок!

Что поделаешь?! Слезли отец и мать с коня. Узлы себе на спину взвалили. Сыну сказали:

— Мы вперёд потихоньку пойдём. Ты на коне быстрее скачи, не задерживайся, до темноты нас догонишь.

Мальчик коня повернул, поскакал назад. Скоро к фанзе подъехал. Сразу не вошёл. Сперва проткнул пальцем бумагу, что окно затягивала, в фанзу через дырочку заглянул.

Видит — на кане, низкой тёплой лежанке, спит какой-то старик. Как раз над его головой связка бабок висит.

«Верно, это и есть бусеу-людоед, — подумал мальчик. — Что теперь делать?! Не оставлять же ему бабки».

Тот мальчик смыслёным был. Он прут длинный выломал, тихонько дверь приоткрыл и подцепил связку. А старик всё спит. Схватил мальчик свои бабки, на коня вскочил, хлестнул его. Конь ни с места. Мальчик ещё раз хлестнул — опять ни с места. Оглянулся мальчик — это старик длинную руку в окно вытянул, коня за хвост держит, не пускает. Значит, не спал, притворялся только!

Хотел мальчик с коня соскочить, убежать. А старик вторую руку в окно просунул, за голову его схватил, втащил в фанзу. Больше мальчик ничего не помнит. Сколько без памяти пробыл, не знает.

Очнулся не в своей родной фанзе — в чужом месте, в стариковом жильё. Старик рядом сидит. Козульки бабки

перебирает. На груди у старика висят амулеты — из бересты сделанные страшные бурханы-аджехи.

«Сейчас съест меня!» — подумал мальчик.

А старик смотрит на него не злыми глазами, бормочет себе под нос:

— Хорошего мальчика добыл! Жаль, мал ещё. Ну ничего, подрастёт!

Мальчик обрадовался:

«Значит, не сразу меня съест. Может, ещё убегу!»

Тут как раз старик и говорит:

— Я сейчас уйду. А ты, смотри, без меня никуда не уходи, заблудишься!

И ушёл.

Мальчик подождал, пока стариковы шаги затихнут, и сам к двери побежал. Приоткрыл дверь, назад отпрянул: злая лисья морда на него скалится, пушистый хвост злобно мотается, пыль метёт. Не пускает его лиса. Верно, старик эту лису к нему сторожем приставил. А во дворе его верный конь копытом бьёт, зовёт хозяина. Да как к нему подойдёшь? Так и просидел мальчик, пока старик не вернулся.

Пришёл старик, еду приготовил, мальчика накормил, сам поел. Мальчик подумал:

«Смотри-ка ты! Этот бусеу-людоед овощи ест, ягоды глотает. Может, и не любит он человеческого мяса!»

Успокоился немного. Дальше у старика живёт. За своим конём ходит. Может, год так прошёл, может, три. Мальчик уже мэргэном стал — добрым молодцем.

Вот однажды говорит ему старик:

— Мэргэн, а мэргэн, держу я тебя не затем, чтобы даром кормить. Должен ты для меня дело сделать. Делаешь дело — отпущу тебя, награжу богато.

Мэргэн отвечает:

— Дело я тебе сделаю. И ничего мне от тебя не нужно. Бабки мои отдай.

— Дело сделаешь — отдам, — старик говорит. — Теперь слушай. Три года тому назад приснилась мне во сне прекрасная девушка, по имени Джиаданкан-фуджи. Живёт она на острове, там, где Амур в море впадает. Хочу я на этой девушке жениться, а ты будь моим сватом. Завтра же в путь отправляйся.

Всю ночь старик плоские хлебцы-лепёшки пёк. Утром сложил их в мешок, мешок мэргэну дал.

— Вот еда на дорогу. А проводником тебе будет моя лиса. Да смотри, не вздумай бежать, мои аджехи — верные слуги. На краю земли тебя увидят, сожгут, в пепел тебя превратят!

Мэргэн на коня сел. Конь гривой тряхнул, всеми четырьмя копытами вперёд прыгнул — так застоялся. Лисица рядом бежит.

День проехали, к вечеру на ночлег стали. Мэргэн из мешка лепёшку вынул, переломил надвое. Половину себе взял, половину лисице отдал.

Много было лепёшек в мешке, а дней в дороге ещё больше. Вот последняя лепёшка осталась — и ту мэргэн с лисицей поделил. Лисица на него благодарными глазами посмотрела, словно человек, словно товарищ в пути.

Теперь без еды едут. Спать ложатся голодными, встают голодными. Только конь на привалах траву щиплет.

Три дня так едут. Мэргэн ослабел. Трубку за трубкой курит, а всё голода не перебить. У лисицы пушистая шерсть свалаялась в клочья. На четвёртый день услышал мэргэн позади себя голос:

— Приготовь дубинку, товарищ. Скоро соболиный дождь начнётся. Богатая будет добыча.

Удивился мэргэн, оглянулся. Кто это в безлюдном месте заговорил? Видит — одна лисица бежит.

— Уж не ты ли говоришь человеческим голосом? — спросил её.

— Кто ж ещё? Ясное дело — я! — отвечает лисица.

Перевернулась через голову, стала женщиной. Красивая, молодая, только исхудавшая очень.

— Хороший ты человек! — сказала женщина. — Я тебя стерегла, никуда не пускала, а ты со мной последней лепёшкой поделился.

— А ты кто такая? — мэргэн спрашивает.

— Была я берестяной лисицей — бурханом-амулетом. Однажды оборвался шнурок, упал бурхан, живой я лисицей сделалась. Убежать бы на волю, да не могу. Старик сам меня из берёсты смастерил, надо мной власть имеет. Я ему верной помощницей служить должна. И тебе хорошим товарищем буду. Ты меня только слушайся.

«Правду ли, неправду ли говорит, — думает мэргэн, — а, верно, добра мне желает».

Соскочил с коня, толстую дубинку ножом срезал, как женщина-лисица велела. Тут и пошёл соболиный дождь. Живые соболя с неба падали. Упадёт пушистый зверёк на четыре лапы, сразу в лес убегает. Но мэргэн успел набить целую кучу соболей.

Сделали они днёвку. Мэргэн с женщиной-лисицей соболей ободрали, мяса у костра навялили.

С полным мешком мяса, со связками дорогих шкурок у пояса дальше поехали. Мэргэн женщину-лисицу впереди себя посадил. Теперь ему веселее в пути, есть с кем словом перемолвиться. И еды вдоволь.

Только очень уж длинная дорога, всё соболиное мясо съели. Опять голодают оба.

Три дня голодными проехали, женщина говорит:

— Напрасно дубинку бросил! Придётся новую вырезать. Скоро беличий дождь пойдёт.

И правда пошёл. Падают белки на четыре лапки, чуть земли коснутся, сразу по стволам деревьев вверх взбегают. Однако успел мэргэн порядком набить.

Снова днёвку устроили. Шкурки сдирали, мясо вялили. Хорошо поели и запас большой сделали.

Наконец выехали из лесу на берег Амура. Амур всё шире становится, верно, устье скоро. Начал мэргэн о красавице Джиаданкан-фуджи думать, хочется ему увидеть её поскорей. Едет, коня подгоняет. Усмехнулась женщина-лисица, разгадала его мысли.

— Скоро, скоро увидишь! — сказала.

Ещё только одну ночь переночевали, один день проехали — открылось перед ними море. Вдали остров виднеется, в лучах заходящего солнца белая фанза с покатой золотой крышей блестит. Юноша спрашивает:

— Как же мы через море перейдём?

— Не тревожься, — спутница говорит. — Ложись спать, я обо всём подумаю.

Спал не спал мэргэн, а ночь прошла, утро настало.

Мэргэн глаз открыл, видит — женщина-лисица уже в Амуре умылась, к нему подходит, говорит:

— Теперь я красавицу Джиаданкан-фуджи сюда приведу. Ты меня послушайся: не за старика, за себя её сватай. Иначе не пойдёт она с нами.

Сказала так и обернулась соколом с золотыми перьями, с серебряными бубенчиками

на крыльях. Полетел сокол над морем к острову, на лету бубенчиками звенит.

Джиаданкан-фуджи как раз в это время голову мыла, длинные свои волосы гребнем расчёсывала. Открыла окно, чтобы воду выплеснуть, и увидела сокола. Захотелось ей поймать птицу с бубенчиками. Она из фанзы выбежала, стала за соколом гоняться. Сокол то ниже спускается, будто в руки даётся, то снова вверх взмывает. И всё бубенчиками звенит.

А тут отлив начался, море далеко ушло, открыло камни от самого острова до берега Амура.

Сокол над камнями летит, девушка за ним с камня на камень перепрыгивает, да так легко, будто и у неё крылья выросли. Добежала до берега, увидела юношу. А птица с бубенчиками в сторону отлетела, села на вершину кедра.

— Ты кто? — спросила у мэргэна красавица. — Зачем сюда пришёл?

Мэргэн с неё взора не сводит. Слепит глаза её кра-

сота, как полуденное солнце. Зажмуриться бы, да жаль тот миг потерять. Еле-еле слова из горла своего выдавил:

— Тебя сватать приехал!

— За кого сватать? — лукаво девушка спрашивает, а у самой румянец по щекам разлился. Стала она словно облачко на утренней заре.

— Старик колдун меня за тобой прислал. Он тебя во сне увидел. А мне тебя лучше бы ни во сне, ни наяву не видеть. Теперь я на всю жизнь покой потерял!

Нахмурилась на эти слова девушка, потемнела, как тучка, когда вечерняя заря отгорит. Повернулась и назад побежала.

Тут сокол к юноше подлетел, сел ему на плечо.

— Что ты, неразумный, наделал! Меня не послушался, счастье от себя своими руками оттолкнул.

Мэргэн совсем головой поник. Пожалела его птица.

— Ну, не горюй, — сказала, — ещё поправить можно дело. Присмотрела я зорким глазом — приглянулся ты ей. Беги на остров, пока отлив не кончился. Там дотолкуетесь до чего-нибудь.

Таких слов юноше два раза повторять не надо было. С камня на камень сами его ноги понесли. Подбежал к фанзе, а дверь заперта. Начал стучать, девушка не отзывается. Сел он на крылечко, заплакал.

Тут девушка окошко приоткрыла, сказала с насмешкой:

— Большого же на тебя страха старик колдун нагнал, что ты, мужчина, даже слёзы льёшь, его поручение не выполнив.

Вскочил мэргэн. Жар обиды глаза его сухими сделал.

— Я про старика и думать забыл! Пусть сколько хочет над своими бурханами шаманит! Не боюсь его. Пришёл сказать — без тебя жить не могу! Иди за меня замуж.

Засмеялась девушка звонче серебряных бубенчиков на крыльях сокола. Так ответила:

— Может, и пошла бы за тебя, да не знаю, чего ты стоишь. Сильный ты или слабый, ловкий или неловкий? Давай, наперегонки бегать. Кто вокруг острова первым обежит, того слово и верх возьмёт.

Стали рядом. Девушка в ладони хлопнула — побежали. У прекрасной Джиаданкан-фуджи ноги легкие, она ими еле земли касается, как птица летит. Опередила она юношу. Испугался мэргэн: не догонит — потеряет девушку! Девушка, как птица, летит. Да стрела любую птицу на лету догоняет! Помчался мэргэн быстрее стрелы. Мигом с красавицей поравнялся, далеко позади себя оставил. Кругом острова обежал, в фанзу вошёл. Перевёл дух, трубку закурил.

Выкурил он одну трубку, девушки ещё не видно. Он пепел из трубки горкой на стол выбил. Опять закурил, прислушивается — нет, не перекатываются камушки под лёгкими её ногами! Вторую трубку докурил, вторую горку пепла насыпал. Курит третью трубку. Всё нет девушки.

Стал четвёртую трубку мелким табаком набивать, прибежала Джиаданкан-фуджи. Щёки разрумянились, глаза блестят, из кос тёмные пряди выбились. Посмотрела она на три горки пепла, сказала:

— Вижу, быстро ты бегаешь!

— Так что же, пойдёшь за меня замуж? — спрашивает юноша.

— Пойду, — тихонько ответила девушка.

Дождались они отлива, перешли на берег к устью Амура. Там их лисица встречает. К мэргэну подбежала, человеческим голосом спросила:

— Ну как? Согласна она?

— Согласна, — юноша отвечает.

А девушка смотрит на лисицу, слышит её человеческий голос, удивляется. Рассказал ей всё мэргэн.

Теперь он впереди себя на коня Джиаданкан-фуджи посадил, лисица рядом побежала.

Три раза соболиный дождь, три раза беличий дождь выпадал. Голодать им не пришлось. А связками соболиных и беличьих шкурок всего коня увешали.

Ехали, ехали. Знакомые места пошли, близка уже фанза старика колдуна.

Красавица говорит:

— Боюсь я к старику ехать! Вдруг меня у тебя отнимет? Умру ведь я тогда с горя. Повернём лучше коня, поедем твоих родителей искать.

Мэргэн отвечает:

— Не могу так от него уехать. Мои козульи бабки у него остались.

Тут лисица заговорила:

— Я обо всём подумала. Вот как мы сделаем...

Перевернулась она, стала женщиной, сказала Джиаданкан-фуджи:

— Подари мне, красавица, твою шпильку из волос.

Джиаданкан-фуджи ей шпильку дала. Женщина-лисица шпильку в свои волосы воткнула. Засветилось её лицо нежным светом, сделалась словно родной сестрой Джиаданкан-фуджи. Посмотрел мэргэн на одну и на другую — похожи очень, а только женщине-лисице с его дорогой женой всё же не сравняться.

Мэргэн быстро шалаш в кустах построил для Джиаданкан-фуджи. Дальше ехать собрался. Она ему сказала:

— Побыстрее возвращайся, скучно мне без тебя будет! А ты вернёшься? — женщину-лисицу спрашивает.

— Нет, не вернусь. Пожалуй, со стариком останусь. Как ему, старому да глупому, без меня прожить?!

Подъехали к стариковой фанзе, заглянули в оконце. Спит старик. Два бурхана-аджеха на груди у него, как сторожа, лежат. В руках он козульи бабки крепко держит.

— Вдруг старик распознает, кто ты! — шепчет мэргэн. — Что тогда будет?

— Надо у него бурханы-аджехи отнять. Тогда он колдовскую силу потеряет. Иди, перережь шнурок с бурханами.

Вошли они тихонько в фанзу. Мэргэн вытащил нож, хочет шнурок перерезать, а это не шнурок — прут железный. Не берёт его нож. Мэргэн посильней нажал — нож сломался.

Поднял голову, посмотрел на женщину-лисицу. Что делать?

Женщина-лисица в угол лицом повернулась, зашептала заклинания:

— Под этим домом, под этой фанзой, под золотым полом, под железной балкой стоит чугунок; в нём живёт гурган-челчи — большой хорёк; зубы у него, как клещи, когти, как крючья; иди, гурган-челчи сюда; перегрызи железный прут; унеси бурханы-аджехи; с ними память его снов унеси; с ними его колдовство унеси.

Загремел под полом чугунок, выскочил гурган-челчи — большой хорь. Мигом перегрыз железный прут, унёс его со всеми бурханами.

Тут только проснулся старик. Увидел мэргэна — нахмурился, перевёл взгляд на красавицу — просиял.

— Ты ли это, моя дорогая Джиаданкан-фуджи, которую я во сне видел, по которой три года тосковал?

— Кому же ещё быть! — ответила женщина-лиси-

ца. — Я и есть. Вставай, не люблю, когда долго валяются. А этому юноше скажи спасибо за то, что он тебе такую хорошую жену привёз. Отдай ему его бабки, отпусти с почётом.

Старик вскочил, отдал бабки. Юноша медлить не стал, попрощался со стариком и женщиной-лисицей, поехал к настоящей Джиаданкан-фуджи.

— Теперь тебя к отцу-матери повезу. Только где они, не знаю.

Бросил он повод, пустил коня идти, куда хочет.

Трёх дней не прошло, привёз их конь к его родной фанзе. Не пустая фанза, дымок из трубы вьётся. Оказывается, родители до нового места не дошли, вернулись пропавшего сына искать. Да так и остались, подумали: если жив сын, сюда и вернётся.

Глазам своим отец с матерью не поверили, увидев сына. А тот и сам вернулся, и красавицу жену привёз.

— А бабки у тебя? — спросила мать.

— У меня, у меня!

Отец головой покачал.

— Что же ты, женатый, в бабки играть станешь?

— Я не буду, так сыну достанется, — мэргэн ответил.

Так оно и было. Сын скоро родился. Подрос, в бабки играл. Соболиные и беличьи шкурки продали. Хорошо, дружно жили.

Пришла сказка к концу пути. Дальше ей идти некуда!

СТАРЫЙ И МОЛОДОЙ

Эвенкийская сказка

Сидели у костра два охотника — старый и молодой. Разговор вели. О чём у зверобоев разговор? Об охоте да об охотниках.

Всё они обсудили: как следы на голом камне увидеть, как лису из норы выгнать, как дикого оленя скрадывать.

Всё обсудили, во всём согласились.

Только редко бывает, чтобы двое говорили и ни о чём не поспорили.

Зашёл и у них спор: кому на промысле больше удачи — молодым или старым.

— Куда старым с нами, молодыми, равняться! У молодого силы много. С медведем схватиться не страшно!

Старик смеётся.

— Все мы смолоду глупы. Разве медведь человеку товарищ, чтобы с ним, как на игрище, бороться? Хороший охотник знает, где медведь ходит, стрелы держит наготове.

— У молодого охотника ноги быстрые. Хоть песка обгонит!

— А старый по песцовому следу собаку пустит, сам с другой стороны зайдёт.

Помолчал, подумал и ещё добавил:

— Молодой долго без пищи разве обойдётся? День-ночь в лесу побродит, голодный в чум бежит.

Молодой отвечает:

— Зато старому жирный мягкий кусок подавай. А молодой крепкими зубами жилы перетрёт, сгрызёт кости, опять у него силы много.

Спорили они так, спорили, пока не подошёл к ним третий охотник.

Послушал, о чём спор идёт, и говорит:

— Я с высокой сопки спускался. С неё далеко видно. Приметил: к северу сохатый на снегу дремлет. Пусть один из вас подползёт к нему на полёт стрелы и рукавицу оставит. А другой пускай ту рукавицу принесёт. Вот и узнаем, кто лучший охотник.

Согласились спорщики.

Первым старик отправился.

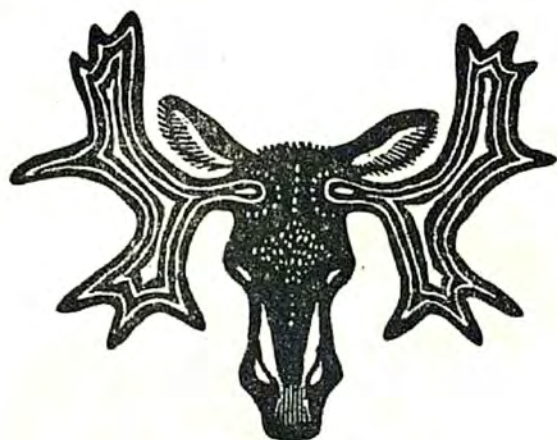
Где можно, за деревьями хоронился, где ползком полз, когда надо, камнем лежал, не дышал, не шевелился. Вот уже и лось виден. Лежит, глаза прикрыл, жвачку жуёт. Как раз с этого места стрелять бы в него. Тут охотник и положил рукавицу. Назад пополз. Жуёт жвачку сохатый, ничего не чувствует.

Теперь молодого черёд.

Молодой, где можно, перебежит, где удастся, перепрыгнет, да так легко, что под ногой снег не заскрипит,

валежина не хрустнет. Схватил он рукавицу, пустился обратно. Лось и ухом не повёл.

— Видать, дело не в годах, — сказал третий. — Ты, старый, хороший охотник. И ты, молодой, хороший охотник. Незачем было и спорить.

МЫШКА

Ненецкая сказка

Настала весна. Солнце землю согрело, взломало на реке лёд. Звенят льдины, громоздятся одна на другую, плывут вниз по реке.

Услышала мышка шум, выскочила на пригорок, закричала:

— Ледок, ледок, подальше от берега плыви! За мысом моё гнездышко, смотри не разори его.

Ответила мышке самая большая льдина:

— Когда лёд идёт, его не остановишь.

Рассердилась мышка, шерсть у неё ошетибилась. Сказала:

— Не гордись так, льдина! Вот сядешь на мель, тут тебя солнышко и пригреет. Растаешь, ничего от тебя не останется.

Льдина умолкла. Зато заговорило солнце:

— Эй, мышка! Очень уж ты заносчива. Твоё ли дело,

что я растоплю льдину? Зачем заставила замолчать товарища старше себя?

Задрала мышка голову вверх, закричала:

— И ты не очень-то гордись, солнце. Вот набежит туча, закроет тебя. Какая от тебя тогда будет польза?

Солнце умолкло. Тут туча заговорила:

— Почему ты такая сварливая, мышка? Твоё ли дело, что я подчас закрываю солнце? Зачем заставила замолчать товарища старше себя?

Мышка и на тучу закричала:

— Тебе, туча, тоже гордиться нечем. Подует ветер, погонит тебя, куда захочет, разорвёт в клочки.

Тут умолкла туча. Зашумел ветер:

— Дерзкий язык у тебя, мышка! Если я и гоняю тучи по небу, что тебе до этого? Зачем заставила замолчать товарища старше себя?

Мышка всё не унимается:

— А тебя, ветер, я даже слушать не хочу. Нечем тебе хвастать, далеко тебе не улететь. Упрёшься в Уральские горы, тут и конец твоей силе.

Ветер умолк. Загрохотали камни в Уральских горах:

— Меньше песчинки ты, мышка, а со старшими споришь. Что тебе за дело, если мы загородим ветру дорогу?

Тут мышка повернулась к Уральским горам:

— Пусть я маленькая, а вы, горы, большие, что в том толку! Всякий, кто захочет, вас топчет. Вон, смотрите, росомаха на ваши камни взобралась, а вам её не согнать.

Умолкли Уральские горы. Начала говорить росомаха:

— Не лезь не в своё дело, мышка. Не серди меня, а не то проглочу тебя вместе с коготками и хвостом.

— Грозись, грозись, росомаха! Что ты скажешь, когда попадёшь в деревянную ловушку?

Росомаха умолкла.

Мышка подождала, что скажет деревянная ловушка.

А ловушка ничего не сказала. Она была деревянная и говорить не умела.

Вот мышка и решила, что всех переспорила. Нос высоко подняла, хвостиком помахала и пошла к своему гнёздышку.

Смотрит, а гнёздышка нет. Пока она спорила, льдина обогнула мыс, толкнулась о берег и снесла её домик.

Посмотрела на это мышка, сказала:

— Нет, видно, никого я не переспорила. Только понапрасну время теряла.

Сказала так и принялась строить новое гнёздышко.

Сказке конец.

БЕЛАЯ ЯРАНГА

Чукотская сказка

Сидели как-то в своей яранге старик и старуха. Скучно им было — наружу не выйти, пурга с ног собьёт. Да и некуда пойти. Были соседи, с осени откочевали. И дети их с ними уехали, а своих у старика и старухи никогда не бывало.

Развела старуха огонь, чай сварила. Попили они чаю, ещё скучнее стало.

— Эй, старуха! — сказал старик. — Помнишь, как я смолodu умел плясать и в бубен громко бить?

— Так спляши сейчас, — говорит старуха. — Всё веселее будет.

— Плясать — ноги не гнутся, да и руки бубен не удержат.

— Давай, я бубен стану держать, а ты бей в него.

Так и сделали. Старуха бубен двумя руками держит,

старик бьёт по нему колотушкой. Старые его ноги сами приплясывают, притопывают.

Вдруг послышался шум снаружи. И не успели старик со старухой переглянуться, как вошли в ярангу шесть келэ — шесть чертей.

Старуха со страху бубен уронила. А келэ засмеялись, сказали:

— Ты что бубен бросила? Мы из-за него с другого края тундры прискакали. Ехали мы на шести упряжках. Тихо в тундре, скучно. Будто совсем разучились люди веселиться. А тут ваш бубен услышали, обрадовались. Повеселите нас ещё.

Подал келэ бубен старухе, она его обеими руками схватила, крепко держит. Старик колотушкой по бубну забил.

Разошлись ноги у старого, и келэ притопывать начали. В семь пар ног пляшут. Наконец утомились келэ. И старик опустил руку с колотушкой — устал.

Келэ спрашивают:

— Что вам дать за то, что порадовали нас? Хотите, подарим вам быстрые ноги, будете бегать, как молодые?

— Нет, не хотим, — отвечает старик со старухой.

— Хотите много оленей, новые шкуры на ярангу?

— Нет, не хотим. Есть у нас два оленя, нам и хватит.

— А что же вы хотите?

— Сына хотим!

— Вот хорошо, — закричали келэ. — Мы как раз по тундре детей развозим. У кого их мало, тем раздаём.

— Хотите, — говорит первый келэ, — славного юношу, меткого стрелка из лука? Будет он вам помощником.

— Нет, — говорит старуха, — он меня любить не станет. Хочу маленького.

— Ладно, — говорит второй келэ. — Возьмите у меня, он ещё из лука стрелять не умеет, только силки на птиц научился ставить.

— И этого нам не надо, — говорит старик. — Мы хотим маленького.

— Ну, тогда у меня берите, — сказал третий келэ, — он едва говорить начал.

Старик и старуха головой покачали.

— И этот нам не подходит. Нет ли ещё поменьше?

— Есть, — отвечает четвёртый келэ. — Хороший маленький мальчик, недавно ходить стал.

Старик и старуха не берут.

— А у меня, — говорит пятый келэ, — ещё вставать не умеет, еле садится.

Старик раздумывает:

— Взять, что ли?

А старуха рассердилась.

— Замолчи, старый. А вы, непонятливые келэ, слушайте: нужен мне совсем маленький ребёнок, чтобы ни садиться, ни ходить, ни говорить не умел. Чтоб был у него беззубый ротик, глаза — как у новорождённого оленёнка. Сама его выращу, будет он меня любить, матерью называть, старика — отцом.

— Ну, значит, возьмёшь у меня, — сказал шестой келэ.

Вышли все из яранги. На пяти нартах дети сидят, как келэ говорили, от стрелка из лука до такого ребёнка, который только садиться научился. А на последней нарте никто не сидит. Приторочены к ней меховые мешки — и из них детский плач раздаётся.

Подбежала к этой нарте старуха, вытащила из мешка ребёночка. Оказался он в точности такой, какого она хотела.

Келэ говорит:

— Сэкен его зовут.

— Хорошее имя, — ответила старуха, прижала мальчика к груди и унесла в ярангу.

Келэ дальше поехали.

Нянчит старуха маленького Сэkena, баюкает, песни ему поёт. Да недолго пришлось ей на руках его носить. Все дети растут ночью, незаметно. Этот же мальчик рос на глазах, ночью подрастал, днём вверх тянулся.

Только ему два года исполнилось, он в яранге перестал ночевать. Уходил спать к оленям. А старухе без сыночка в яранге скучно. Выйдет она к нему, сядет рядом, рассказывает, что было, чего не было.

Олени вздыхают во сне, покачивают рогами. Высоко в небе луна плывёт, звёзды светят. Сэкен поднимет голову, спросит:

— Мама, что там?

— Там верхняя тундра, сынок, — отвечает старуха. — Там, говорят, живёт Танаыргин со своей дочкой. Большой богач этот Танаыргин, оленей у него много, как звёзд на небе, как в море капель, как снежинок в сугробе. Встанет утром, полкита съедает... Яранга у него большая...

— А красивая она? — спрашивает Сэкен.

— Яранга?

— Нет, дочка.

— Дочка у него красавица. Черноволосая, лёгкая, как молодой олень.

— Знаешь, мама, — сказал Сэкен, — подрасту я ещё немного, женюсь на дочке Танаыргина.

Смеётся старуха.

— Спи, спи, сынок. Ростом ты с двадцатилетнего, а умом с двухлетнего. Разве доберёшься до верхней тундры! Разве отдаст тебе свою дочку Танаыргин!

Но Сэкен такой был — что запало ему в голову, с тем не расставался, того не забывал.

Прошёл ещё год. Сэкен говорит:

— Мама, сшей мне три пары торбазов, наполни их

мясом, чтобы в пути не умереть с голоду. Я иду в верхнюю тундру.

Старуха заплакала, однако послушалась сына, собрала его в дорогу.

Идёт Сэкен в ту сторону, где небо с землёй сходится. Долго идёт. Износил две пары торбазов, почти всё мясо съел, а конца пути не видно.

Как-то остановился Сэкен, посмотрел на подошву последней пары торбазов — вот-вот прохудятся.

— Плохо дело! — говорит себе. — Неужели не дойду, неужели не женюсь на красавице, дочке Танаыргина?!

Вдруг видит — показались вдалеке упряжки.

«Что за люди? — думает Сэкен. — Откуда в этих безлюдных краях взялись?»

Упряжки всё ближе. Уже сосчитать можно — шесть нарт по тундре несутся. Подъехали ещё ближе. Смотрит Сэкен — не люди это, а келэ — черти.

Проезжает мимо первая нарта, вторая. ... Келэ на Сэкана не глядят, будто не видят. А последний келэ оленей остановил.

— Эй, Сэкен, внучек! Подрос ты, однако. Куда идёшь, далеко ли собрался?

— Иду в верхнюю тундру, — отвечает Сэкен. — Хочу жениться на дочке Танаыргина.

— Ну что ж, не плохо придумал! Женись. Только как дойдёшь, торбаза-то у тебя прохутились.

— Да знаю. А что поделаешь?

— Давай помогу тебе. Поменяемся торбазами. Хороша ли мена, сам увидишь.

Обрадовался Сэкен. Свои торбаза отдал, торбаза келэ на ноги надел.

Келэ поехал догонять пять упряжек. Сэкен дальше пошёл. Что за диво! Сделал три шага — вот уже и край тундры, небо совсем низко к земле опустилось. Приме-рился Сэкен, всё же не достать. Подпрыгнул он, а тор-

база будто его снизу подтолкнули. Сэкен ухватился за край тучи, влез на неё и очутился в верхней тундре.

Торбаза и там его быстро несут. Сэкен еле успевает ноги переставлять. Видит — стоит большая яранга. Из той яранги вышел ему навстречу сам Танаыргин.

— Ты кто? — спрашивает.

— Я Сэкен.

— С нижней тундры?

— С нижней, — отвечает Сэкен.

— Не бывало у нас ещё таких гостей! — говорит Танаыргин. — А зачем пришёл?

— Хочу на твоей дочке жениться.

Танаыргин ничего не ответил Сэкену, обернулся, крикнул в ярангу:

— Эй, старуха, готовь угощение. Парень с нижней тундры пришёл, нашу дочку сватать. Угостим его, посмотрим, каков жених.

Сэкен рад, давно досыта не ел. А как увидел, чем ста-

руха накормить его хочет, — испугался. Подала она гостю и хозяину на деревянном блюде целого кита. Горой лежит кит, Сэкен и Танаыргин друг друга из-за него не видят. В десять яранг, что в нижней тундре ставят, не вместился бы тот кит.

Начали есть. Танаыргин отрезает большие куски, и Сэкен отрезает большие куски. Танаыргин в рот кладет, Сэкен — ко рту поднесёт, за ворот кухлянки опустит. Куски через подол проскальзывают, проваливаются сквозь тучи в нижнюю тундру. И падают как раз перед входом в бедную ярангу отца и матери Сэкена.

Старик удивляется, никогда он не видел, чтобы с неба вкусное китовое мясо валилось. А старуха радуется.

— Это, — говорит, — мой дорогой сынок Танаыргина перехитрил и о нас позаботился.

Что старик со старухой съели, что в яму впрок закопали, никто не считал, никто не мерил.

А в верхней тундре на деревянном блюде одни китовые кости остались.

— Сыт, гость? — спрашивает Танаыргин.

Сэкен отвечает:

— Хозяину виднее, а дома я больше съедал.

Теперь поднесла им старуха моржа.

Танаыргин уже медленно жуёт. Сэкен один за другим куски моржового мяса через ворот кухлянки в нижнюю тундру отправляет.

Съели и моржа.

— Ну, сыт, наконец? — опять спрашивает Танаыргин.

Сэкен отвечает:

— Сыт не сыт, а ещё чего-нибудь бы съел.

Нахмурилась старуха Танаыргина, однако подала жирного тюленя, потом нерпу.

Танаыргин уже ни куска проглотить не может, а

Сэкен и с тюленем и с нерпой быстро справился. Развела старуха руками, больше нечем угощать.

— Ну, поели, перекусили, — сказал Сэкен, — теперь покажите невесту.

Отвечает Танаыргин:

— Не я к тебе в нижнюю тундру пришёл. Сам ко мне явился. Сам и ищи свою невесту, мою дочь.

— Что ж, искать — так искать, — сказал себе Сэкен. — Верно, он её в тундру услал.

Вышел из яранги, топнул ногами, обутыми в торбаза келэ. Стали ноги когтистыми лапами. Взмахнул руками — стали руки широкими крыльями. Не Сэкен это уже, а орёл. Поднимается вверх плавными кругами. Велика верхняя тундра, но орёл со своей высоты всю её из конца в конец видит. Нет нигде дочки Танаыргина.

Смотрит дальше орёл — на одном краю тундры пачётся большое стадо. Оленей в нем так много, как звёзд на небе, как в море капель, как снежинок в сугробе.

«Не там ли прячется моя невеста, дочь Танаыргина?» — подумал Сэкен.

Сложил крылья, пал на землю камнем. Мигом обернулся евражкой, между оленьими копытами побежал. И тут нет дочки Танаыргина.

— Негде ей быть, кроме как в яранге! — сказал себе Сэкен и превратился в жука-букашку со светлыми пятнышками.

Расправил крылышки, поднялся в воздух. Орлом был, быстро края тундры достиг, у жука-букашки крылья маленькие, долго ими махать пришлось, пока до яранги добрался. Мимо Танаыргина пролетел, пожужжал у самого волосатого его уха.

Всю ярангу облетел, и поверху и понизу. Увидел кучу сухих шкур, заполз туда. А там большой сундук стоит. Жуку-букашке не поднять тяжёлой крышки, зато он в щёлку протиснуться может. Так Сэкен и сделал.

Сидит в сундуке девушка, дочь Танаыргина. Смеётся, радуется, что Сэкен её нашёл. Стал жук-букашка опять человеком. Ногой по тяжёлой крышке сундука ударил, вышиб её. Разбросал шкуры, взял за руку девушку и вывел на середину яранги. Тут и разглядел её Сэкен, залюбовался. Всё правду мать рассказывала — длинноволосая она, лёгкая, как олень!

— Ну что ж, — говорит Танаыргин, — что найдено, то не спрятано, что обещано, то назад не возьмёшь!

А в нижней тундре мать Сэкена уже плакать устала, что сын долго не возвращается. Вышла она однажды утром из яранги, налево-направо, вперёд-назад посмотрела — не видно Сэкена, не идёт он домой. Глянула вверх — плывёт в небе маленькое облачко, всё ближе подплывает, всё ниже спускается.

— Спешу, спешу, Сэкен, сыночек, — запела старуха, — я тебя чаем напою, жирным мясом накормлю.

— Ты с кем там, жена, говоришь? — спрашивает старик из яранги.

— Да так, сама с собой.

Разожгла она огонь, повесила чайник и опять вышла из яранги.

Облачко к самой земле припало. Спрыгнул с него Сэкен, обнял мать. За первым облачком приплыло второе облачко, за ним туча. Со второго облачка сошла молодая жена Сэкена, с тучи — большое стадо оленей.

Выглянул старик отец, открыл рот от удивления. А потом ещё больше удивляться пришлось: жена Сэкена махнула рукой, и выросла перед ними белая как снег, большая, как сопка, яранга.

Вошли они все в ярангу. Опять махнула рукой длиннокошая с верхней тундры — заблестела вокруг медная посуда, сам вспыхнул огонь в очаге, закипела вода в котле, где варился целый олень.

Тут Сэкен сказал старику:

— Иди, отец, в соседнее стойбище, зови гостей на праздник.

Старик головой покачал:

— Не пойдут.

— Почему не пойдут? — спрашивает Сэкен.

— В том стойбище два брата живут, — говорит отец, — да безродный старик у них в работниках. Они богачи, мы всегда бедняками были. Посмеются они надо мной.

— Ну, как хотят, — ответил Сэкен, — а позвать надо. Всё-таки соседи. Пойдут — ладно, не пойдут — тоже ладно.

Пришёл старик отец в соседнее стойбище, зовёт богачей в гости. Те смеются:

— Чем угощать будешь? Мохом из-под оленьих копыт, что ли?

Однако пошли. Старого чукчу стойбище сторожить оставили.

Шли, шли, устали.

— Где же твоя яранга? — спрашивают.

— А вон стоит!

— Да ты в своём уме? Это же снежная сопка.

Подходят ближе, правда — яранга! Ни у кого во всей тундре такой большой, такой красивой яранги нет.

Начала жена Сэкена гостей жирной олениной угощать, чаем поить. Гости не столько едят, сколько по сторонам смотрят. Такой блестящей посуды, таких мягких шкур и у них, богатеев, нету!

Досыта наелись гости, отправились домой. Вечером сошлись в одной яранге, стали между собой говорить:

— Стыдно нам. У нас, у богачей, того нет, что у Сэкена есть. Надо его убить!

— Когда убьём, я себе его блестящую посуду возьму, — сказал один.

— А я ярангу, — сказал второй.

Всё богачи между собой наперёд поделили.

А Сэкен лежит в тёплом пологе в своей яранге, смеётся.

— Послушай, жена, как наши гости у себя в стойбище меня убить сговариваются.

Наутро пришли два соседа на охоту Сэкена звать. Сэкен не отказывается, идёт с ними. Ушли они все далеко в тундру, сели отдыхать у ручья. Сэкен наклонился, чтобы воды напиться, а соседи ударили его ножами в спину. Повалился Сэкен лицом в ручей. Богачи наперегонки побежали к его яранге, на бегу кричат:

— Кто первый добежит, возьмёт оленей!

— Кто второй добежит, возьмёт белую ярангу!

Бегут вровень, ни один перегнать не может, ни один догнать не может. До самой яранги добежали, а уж войти в неё сил не хватило. Упали у входа, еле дышат. Потом поползли оба. Так ползком и ввалились в ярангу.

Смотрят — сидит Сэкен, и молодая жена сидит, и мать и отец с ними рядом. Чай пьют. Испугались богачи. Никому в яранге слова не сказали, повернулись, ушли прочь.

Что сделали — сами сделали, что видели — сами видели, а спросить не у кого. Стали спрашивать у старого бедного чукчи:

— Ты долго жил, много видел. Как может ожить убитый ножом в спину?

Подумал старик и сказал:

— Не человека вы убили, а его тень!

Легли спать богачи, не спится им. Каждый думает, как бы всё-таки Сэкена убить, его имуществом завладеть. Один вышел из своей яранги, второй вышел. У поломанной нарты сошлись, опять стали сговариваться.

— Нож его не берёт, — говорит один.

— Может, земля его возьмёт, — говорит другой. —

Давай выроем глубокую яму, пригласим его на праздник и сбросим вниз.

Сэкену тоже не спится в своей яранге. Он говорит:

— Слышишь, жена, снова богачи затевают недоброе!

— Давай перекочуем в верхнюю тундру, — просит его жена. — Рядом с ярангой отца нашу ярангу поставим.

— Нет, — сказал Сэкен. — Я тут родился, тут и жить буду. Не хочу перекочёвывать. Пусть богачи не думают, что я их боюсь!

Утром пришли соседи, говорят Сэкену:

— Ты нас угощал, теперь мы тебя угостить хотим.

Приходи к нам на праздник.

Пошёл Сэкен, и жена с ним пошла.

Сели все. Мясо едят, чай пьют. Потом один богач подаёт Сэкену бубен, спрашивает:

— Поплясать не хочешь ли?

— Отчего не поплясать? — отвечает Сэкен.

Взял он бубен, ударил в него раз, ударил другой и пошёл носиться в пляске. Ходит кругами, только на шкуру, что расстелена посреди яранги, не наступает.

Богачи в ладони бьют, кричат:

— Хорошо пляшешь, высоко скачешь!

Раззадорился Сэкен, обо всём забыл. Подпрыгнул, взлетел вверх, как птица, и опустился прямо на шкуру посредине яранги. Глубокая яма под шкурой была, провалился Сэкен, даже крикнуть не успел. Молодая жена за ним бросилась.

— Ну вот, — обрадовались богачи, — теперь, наконец, пропал Сэкен!

— Я возьму его ярангу, — сказал один. — Ты оленей.

— У меня оленей много, — отвечает другой. — А такой яранги, такой посуды, таких шкур нигде не сыщешь. Ты бери оленей, я возьму ярангу.

— Моя яранга, твои олени! — не уступает первый.

— Твои олени, моя яранга! — кричит второй.

Спорили, спорили и подрались.

На крик, на шум пришёл старый работник. Перестали богачи драться, просят старика, чтобы он между ними богатство поделил. Он их спрашивает:

— А где же хозяин того, что вы поделить не умеете? Засмеялись богачи.

— Пошёл своими плясками хвастать в самую нижнюю тундру.

Поглядел кругом старый чукча, увидел яму, всё понял. И так сказал богачам:

— Плохое дело вы сделали. Только от плохого вам же плохо и будет. А я на это смотреть не хочу.

И ушёл. Совсем ушёл из стойбища.

А Сэкен с молодой женой всё летели, летели вниз, пока не упали в самую нижнюю тундру. Упали — на ноги встали. Смотрят — стоят там шесть яранг. Из тех яранг выходят им навстречу шесть келэ. Тех самых, что Сэкен когда-то в тундре повстречал.

Шестой келэ говорит:

— Здравствуй, Сэкен, внучек! Как сюда попал?

— Не по своей воле явился, — отвечает Сэкен. — Нас злые люди в яму сбросили.

— Ну, это горе не-

большое, — смеётся келэ. — Откуда пришли, туда и уйдёте.

Дал он им хорошую упряжку, посадил на нарты, а сзади привязал бешеного оленя.

Взвилась оленья упряжка вверх, вынесла Сэкена и его молодую жену в ярангу богачей.

Те всё ещё спорят, как имущество делить. Только не пришлось им доехать, смерти Сэкена порадоваться! Разнёс ярангу бешеный олень, одного богача копытами зашиб, другого рогом заколол.

Сэкен с женой домой поехали, где их мать и отец поджидали.

Если увидишь в тундре белую ярангу, похожую на снежную сопку, так и знай — это яранга славного Сэкена, что женился на дочери Танаыргина из верхней тундры.

**ЛУЧШИЙ
ОХОТНИК
НА ПОБЕРЕЖЬЕ**

Орочская сказка

Жил один ороч. Жена у него была и сын. Сын большой, пора бы отцу во всём помогать. Да мать избаловала, во всём ему потакала. Что хочет, то и делает.

Однако, хоть и поздно, отец стал его к охотничьему промыслу приучать. Глаза у сына зоркие, ноги быстрые, руки сильные. Но только, чтобы зверя убить, хитрость нужна. И не столько хитрость, сколько терпение. Бывает, целый день в засаде просидишь из-за одного зайца. А сын этого не любил, ему бы всё побыстрее.

Однажды отец с сыном снарядили оморочки, отправились на нерп охотиться. Вышли устьем реки в море, туда поглядели, сюда — нет нерп.

Сын говорит:

— Чего ждать? Домой повернём.

Отец говорит:

— Куда торопиться? Подождём, может, появятся.

Недолго и ждать пришлось. Сразу три нерпы вынырнули, смотрят круглыми глазами по сторонам, а охотников не замечают. Отец к ним оморочку направил. Сыну крикнул:

— За мной греби!

А сын в ответ:

— Эти нерпы мелковаты. Вон у мыса большая нерпа плещет. За ней погонюсь.

— Не нерпа это, косатка, — говорит отец.

— А я вижу — нерпа! — сын отвечает и поворачивает оморочку к мысу.

В море не до споров. Нерпы ждать не будут. Погнал отец к ним свою оморочку. Две нерпы ушли от него, одну убил. Что ж, и то добыча!

«Как-то у сына охота идёт?» — подумал отец и поплыл к мысу. Обогнул его.

Открылось пустынное море. Куда глаз хватает, валы катятся, а сына нигде не видать.

Долго отец вдоль берега плыл, всё сына выглядывал. Нет и нет его. Утонуть не с чего — море тихое. Да и оморочка, хоть перевёрнутая, плавала бы.

Пошёл отец домой. И дома сына нет. Жена плакать стала, мужа попрекает:

— Не уберёг дитя родное! Хватило совести мальчика одного в море оставить! Какой же ты отец после этого!

— Молчи, жена! — говорит муж. — Может, он далеко заплыл, ещё придёт.

Но не пришёл сын.

Каждый день отец к морю ходит, сына высматривает. И охоту бросил, ни на что руки не поднимаются. А раз сел на берегу и горько-горько заплакал.

Вдруг услышал слова:

— В моём море, в моих владениях горько-солёной

воды и так много! О чём плачешь?

Не знает охотник, то ли голос это, то ли шум волны. Прикрыл от солнца глаза ладонью, в море посмотрел. Видит — невдалеке от берега, на скале, что словно зуб над водой торчит, сидит старик в халате из кожи кеты-рыбы. Борода у него зелёная, как водоросли, длинная-предлинная. Конец её в волнах полощется. Испугался, удивился охотник, однако ответил:

— Как не плакать?! Сын у меня пропал. Молодой, красивый. На всём побережье лучшего охотника не было.

Засмеялся старик на скале.

— Лучше, говоришь, не было?!

И опять хохочет.

Отцу обидно, что над его пропавшим сыном чужой смеётся. Хотел недобрыми словами ответить, да вдруг понял, что не простой старик перед ним. Зачем простому человеку в рыбьем халате на скале сидеть? Откуда у простого человека зелёная борода взялась? Ясное дело, Тэму это, Хозяин моря. Оробел охотник, проглотил худые слова.

Тэму ему говорит:

— Давно я так не веселился! За то, что рассме-

шил меня, отдам тебе сына. Построй на берегу юрту из китовых костей и жди. С новым месяцем вернётся твой сын.

Сказал так и в глубину ушёл. Плеснул, словно большая рыба.

Охотник за женой побежал. Вместе принялись юрту строить. Спешат очень. Кончаются безлунные ночи, новый месяц вот-вот народится.

Построили юрту. Устали. Забрались в неё, оба уснули.

Как раз в эту ночь узкий месяц, словно лодочка-оморочка, на небо выплыл. А к берегу прибило... Не будем вперёд заглядывать, спит ведь охотник, ничего не знает.

Проснулся он на самом раннем рассвете, когда на небе свет с темнотою спорит. Выскочил из юрты, подбежал к берегу. Смотрит — вынесло волнами плетёную из морской травы люльку. В ней младенец плачет. Тут из юрты и жена выбежала, услышала детский плач.

Муж говорит:

— Видно, ошибся Тэму! Не наш это сын, наш уже охотником был!

А жена схватила ребёнка, крепко к себе прижала.

— Ослеп ты, что ли? Лица его не видишь! Оглох ты, что ли? Голоса его не слышишь! Наш это сын, в точности такой, каким был двадцать лет назад.

Унесла мать ребёнка в юрту. Слышит охотник, уже песню над ним поёт.

Сам охотник на берегу остался, не понимает — радоваться ему или печалиться.

К этому времени рассеялся предутренний туман, солнце показалось. Увидел охотник, что на той же скале опять Тэму сидит. В зелёную бороду посмеивается.

— Я свое слово выполнил, — сказал Хозяин моря, — вернул тебе сына.

— А почему он маленький? — спрашивает охотник. — У меня большой был.

— Большой, да глупый, — Тэму отвечает. — Вместо нерпы за косаткой погнался! За той косаткой, в пасти которой я своё жилище устроил. Я ему кричу, чтоб убирался, а он не слушает, острой размахивает. Ну, я его и схватил. Когда сына второй раз растить будешь, лучше учи. Построже воспитывай!

Тут большая волна на скалу накатила. Накатила и отхлынула. А Тэму уже на скале нет.

Охотник в юрту пошёл. Жена младенца на руках качает, говорит мужу:

— Хорошо, что сыночек маленьким вернулся. Теперь я его никуда от себя не отпущу. Глаз от него не отведу, чтобы с ним ничего не случилось.

— Нет уж! — муж отвечает. — Теперь я его растить буду. Только ходить начнёт, стану приучать к охоте. Все-му с малолетства обучу! И терпению, и умению.

ДВА БРАТА
Энецкая сказка

У развилки реки чум стоял. Жила в том чуме женщина с двумя маленькими сыновьями. Однажды ушла женщина пропитание добывать и не вернулась. Что с ней случилось, неизвестно. Может, медведь задрал, может, утонула в реке. Только остались её маленькие сыновья одни в чуме.

Сперва всё плакали, мать звали. Потом привыкли. Собирали грибы и ягоды, рыбу в речке ловили. Так и жили, росли понемногу.

Сколько лет, сколько зим прошло, не знают — считать они не умели.

Вот как-то раз сказал брат другому:

— Почему одни живём? Помнится, мать говорила, есть ещё люди. Давай людей искать!

Второй брат спросил:

— А как искать будем?

— Да так! Ты иди по берегу левой реки вверх по течению, и имя тебе будет Река слева — Дяха сэтано. Я пойду вдоль правой реки вверх по течению, и имя себе возьму Река справа — Дяха махано. Найдём людей, посмотрим, как живут, и назад вернёмся. В нашем чуме встретимся.

Сговорились так и пошли.

Целый день шёл Дяха махано. К вечеру шалаш сделал из веток, лёг спать. Лежит, думает:

«Дяха сэтано себе тоже шалаш сделал. Хороший у него шалаш! Если дождь пойдёт, не вымокнет мой брат!»

Встал утром, дальше идёт. Много дней идёт.

Привела его река к озеру, к тому месту, откуда она своё начало берёт. Большое это озеро, берега у него низкие, болотистые, вправо и влево уходят.

Остановился Дяха махано, думает:

«Как моему брату, Дяха сэтано, через такое озеро перебраться? Он ведь тоже на таком низком берегу стоит, как я, не знает, что делать».

Тут увидел Дяха махано корявое бревно, что комлем к берегу пристало, вершиной на воде колыхается. Сел он на бревно, оттолкнулся от берега. Руками загребает, плывёт.

— А есть ли такое бревно у Дяхо сэтано? Есть! Если я нашёл, так и он плывёт!

Переправился через озеро. Только хотел пристать, вдруг выскочил какой-то зверь, с берега в воду прыгнул. Перепугался Дяха махано, чуть с бревна не свалился. Потом догадался: выдра это, простая выдра! Засмеялся.

— Глупый у меня брат, Дяха сэтано! Что ему выдра может сделать!

Смотрит Дяха махано — от озера тропка идёт. Точно такая, какую они с братом от своего чума к реке протоптали.

«Не люди ли здесь живут?» — думает.

Прошёл немного — и правда, человека встретил. Девочка это была. Она морошку собирала. Увидела девочка Дяху махано, ягодой угостила.

— Брат мой, Дяха сэтано, тоже морошку любит, — сказал Дяха махано и целую горсть морошки в рот отправил.

Удивилась девочка.

— Где же твой брат? — спросила. — Мне и ему морошки не жалко.

— А он по другой реке отправился людей искать.

— Так ты людей ищешь? — девочка сказала. — Пойдём в наше стойбище, в стойбище племени тау.

Дяха махано задумался:

«Пошёл ли мой брат, Дяха сэтано, за девочкой? Верно пошёл. Мы же для того и чум бросили, чтобы людей найти. Пойду и я!»

Вот и стойбище. Много чумов стоит. Между чумами люди ходят, мужчины, женщины. Дети бегают.

— Ой-ой-ой! Сколько людей на свете, оказывается! — сказал Дяха махано. — Да ещё и не столько, а вдвое больше. Не иначе как мой брат, Дяха сэтано, в такое же стойбище пришёл. Также много людей увидел!

Повела девочка Дяху махано в свой чум, к отцу своему, к матери. Стал он у них жить. Да не без дела же люди живут. Отец девочки сказал ему:

— Будешь оленей пасти!

— Как это оленей пасти? — Дяха махано спрашивает. — Олени сами, где хотят, бегают. Вот хоть и у моего брата, Дяхи сэтано, спроси. Мы с ним не раз в лесу оленей видели.

Оказалось, оленей пасти можно. Ездить на них

можно! Дяхе махано понравились домашние олени. Стал он их пасти. Говорят, хорошо пас.

Много чему научился Дяха махано у людей. И считать научился. Сосчитал, что прожил в стойбище племени тау семь лет.

«Вот как много! — думает. — Интересно, сколько лет мой брат, Дяха сэтано, в том стойбище прожил? Больше или меньше? Выходит, столько же! Мы-то с ним в один день из нашего чума в путь отправились».

Семь лет долгое время — вырос Дяха махано, мужчиной сделался. И та девочка, что его морошкой угостила, тоже выросла, девушкой стала. Он и женился на ней.

Отец девушки дал им ездовых оленей и верховых оленей подарил. Обрадовался Дяха махано, подумал:

«Моё стадо да стадо брата, Дяхи сэтано, вместе пастись будут. Ничего, однако, не маленькое стадо выйдет!»

Подумал так и жене сказал:

— В путь собирайся, ехать пора. Мой брат, Дяха сэтано, уже в наш чум со своей женой, со своими оленями возвращается. Как бы нам не опоздать!

Поехали. Зимой дело было. Олени быстро бегут, не то что пешему ногами землю мерить! И озеро замёрзло. По льду Дяха махано оленьё стадо легко перегнал.

Вот и чум впереди завиднелся, что в развилке рек стоит.

Погоняет оленей Дяха махано, к родному месту спешит. Видит — по берегу второй реки тоже аргиш движется. На передней нарте человек сидит, оленей погоняет. На второй нарте женщина сидит, видно, жена.

— Гляди, — Дяха махано своей жене говорит, — мой брат, Дяха сэтано, едет! Не опоздали мы!

Сошлись аргиши. Соскочил Дяха махано с нарты и тот, второй, соскочил. Смотрят друг на друга. Дяха махано не брата своего, Дяху сэтано, видит, а совсем чужого человека. Рассердился он.

— Что тут делаешь? — спрашивает. — Зачем сюда приехал?

— К своему чуму приехал, — тот отвечает. — Встречи со своим братом ищу.

— Если братом моим назваться хочешь, — говорит Дяха махано, — расскажи, как жил, что с тобой было. Тогда увижу, твой это чум или не твой, мой ты брат или не мой.

Стал тот человек рассказывать:

— Шёл я вверх по левой реке, как моё имя велело. Сколько дней шёл, не знаю, считать тогда не умел...

«Мой брат! — кивает Дяха махано. — И я так шёл!»

— ... Потом вышел на высокий берег озера. Там журавля испугался, что взлетел из камышей вверх...

«Не мой брат, — огорчается Дяха махано. — На озере берег низкий был, и не журавля он должен был испугаться, а выдры!»

— ... Через озеро я на коряге переплыл...

«Всё так и есть!» — радуется Дяха махано.

— ... Переплыл, девочку встретил. Она голубику собирала и меня угостила.

— Забыл ты! — закричал Дяха махано. — Не голубика то была, а морошка.

— А тебя что, морошкой угощала? — спросил приезжий. — Значит, ты не Дяха махано, не мой брат.

— Я-то Дяха махано, твой брат! Это ты не мой брат, не Дяха сэтано! Ну, давай дальше рассказывай.

— Оказалась эта девочка из стойбища племени сомату.

— А у меня племени тау. Опять не выходит!

— Она меня привела к своим родителям. Прожил я у них семь лет. С её отцом на охоту ходил...

— А почему оленей не пас? — рассердился Дяха махано.

Тот, второй, не слушает, дальше рассказывает:

— Хорошим охотником я стал. Много соболей, песцов, лисиц добыл. А когда женился на дочери стариков, шкуры на оленей выменял и сюда приехал.

— Ну, всё! — говорит Дяха махано. — Не мой ты брат. Мне оленей отец жены дал.

Тот отвечает:

— Может, и ты не мой брат! А только я здесь жить буду, мой это чум.

— С чего он твой?! Откуда знаешь? Чем докажешь?

— Вот когда отсюда уходил, я белые камушки у левой стены спрятал.

— Правильно! — подхватил Дяха махано. — А я чёрные камушки у правой стены спрятал. Давай посмотрим, так ли?

Зашли в чум, посмотрели. И правда, лежат камушки -- белые слева, чёрные справа.

— Выходит, всё-таки мы с тобой братья! — сказал Дяха махано.

Обнялись они, потом жён позвали. Стали вместе жить.

Дяха махано оленей пасёт. Дяха сэтано на охоту ходит. Хорошо век прожили, детей вырастили и внуков увидали.

**СКАЗАНИЕ
О СТАРИКЕ ШАМАНЕ,
ЕГО СЫНОВЬЯХ И
О ЧИНЧИРЕ
ШИТОЛИЦЕМ**

Нганасанская сказка

Жил старик нганасан. Жена у него была, три сына и дочь невеста. Два сына уже охотники. Один бегал так быстро, что дикого оленя догонял. Звали его Мерагэ. Другой — стрелок хороший, птиц в лёт бил, Дютадэ по имени. А третий сын ещё мальчик был, ещё только детским луком владел.

Как-то старик сказал старшим сыновьям:

— Поезжайте лёгким чумом в камень, в эту пору там много диких оленей. И сестру с собой возьмите, она вам еду будет варить.

— И я с ними поеду, — мальчик просит.

— Что ж, поезжай. А мы с матерью при стаде останемся, будем оленей пасти.

Приехали в горы три брата и сестра. Поставили лёгкий чум. Живут. Промысел хороший, диких оленей много. Мерагэ и Дютадэ до света встают, в темноте с добычей

возвращаются. Сестра оленьё мясо впрок вялит, маленький брат ей помогает — хворост приносит, куски мяса на вешала развешивает.

Только раз вот что случилось. Ушли старшие братья далеко в камень. Девушка сидит у очага, шьёт. Мальчик стрелы на пушных зверьков мастерит. Наконечник у стрел не заостряет, чтобы пушистый мех не попортить. Вдруг заскрипел за чумом снег, шаги человека послышались. Встревожилась девушка. «Почему один брат возвращается? Не случилось ли чего?»

Только успела так подумать, вошёл в чум чужой человек. Лицо у него всё разукрашено, на щеках и на лбу узоры, будто нитками вышиты. Огляделся кругом — нет ли мужчин в чуме. Сгрёб девушку в охапку, с ней бежать хотел. Тут мальчик схватил свой детский лук и пустил в шитолицего стрелу с тупым наконечником. Ударил стрела чужого в плечо. Он девушку из рук выпустил. Засмеялся, вытащил длинный нож, к мальчику шагнул. Девушка на руке у него повисла, закричала:

— Брата моего не убивай! Он же тебе вреда не причинил.

А шитолицый уже занёс нож над мальчиком.

Сестра молит:

— Куда хочешь с тобой поеду! На тебя работать буду! Только не убивай брата!

Опустил нож шитолицый, сказал:

— Ну, ладно! Его с собой тоже возьму. Подрастёт

немножко, работником будет. Здесь его не оставишь, он меня видел, всё расскажет.

Вышли они из чума, на две нарты сели. Шитолицый на задней нарте едет, настороженный лук у него на коленях лежит. А девушка с братом на передней нарте. Это шитолицый так приказал, чтобы они не убежали. Когда нужно повернуть, он с задней нарты кричит.

Долго едут. Ночёвки короткие делают — шитолицый погони боится. Сколько дней так прошло, девушка не знает и мальчику не сосчитать.

Раз вечером на стоянке девушка нечаянно котелок на костёр опрокинула. Еда пропала, и огонь погас. Ударил её за это шитолицый. Мальчик за сестру вступился. Слабым своим детским кулаком замахнулся на обидчика. Тут шитолицый рассердился, схватил его, затряс.

— Щенок шелудивый! — кричит. — На кого руку поднял?! На князя шитолицых Чинчира! Не нужен мне такой работник. Брошу тебя здесь, пропадай в снегах с голоду, с холоду!

Потом к девушке повернулся.

— А ты поворачивайся живее! Сейчас дальше поедем.

Пока шитолицый Чинчир запрягал оленей, сестра успела брату шепнуть:

— Иди по следу нашего аргиша. На каждой ночёвке еду буду тебе оставлять. Увидишь воткнутую в сугроб палку, там и ищи.

Увёз Чинчир девушку. Мальчик один среди снегов остался. Поплакал, пошёл по следу аргиша.

Так идёт от стоянки к стоянке. Всё дальше отстаёт от быстроногих оленьих упряжек.

Началась в тундре весна. Бредёт он по талому снегу, еле ноги передвигает, а всё же оленью дорогу, нартяную дорогу не теряет из виду. И вот такой день настал, когда эта дорога в реку упёрлась. Видно, шитолицый давно

здесь проехал, пока ещё лёд стоял. А теперь тронулась река, плывут по ней со звоном льдины, стучаются одна о другую, дыбом становятся. Не перейти, не переплыть мальчику. Побрёл он по берегу, куда глаза глядят. Что с ним случилось — может, узнаем, может, не узнаем.

Теперь назад повернём, что раньше было, расскажем. В тот день, когда шитолицы́й Чинчир девушку и мальчика увёз, Мерагэ и Дютадэ поздно вечером вернулись. Зашли в чум, а там пусто, будто никто никогда не жил. Из чума назад выбежали, увидели истоптанный снег, след чужого аргиша. Бросились они по этому следу, он скоро в камнях потерялся. Тогда братья быстро лёгкий чум разобрали, в тундру, к отцу, к матери, погнали свои упряжки.

Узнав про беду, начала старуха мать плакать. Отец разгневался, своих сыновей бабами, трусами называл. Какого другого имени они стоят, если сестру и маленького брата не уберегли! Потом схватил шаманский бубен — он ведь шаманом был, — принялся в бубен бить, кружиться стал, ногами топать. Долго так плясал и кружился, наконец на землю упал. С закрытыми глазами заговорил:

— Вижу, вижу: далеко мои дети, пар от их дыхания с дыханием их обидчика к небу поднимается. Прямо на середину дня они путь держат. Хорошо, что живы они, догоним, отобьём!

Поднялся старик с земли, велел сыновьям в тундре свежих оленей поймать, в нарты запрягать. Быстро снарядились, поехали. Всё прямо на полуденную сторону, на середину дня едут. Себя не жалеют, про сон не думают, про пищу не вспоминают. Стоянку делают, когда олени совсем притомятся.

Перевалили через один хребет, за ним густой лес пошёл. Проехали лес, впереди опять горы встали. Поднялись, спустились, в берёзовый лес въехали. Тут на поляне аргиш остановили. Старик снова шаманить начал. Когда упал на землю, закричал, заплакал:

— Пар от дыхания дочки с паром от дыхания похитителя смешался. Дыхания мальчика не вижу. Горе нам!

— Теперь всему роду обидчика отомстим! — сказали Мерагэ и Дютадэ.

Дальше упряжки погнали. На заросшей тальником равнине дикого белого оленя увидели. Рога его качаются, как тальник под ветром, мех белый, как снежный сугроб.

— Если убьём этого оленя, — старик сказал, — хорошо будет.

Быстроногий Мерагэ соскочил с нарты. Хоть глубокий снег намело по тальникам, без лыж погнался за оленем. Догнал. Убил. Старик велел шкуру с белого оленя снять, а мясо бросить.

Всё едут и едут. Снег понемногу тает, весна настаёт. Перерезала им путь река. Только остановили аргиш на берегу, олени без сил на землю упали. Соскочили люди с нарт, смотрят, куда приехали. Многоводная это река, широкая. Над чистой водой чайки вьются, в реке рыбу ловят. Выше всех поднимается одна чайка, шире других крылья раскидывает. Глянул на неё старик, сказал:

— Если эту чайку убьём, хорошо будет.

Дютадэ улучил миг, когда чайка над берегом пронеслась, прицелился, сшиб её.

Опять велел старик с чайки шкурку вместе с перьями снять, мясо бросить. Птичью шкурку под шкуру белого оленя на свою нарту положил.

Стали оленей поднимать, чтобы через реку переправляться, — олени не встают. Если человек знает, куда и зачем идёт, он много вытерпеть может. А олень бежит, куда ему человек приказывает, у него силы быстрее кончаются. Не вынесли олени такого долгого пути без отдыха.

Старик сказал:

— Нет у нас времени ждать. Срубите семь деревьев, будем вязать плот.

Сделали плот, с нарт перенесли на него, что в пути понадобится, что на себе тащить можно. На переднюю часть плота старик положил шкурку чайки, шкуру белого оленя себе на колени положил. Сам сыновей посадил сзади, сказал им:

— Глаза закройте, не открывайте, пока не велю!

Зажмурили глаза Дютадэ и Мерагэ, сидят. Заколы-хался плот, заплескалась кругом вода. Слышат братья — олень фыркает, тяжёлое его дыхание слышат. Удивляются: откуда олень взялся? Посмотрели бы, да нельзя.

А это старик бросил на воду впереди плота шкуру белого оленя. Своим шаманством оживил его, заставил плот тянуть.

Наконец тише пошёл плот, тише... О берег толкнулся.

— Переправились! — старик сказал. — Открывайте глаза.

Братья смотрят — плот у другого берега стоит, а старик белую оленью шкуру складывает. Сложил, к земле ухом приник, слушает что-то. Потом заговорил:

— Теперь обидчик мою дочку в своё стойбище привёл. Их дыхание с дыханием многих людей вверх поднимается. Большое это стойбище, много там шитолицых. Три дня пути до него осталось. Отсюда пойдём крадучись, от чужого острого глаза оберегаясь.

Шли сторожко, где оврагом, где за деревьями хоро-нясь. Наконец дымки десяти чужих чумов увидели. За-легли в яме под корнями вывороченного дерева. Старик сказал:

— Надо дочку повидать, одну усторожить. Да ведь закричит, глупая, с перепугу. На нас врагов наведёт.

Мерагэ ответил:

— Я так устрожу, что не вскрикнет.

Подкрался поближе к стойбищу, затаился на опушке леса, ждёт. Ночь кончилась. Ранним утром вышла из чума его сестра, к лесу направилась, мимо брата прошла. Стала девушка валежник собирать. Тут Мерагэ, как стрела, к ней бросился. Обхватил её, рот зажал. Забилась девушка у него в руках, он ей тихонько сказал:

— Не бойся, это я, твой брат Мерагэ.

Девушка его обняла, заплакала. Тут и отец с Дютадэ подошли. Отец с дочерью заговорил:

— Где твой брат? Убил его твой похититель?

— Нет, не убил. Упросила я. А где теперь, не знаю. Верно, в живых нет.

Рассказала всё как было. Старик головой поник. Потом опять стал спрашивать:

— В жёны взял тебя обидчик?

— Нет, — дочь ответила, — работница я у него. Ему плохо, сплю мало.

— А кто он?

— Чинчир его зовут. Князь он шитолицых. Все его слушаются.

— Оружие у него какое?

— Нож-отказ. В полторы сажени рукоятка. Да лук со стрелами. С луком никогда не расстаётся. В чуме сидит — под рукой держит, спать ложится — кладёт рядом.

Старик говорит:

— Слушай теперь, не забудь ничего. Вечером, когда будет Чинчир спать ложиться, ты ему скажи: «У тебя одежда, как у всех людей стойбища. Нас, нганасанских девушек, с малолетства учат красивыми узорами парки и бакари расшивать. Дай и тебе разошью, чтобы твои люди сразу увидели, что не простой ты шитолицый, а Чинчир-князь». Даст он тебе одежду, ты парку жильными нитками между рукавами зашей, прошей бакари посреди голенища. Когда крепко заснёт Чинчир, возьми раздвоенную стрелу, остриями сделай на луке царапину-насечку.

Дочь головой кивает.

— Так и сделаю, отец, как ты велишь.

Отец говорит:

— Я ещё не всё сказал. Братьям твоим с Чинчиrom с глазу на глаз надо расправиться. Шитолицых хорошо

бы из стойбища увести. Вот как будет. На рассвете пробежит мимо стойбища белый олень. Когда увидишь его, Чинчир не буди. Шитолицы поднимай, скажи им: Чинчир велел за оленем гнаться. Теперь я всё сказал.

Девушка к Чинчиру с вязанкой хвороста вернулась. Ударил её Чинчир, закричал:

— Почему так долго ходила?

Девушка ответила:

— Место обжитое. Ваши женщины весь хворост поблизости выбрали, мужчины сухие деревья порубили.

— Разговаривай поменьше да еду вари скорей, — сердито сказал Чинчир.

Поел, ушёл. Девушка шкуры мять села, старается Чинчиру во всём угодить. Вечером сказала ему, как отец велел. Усмехнулся Чинчир, снял парку и бакари, работнице отдал, а сам спать лёг.

Девушка взяла парку, перед со спинкой сложила, длинным швом прошила посредине. И бакари посреди голенища прошила жильными нитками. Потом к луку тихонько подобралась, царапину-насечку на нём раздвоенной стрелой сделала.

Спит Чинчир, а девушка не ложится, сторожит бессонными глазами рассвет.

Когда совсем рассвело, вышла из чума, смотрит: вокруг стойбища белый олень кругами ходит. Девушка бросилась к чумам шитолицы, будит их, говорит:

— Вставайте, скорее! К нашему стойбищу пришёл белый олень. Чинчир велел его поймать.

Вскочили охотники, луки со стрелами взяли, девятисаженные мауты-арканы намотали на руку. А белый олень к верховьям реки помчался. Побежали ему вдогон шитолицы.

Чинчир в своём чуме от топота ног, от шума проснулся.

— Что там такое? — девушку спрашивает.

— Твои люди за белым оленем погнались, — она отвечает. — Может, и ты побежишь?

— Надо было меня раньше будить! — заворчал Чинчир. — Неужели я, князь, в хвосте у своего последнего охотника побегу!

Повернулся и опять захрапел.

Только стих шум погони, в стойбище прокрались Мерагэ и Дютадэ. Меткий стрелок Дютадэ ворвался в чум князя и выстрелил в спящего Чинчира. Но темно было в чуме после яркого солнечного света — стрела попала не в Чинчира, а пригвоздила к земле одеяло. Выбрался из-под него шитолицый, схватил лук, парку и бакари, располоснул ножом нюк и выскочил из чума.

Дютадэ метнулся за ним. Три раза стрелял на бегу. Но всякий раз то пригибался Чинчир, то отскакивал в сторону. Увернулся от стрел. Принялся надевать парку — не надевается она. Бросил парку Чинчир, попробовал натянуть бакари — не лезет в них нога. И их отшвырнул. Стал лук настораживать, в Дютадэ целиться, но лопнул, надвое переломился лук, поцарапанный концами раздвоенной стрелы.

Тогда Чинчир босой, без парки бросился бежать вдоль реки, вниз по течению. В кровь разбивает себе ноги о камни, но бежит. Не может его Дютадэ нагнать. Тут быстроногий Мерагэ, как стрела из лука, за ним полетел. Догнал. Схватились они на ножах, но оказался сильнее Мерагэ. Убил он Чинчира. Как раз Дютадэ подоспел. Вдвоём столкнули тяжёлое тело в реку.

Оглянулись — отец рядом с ними стоит. Грудь его тяжело ходит после долгого бега. Сказал отец сыновьям:

— Чуть не настигли меня шитолицы! Смолоду, когда я оленем оборачивался, легче бегал. А может, этот белый олень, в шкуру которого я влез, как и я, стар уже был. Однако сейчас шитолицы вернутся, след мой потеряв. Надо в стойбище идти.

Спрятались они в чуме Чинчира. Вовремя спрятались. Уже шитолицы один за другим в стойбище возвращаются. Вышла им навстречу дочь старика. Они у неё спросили:

— Где Чинчир?

— Спит крепким сном, не добудиться.

— А ты не буди. Может, хорошо выспится, не так станет сердиться, что мы не догнали белого оленя, след его потеряли.

Разошлись люди по своим чумам. Тут старик дочери так велел:

— Вот возьми шкурку чайки. Стань посреди стойбища, по пути солнца помахай ею. Налетят чайки, за их криком не услышат нас шитолицы.

Вышла девушка, махнула шкуркой раз, другой. Откуда ни возьмись, слетелись чайки, подняли крик, драки меж собой затеяли.

Тут и напали на шитолицы старик с сыновьями. С мужчинами — воинами Чинчира — бились, убивали. Женщин и детей не трогали.

Долго или недолго та битва шла, а только остался в стойбище лишь один паренёк. Не мужчина ещё, не промышленник, но уже и не мальчик. Занёс над ним нож Дютадэ, старик его за руку схватил.

— Не убивай! Воинов всех десяти чумов мы перебили. Плохое дело сделаем, если не оставим мужчину женщин и малых детей защищать, оленей охранять, путь

указывать при перекочёвках. Ну, парень, выбирай, сколько надо вам оленей под аргиши! Остальных мы с собой угоним.

Мать подростка поклонилась старику:

— За это ты своих внуков увидишь. Сыновья твои до седых волос доживут. Дочка хорошо замуж выйдет.

Теперь старик с сыновьями и дочерью в обратный путь пускаются. На четырех нартах возвращаются с победой. Везут с собой добро Чинчира. А у старика в сердце радости нет. Про жену старуху думает. Как ей сказать, что сына малолетку потеряли?

Трижды на ночёвки останавливались, до большой реки доехали. Через неё вместе с оленями переправились. Дальше аргиш гонят. Совсем недалеко отъехали, вдруг зоркий стрелок Дютадэ говорит:

— Человек за деревьями от нас хоронится. Может, какой шитолицый из стойбища Чинчира убежал. Нас подстеречь хочет.

Остановили аргиш. Мерагэ с нарты соскочил, сказал:

— Побегу. Если шитолицый, убью его!

Пробирается в глубь леса, тоже за стволами деревьев прячется, лук наготове держит. А тот чужой человек от дерева к дереву перебегает, только тень его видна. Почему-то короткая, маленькая тень. Мерагэ удивился, стрелять не

стал. Вышел, не таясь, на открытое место. Засвистела тут стрела. Мерагэ руку вытянул, на лету её схватил. Посмотрел — стрела из детского лука пущена. Узнал Мерагэ стрелу. Начал кричать:

— Не стреляй больше! Скорей сюда иди! Я брат твой, Мерагэ!

Высунулся из-за толстой лиственницы мальчик. Посмотрел недоверчиво, потом побежал к брату. Худой, одежда вся изорвана... Как только прожил один в лесу такое долгое время! Мерагэ ему руку на плечо положил, сказал:

— Ну, не пропал с голоду, от диких зверей уберёгся, — значит, мужчиной будешь, хорошим охотником!

— А я и так мужчина, — мальчик отвечает. — Большой лук себе мастерю, силы набираю, чтобы за сестру и за себя Чинциру отомстить!

Обнял Мерагэ мальчика.

— Мы уже за вас отомстили! — сказал. — Идём к аргишу. Там ждёт наш отец, брат Дютадэ и сестра с нами.

Радости много было, смеху весёлого, а слёз не было. Слёзы от счастья старуха мать лила, когда они все целые и невредимые домой вернулись.

Тут и конец старой сказке!

ПРОМЫШЛЕННИК ЯНДАКО

Ненецкая сказка

У самого устья большой реки чум стоял. Наполовину рваной оленьей шкурой покрыт, наполовину — берёстой. Жила в этом чуме старуха с внуком. Подрос внук, старуха сказала:

— Теперь ты, Нардалико, уже большой стал, пора тебе меня кормить.

Принялся Нардалико песцов промыслять, рыбу ловить. Кое-как сыты они со старухой. А чум покрыть, новую одежду справить никак не могут.

Однажды недалеко от их чума стали стойбищем два брата, богатые оленщики. У этих братьев десять тысяч оленей было.

Подумал Нардалико и пошёл к ним в пастухи наниматься.

Взяли его братья, богатые оленщики, в работники на год. Через год обещали с каждой тысячи голов по одному оленю дать. Обрадовался Нардалико.

«Через год, — думает, — сам оленщиком стану. Попрошу восемь важенок и двух быков. Лет через пять у меня большое стадо вырастет. Будет у нас и чум новый, и мяса вдоволь!»

Стал Нардалико пасти оленей. Днём выбирает ягельные места, туда оленей перегоняет. Ночью не спит, стадо от волков бережёт. Олени жиреют, Нардалико худеет. У оленей шерсть сделалась густой и блестящей, у Нардалико из старой малицы последние волосинки вылезли.

Вот и год к концу подошёл. Пригнал Нардалико оленей к чумам хозяев и говорит:

— Все старые олени целы. И прирост в стаде большой. Всего десять маленьких оленят пало.

— Ай, жалко, — говорит старший оленщик. — Хорошие были оленята, крепкие. Мы с братом тебе их отдать собирались. А ты не уберёг их. Сам виноват.

— Что ты, брат, — говорит младший оленщик, — нельзя человека с пустыми руками отпускать. Своих оленей он не уберёг, заплатим ему хоть деньгами.

Дали богатые хозяева своему работнику за год службы десять копеек — по копейке с тысячи голов.

Взял Нардалико копейки и пошел прочь из богатого стойбища.

Немного прошёл, видит — охотник тащит на верёвке облезлую собачонку.

— Куда собаку тащишь? — спрашивает Нардалико.

— Топить веду, — отвечает охотник. — Плохая собака, на охоту не ходит, только есть просит. Кому такая нужна?

— Может, мне пригодится, — говорит Нардалико. — Не топи её, продай лучше мне.

Отдал Нардалико десять копеек охотнику, взял себе собаку.

Приходит в свой чум, а тот уже почти совсем развалился. Старуха спрашивает внука:

— Где же твои олени, Нардалико?

— Олени ещё будут, пока собаку привёл.

Заплакала старуха, а Нардалико смеётся, песни поёт.

Пошел он на охоту, убил двух песцов. Привязал этих песцов на спину собачонке, на заднюю ногу ременную петлю ей накинул, ремень к чуму протянул. Потом отвёл собачонку в тальниковые кусты, кость ей бросил, а сам быстро побежал к стойбищу братьев-оленщиков.

— Приходите ко мне в гости, хорошие люди, — говорит. — Вы меня богато наградили, хочу вам почёт оказать.

«Глупый этот работник, — думают оленщики, — мы его обманули, а он спасибо говорит. Если хочет, пускай угощает. Зачем даровую еду упускать?»

Выбрали они самых лучших оленей, запрягли две упряжки и поехали к Нардалико в чум.

В чуме старуха на чай воду кипятит, мороженую рыбу строгает.

Сели братья-оленщики у огня. Пока чай готовится, с Нардалико беседу ведут.

— Много ли песцов промышляешь? — спрашивают.

— Я сам не промышляю, — Нардалико говорит. — За меня собака промышляет. Хорошая собака, Яндако зовут. Я её на те копейки купил, что вы мне за работу заплатили.

— Как собака одна промышлять может? — смеются оленщики, а у самих глаза от жадности загорелись.

Нардалико говорит:

— Вот погодите, Яндако как раз на охоту пошёл. Посмотрим, что сегодня принесёт.

Стали чай пить. По две чашки выпили. Тут Нардалико потихоньку за ремень дернул. Яндако зарычал, больно ему.

— Бабушка, — говорит Нардалико старухе, — слы-

шишь, промышленник Яндако пришёл, песцов приволок. Иди, принимай добычу.

Старуха вышла. Яндако в чум привела. У Яндако на спине два песца лежат.

Нардалико браниться стал.

— Зачем ленишься! Почему только двух песцов принес? Вчера семь было.

Переглянулись оленщики.

«Вот так собака, — думают, — нам бы такую!»

Младший брат спрашивает:

— Собака по семь песцов приносит, почему же у тебя чум плохой?

— А вот как напромышляет Яндако побольше песцов, поставлю новый чум и весь его песцовыми шкурами покрою.

Тут совсем поверили оленщики.

Старший брат говорит:

— Продай нам эту собаку, мы тебе много денег за неё дадим.

— Не хочу много денег, — отвечает Нардалико. — Заплатите мне оленями.

— Ладно, — говорят оленщики, — поедem к нам в стойбище, сам отберёшь себе оленей.

— Никуда и ехать не надо, — отвечает Нардалико, — отдайте мне за Яндако тех оленей, что в упряжке стоят перед моим чумом. А не хотите, не получите собаку.

Что было делать братьям-оленщикам? Самые лучшие олени у них запряжены, жалко их отдавать. И домой далеко пешком добираться. Да как такую чудесную собаку из рук выпустить!

Распрягли они оленей, одну нарту бросили, в другую сами впряглись. На нарты промышленника Яндако посадили. Сидит Яндако на нарте, хвостом машет. Оленщики еле бредут, в снегу вязнут, пот с них градом катится.

Трое суток до своего стойбища добирались, в сугробах ночевали. Чуть не пропали в пути.

Наконец пришли. Первым делом Яндако сытно накормили. Потом сами поели и спать легли.

Утром встали, из чума выглянули — пошёл ли промышленник на охоту? Яндако против чума сидит, ждёт, когда есть дадут. Опять накормили собаку жирным оленьим мясом. Она поела и спать улеглась.

— Завтра, видно, пойдёт промышлять, — говорят оленщики.

И на завтра то же было. Не идёт Яндако на охоту, на шаг от чума не отходит. Понравилось ему жирное оленьё мясо.

— Иди, Яндако, песцов ловить! — кричат оленщики.

А Яндако лежит в снегу, на братьев лает — зачем его от сытной еды в тундру гонят!

Через десять дней поняли оленщики, что обманул их Нардалико.

За это время Нардалико далеко откочевал. На новом месте чум поставил. Хорошо жить начал.

Богатые оленщики жадные были, Нардалико хитрый. Что ему добром за работу не отдали, то он хитростью вернул.

Вот и всё.

ДЕРЕВЯННЫЕ НЕВЕСТЫ

Ительменская сказка

Жил когда-то охотник Кутха из рода ворона. Была у него жена Мита, два сына и дочь. Ходил Кутха зверя промышлять, рыбу ловил, хорошо жили.

Однажды отправился Кутха на морской берег сивучей бить. Их лежбище далеко было, за ручьём, что в море впадал. Под вечер только к тому месту добрался и заночевал там.

К утру поднялся сильный ветер. Морской вал запер воду в ручье, забурлила вода, разлилась широко. Был ручей — стала река, не перейти её. На лодке бы переехать — да лодки у Кутхи нету. Худо! Придётся ждать-переждать, пока ручей в берега войдёт.

И сивучей нет. Видно, в море ушли. Сидит Кутха, скучает, делать ему нечего. Тут как раз волны выбро-

сили на берег большую деревину, прямо к ногам Кутхи её подкатило. Вынул Кутха нож, стал ножом баловаться.

Ковырнул раз, ковырнул два — глаза получились. Обтесал сучок — нос торчит, прорубил щель — вот тебе и рот, с губами, с зубами.

— Однако, хорошая игрушка выходит! — сказал себе Кутха. — Надо её как следует сделать.

Принялся острым лезвием осторожно водить. Тонкую стружку снимает, раньше, чем нож в дерево воткнуть, подумает, примерится. Целый день провозился. К вечеру смастерил. Ай да Кутха, молодец! Какую красивую девушку из деревины вырезал!

Ночь проспал. Наутро смотрит — ручей ещё больше вздулся, ещё шире разлился. Хорошо жена Мита Кутхе в мешок еды с запасом положила.

Поел Кутха. По берегу походил — нет сивучей, как не бывало. Зато ещё одно бревно волной на берег выкинуло.

— Эх, сделаю вторую девушку, чтоб первая не скучала!

И опять за нож взялся. Целый день трудился, будто жизнь свою спасал. Кто ему велел, кто заставлял? Сам себе велел, своя охота заставляла!

К вечеру вырезал девушку, может, лучше первой, может, не лучше. Обе красивые!словно родные сёстры, друг на друга похожи. Кутха им даже имена дал. Ту, что вчера вырезал, Синаневт назвал. Ту, что сегодня — Амзакчан.

И на следующий день не пришлось Кутхе домой вернуться — всё ручей не пускал. Скучно ему. Посмотрел он на свои игрушки, вздохнул, сказал:

— Вот две девушки передо мной, а поговорить не с кем!

— С нами поговори! — девушки сказали.

Удивился Кутха, обрадовался. Значит, хорошо он их вырезал, если ожили! Поговорил он с девушками, еду последнюю из мешка вынул, на три части разделил. Одну себе взял, две перед ними положил.

— Ешьте! — говорит.

— А как есть? Мы не умеем, — отвечают девушки.

Кутха их есть научил, ходить научил, плясать научил. День до вечера совсем незаметно прошёл. Стемнело. Кутха девушкам говорит:

— Спите!

И сам заснул.

Утром проснулся, видит — ветер улёгся, море успокоилось, ручей в берега вернулся. Домой идти можно. Кутха собрался, пошёл. На прощанье девушкам сказал:

— Вы тут живите. Я к вам скоро приду.

— Скорей приходи! — девушки ответили.

И правда, не долго ждали. Прибежал Кутха, принёс им всякой еды. Накормил, поиграл с ними.

Так вот и повелось у Кутхи. День, два поохотится, на третий — к своим игрушкам, деревянным девушкам, идёт. Жена его Мита сердиться стала.

— Куда надолго уходишь? Где пропадаешь? Еды с собой много берёшь, добычи мало приносишь!

Кутха ничего не ответит, опять уходит. А Мита ещё больше злится, ещё громче его ругает. Кутхе это не нравится, он тоже сердится. На жену рассердился и на девушек рассердился.

— Я вот вас кормлю, а жена меня ругает! И зачем я вас сделал?!

Обиделись деревянные девушки. Та сестра, что на один день старше, сказала младшей сестре:

— Не ешь его еду.

— Не стану есть, — говорит младшая.

Кутха испугался.

— Ешьте, ешьте!

— Не будем, — отвечают. — Есть твоё не будем и играть с тобой не будем!

К ним шёл Кутха хмурый, как туча с дождём, назад возвращался мрачный, как туча с громом.

А девушки, едва Кутха ушёл, принялись ягоду голубику собирать. Собирают ягоды, одну к другой кладут. Столько набрали, что сложили большого кэлеюнгэ-кита.

Лежит голубичный кит, как настоящий, только плавниками не шевелит, хвостом не бьёт. Сказали ему сёстры:

— Мы сами деревянными были — живыми стали. Оживи и ты, голубичный кит!

Тут кит плавниками забил, хвостом шевельнул. Сели на него сёстры и уплыли в море.

Плывёт кит по морю вдоль берега, мыс огибает, где Кутха живёт. Мита увидела, Кутхе закричала:

— Смотри, муженёк! В море кэлеюнгэ-кит плывёт! Кто-то на спине у него сидит.

Кутха выскочил, посмотрел. И правда, кто-то у кита на спине сидит.

«Не деревянные ли это мои девушки-игрушки?» — подумал и к ручью побежал.

Нет там девушек. Значит, они это были. Досадно стало Кутхе. Его игрушки, сам их сделал, а они ушли, не сказали, не спросились! Как же найти их теперь?

А кэлеюнгэ-кит всё плывёт. В открытое море ушёл.

— Земли отсюда не видать, — сказала старшая сестра младшей. — Пойди к голове кита. Она высоко над водой вздымается, может, оттуда прибрежные скалы увидишь.

Пошла Амзarakчан, на голову кита, как на гору, взобралась. Осмотрела всё кругом, нет суши, ни вблизи, ни вдали.

Сколько-то ещё плыли. Пошла старшая сестра Синаневт к хвосту кита. И оттуда земли не увидала.

— Неужели мы водяными девушками, морскими женщинами стали? — говорят друг другу сёстры.

Но тут буря поднялась, ветер с открытого моря к берегу задул. Понесло кэлеюнгэ-кита к земле. Быстро понесло. Не успели девушки бури испугаться, как большая волна кита на сушу выбросила. Рассыпался кит, раскатилась ягода-голубика по каменистому берегу. Ту ягоду сёстры потом долго меж камней собирали и ели.

Они на этом месте жить остались. Пустынное здесь место было. Никого кругом — ни зверя, ни человека.

Скучно девушкам, о чём говорить, не знают — много ли они в своей короткой жизни видели?! Молчать ещё скучнее.

— Помнишь, Кутха рассказывал, что людям сны снятся, — говорит старшая сестра.

— Помню, помню! — говорит младшая. — Если сладкую траву кипрей под голову положить, плохие сны снятся, а шикшу положить — хорошие.

— Давай и мы так сделаем, — сказала старшая. — Увидим сны, друг другу рассказывать будем.

Синаневт себе кипрей под голову положила, Амзarakчан — шикшу. Утром проснулись, одна кричит:

— Я расскажу!

Другая кричит:

— Я расскажу! Мне хороший сон снился.

И принялась рассказывать. Приснилось ей, будто она с сестрой тучками стали. По небу плывут, на землю смотрят. Видят, как охотники за зверем гонятся, как люди в лодках рыбу ловят, как женщины хворост собирают, как играют дети.

— И правда, хороший сон тебе, Амзarakчан, приснился. Весёлый! — сказала Синаневт и начала свой рассказывать.

Приснилось ей, будто она снова деревом стала. В лесу растёт. Всё понимает, а с места не сдвинуться. Ноги-корни глубоко в землю ушли. Руки-ветки под ветром колышутся, а сами ни до чего дотянуться, ничего взять не могут.

— Видишь, какой плохой сон мне приснился! — говорит. — Теперь я шикшу под голову подложу, а ты кипрей.

Ночь проспали, утром опять одна другой сны рассказывают.

Амзarakчан вот что увидела. Сидят два воронёнка в гнезде. Уже подросли, крылья у них окрепли. Хотят

из гнезда вылететь, а старый ворон их не пускает. Крыльями бьёт, когтями царапает. И еще смеётся над воронятами. Кар-р, кар-р — клюв разевает до самой глотки.

— Не нравится мне твой сон, — сказала Синаневт. — Жалко воронят. Зато я хороший сон видела. Вот послушай. Будто кругом меня люди. Я огонь развожу, огня не боюсь. Пищу готовлю в котле. Вода кипит, булькает! Пар над котлом вкусным пахнет, вкуснее той еды, что Кутха нам приносил.

— Правда, хороший сон! — сказала Амзarakчан. — Знаешь, Синаневт, давай обе будем одни хорошие сны видеть. И ты, и я станем шикшу подкладывать под голову.

— Ладно, — согласилась сестра.

Только не пришлось им больше друг другу сны рассказывать. В этот же день много такого случилось, что и во сне не приснится.

С одного края леса выбежал на полянку олень, с другого края — выскочил медведь. Стали они биться. Олень старается крепким копытом медведя ударить, рогом его пропороть. Медведь на задние лапы вздыбился, ревёт, норовит оленю хребет сломать.

Синаневт и Амзarakчан за кусты спрятались, к дереву прижались. Смотреть страшно и глаз оторвать нельзя.

Рассказывать долго, а недолгой битва была. Упали на землю медведь и олень. Мертвыми упали. Олень медведя острым рогом пронзил, медведь оленя тяжёлыми когтистыми лапами задрал.

Девушки к мёртвым зверям подошли. Амзarakчан говорит:

— Жалко мне оленя!

— И медведя жалко, — говорит Синаневт. — Только знаешь, сестра, может, это к лучшему. Зима уже настала,

мы с тобой замёрзнем. Давай шкуры с них снимем, выскоблим, себе жилище сделаем.

Амзаракчан сняла шкуру с оленя, скоблит, трудится. Синаневт медвежью шкуру сучком вспорола, тоже скоблить принялась. Вдруг разом обе подняли головы, прислушались. Кто-то идёт, снег скрипит у кого-то под ногами.

— Кутха это! — закричала Синаневт. — Давай спрячемся под шкурами, чтобы нас не узнал.

Натянули они на себя шкуры. Синаневт — медвежью, Амзаракчан — оленью. Кутха на поляну вышел, увидел медведя, испугался, убежал.

Сёстры одни на поляне остались. Посмотрела Синаневт на Амзаракчан — не младшая сестра перед ней, а легконогий олень с ветвистыми рогами. Посмотрела Амзаракчан на Синаневт, видит — не сестра это, а большая злая медведица. Страшно ей стало. Медведица кричит:

— Убегай поскорей! А то брошусь на тебя, загрызу. Я и вправду медведицей сделалась!

Олень-Амзаракчан закинула рога на спину, помчалась прочь. Копыта её искры из камней высекают. Широкий круг обежала и назад вернулась. Жалко с сестрой расставаться.

Глядит — медведица-сестра верёвку из морской травы себе на шею накинула, другим концом к дереву привязалась. На верёвке вокруг дерева ходит, на младшую сестру-оленья зубы злобно оскалила.

— Зачем вернулась?! — рычит. — Я тебе сказала: прочь уходи!

Опять убежал олень. Совсем убежал в тундру. Мимо мыса, где жил Кутха, быстрее птицы пронёсся. Никто его не заметил, только младший сын Кутхи, Сосыльхан, увидел. И людям рассказал.

Люди живо на охоту собрались. Запрягают в лёгкие

нарты ездовых оленей. И Сосыльхан у своего отца, Кутхи, оленей просит. А Кутха из рода ворона оленей не даёт, да ещё над сыном смеётся.

— Куда тебе с людьми! Неловкий ты! Охотиться ещё не научился!

Нет оленей — Сосыльхан двух мышат поймал и запряг их в корытце. Сам в корытце сел, лук со стрелами на колени положил, мышат вперёд погнал. Увидели это люди, хохочут, надрываются.

— Далеко ли на мышатах уедешь!

Сосыльхан молчит, мышата во всю мочь несутся. Меж скал на морском берегу оленям не пройти, объезжать надо. Сосыльхановы мышата всюду пролезают, корытце через любую расселину протаскивают. Сосыльхан первым в тундру выехал, первым оленя увидел. Натянул лук, пустил стрелу с кремневым наконечником, убил оленя.

Тут только люди подъехали на своих нартах, видят — Сосыльхан хочет оленя пластать. Не дали ему,

сами вынули ножи. Начали пластать, не могут: ножи ломаются! Тогда Сосыльхан со своим ножом к оленю подступил. Едва разрезал шкуру на брюхе, оттуда, как из воды, красавица девушка вышла.

Люди девушке говорят:

— На какие хочешь нарты садись!

Она мимо всех нарт прошла, у Сосыльханова корытца остановилась, сказала:

— Он меня добыл, с ним и поеду!

Только села в корытце — корытце нарядными нартами сделалось, мышата пёстрыми оленями обернулись. Сорвались с места, понеслись. Люди со стыдом сзади тащатся.

Сыру, сестра Сосыльхана, смотрит в окно — снег метёт. Выскочила, воду носит, сухую траву запасает. Ой, пурга идёт, сколько дней выйти нельзя будет!

А это и не пурга вовсе. Это Сосыльхан со своей невестой домой едет. Снег из-под копыт его оленей в стороны летит, за нартой метелицей завивается.

Кутха гостей на свадьбу сына созвал. Много людей пришло. Звери из тундры, из леса прибежали, птицы прилетели, рыбы к мысу подплыли. Сыру, сестра Сосыльхана, сказала:

— Брат мой лучше всех мужчин на свете, и жена его, Амзarakчан, как месяц блестит, как солнце сияет!

А Кутха на жену сына смотрит, молчит. То ли узнал свою игрушку, то ли не узнал деревянную девушку, сам знает, ничего не говорит.

По-хорошему зажили Сосыльхан и его жена. Однако замечает Кчиллю, старший брат Сосыльхана, что грустна молодая женщина, плачет втихомолку, вздыхает.

— Что с тобой? — спрашивает. — Какое горе таишь?

— По сестре горюю, скучно мне без неё.

— А где же твоя сестра?

— Медведицей она стала. Чтобы никому зла не при-

чинить, привязала себя к дереву. Сидит на морском берегу одна.

Кчиллю к отцу своему, Кутхе, пошёл, оленей просит. Кутха из рода ворона не даёт.

— Нечего без дела оленей гонять! Дома сиди.

Тогда Кчиллю по следу младшего брата отправился. Поймал двух мышат, в корытце запряг, к морскому пустынному берегу упряжку направил.

Люди из селения Кутхи увидели это, говорят:

— Недаром Кчиллю на мышатах куда-то собрался. Видно, за дорогой добычей. Поедем и мы за ним.

Запрягли в нарты оленей, поскакали. Обогнали мышиную упряжку, раньше Кчиллю на морской пустынный берег успели. Увидели большую медведицу, что на верёвке у дерева сидит. Стали в неё стрелы пускать. Отскакивают от неё стрелы, разбиваются каменные наконеч-

ники. Кончились у охотников стрелы, а подойти к медведице, схватиться с ней — боятся.

Тут как раз Кчиллю приехал. Одну только стрелу пустил — упала медведица мёртвой. Бросились охотники к убитому зверю. Вынули ножи шкуру с него снимать. Все ножи переломали, ничего сделать не могут. Кчиллю подошёл, ножом прикоснулся, шкура под лезвием сама надвое распадается. Едва брюхо надрезал — оттуда, как из воды, красавица девушка вышла.

Люди закричали:

— К нам садись! На наши красивые нарты!

Девушка мимо всех нарт прошла, у мышиной упряжки остановилась, сказала:

— Кто меня добыл, с тем и сяду!

Села в корытце. Уже не корытце это, а нарядная нарта. И не мышата в неё запряжены, а быстрые ездовые олени. Разом олени с места сорвались, далеко позади себя все упряжки оставили.

Вдоль селения олени Кчиллю несутся, из-под копыт снег летит, за нартой метелицей завивается. Жена Кутхи, Мита, своей дочке говорит:

— Эй, Сыру, пурга идёт! Наноси воды, сухой травы натаскай! Сколько дней из дому выглянуть нельзя будет!

Вышла Сыру, но воды носить не стала, не стала таскать сухую траву. Недолго ждала, показались над поёмкой ветвистые рога ездовых оленей. Остановилась упряжка у самого дома. Это старший её брат Кчиллю молодую жену привёз!

Посмотрела Сыру, сказала:

— У младшего брата, Сосыльхана, жена красивая, а у старшего, Кчиллю, вдвое красивее. Мне бы такой быть!

Тут выбежала из дому Амзarakчан, бросилась к Синаневт. Обнялись сёстры, от радости засмеялись, потом

заплакали, потом опять засмеялись. Так, смеясь и плача, в дом вошли.

Опять Кутха гостей созвал. Люди пришли, звери прибежали, птицы прилетели, рыбы приплыли. Ели, пили, веселились, жену Қчиллю хвалили.

А когда разошлись все, Кутха спросил у жён сыновей. Тихонько спросил, чтобы никто больше не слышал: — Вы зачем от меня убежали?

Ответили сёстры:

— Ты нас из дерева вырезал, мы живыми стали. А ты с нами как с игрушками играл. От людей прятал, едой попрекнул.

Стыдно сделалось Кутхе, он голову опустил. Потом сказал:

— Однако хорошо вышло. У сыновей моих теперь красивые жёны есть.

Все вместе зажили. Счастливо жили.

ЧУЖАЯ УРАСА

Юнагирская сказка

Как-то под вечер сидели в своей уресе три брата. Имя у старшего — Лошийя. У среднего — Лопчуо. А младшего брата звали Акчин-хондо. Делать им нечего было. Старший брат сказал:

— Давайте песни петь, голоса пробовать. Я первый начну.

Начал, запел:

— Лошийя-я! Шийя! Лошийя!

Спел так, похвалил себя:

— Хороший у меня голос. Теперь ты пой, — говорит среднему.

Средний запел:

— Лопчуо-о! Чуо! Лопчуо!

Спел, сказал:

— И я хорошо пою! Посмотрим, как наш младший споёт.

Младший запел:

— Акчин-хондо! Хондо-хондо! Акчин!

Кончил. Братья говорят:

— Что ж, и у него получается. Теперь давайте все вместе споём.

Запели. Каждый своё поёт. Никак песня не складывается. Старший на младшего рассердился. Младший — на среднего. Средний — и на младшего, и на старшего:

— Зачем свои имена поёте?! Моё пойте. Тогда песня сложится.

— Из твоего имени песня не ладится! Моё петь надо! — кричит старший.

— А я ваших имён и знать не хочу! — младший бранится. — Своё знаю!

И затанул:

— Акчин - акчин - акчин - хондо! Хондо-хондо-до-до-акчин!

Средний брат и старший брат на него набросились. Бить его стали. И он им спуску не даёт.

Котёл опрокинули, огонь в очаге залили. Катаясь по полу, стрелы изломали.

Старший сказал:

— Однако, в уресе плохо драться. Пошли наружу!

Пошли братья наружу. Принялись на траве драться. Старший младшего на землю повалил. Лежит младший на спине, лицом кверху. Увидел над собой звёздное небо, закричал:

— Стойте, братья! Беда идёт!

— Какая беда? Где беда? — закричали средний и старший.

Младший вскочил, на небо пальцем показал.

— Смотрите, чужие люди сухой тальник зажгли. Дорогу себе огнём освещают! На нас войной двинулись!

Братья испугались.

— Убегать надо! Их много, нас мало!

Побежали к реке, в лодку-стружок прыгнули, за вёсла схватились. Гребут, как песню в уресе пели. Один — назад, другой — вперёд, третий — вёсла опустит, поднимет — ни назад, ни вперёд!

Лодка-стружок на месте крутится. Вода о борта плещется. Кажется братьям, что лодка их быстро идёт.

Старший вверх взглянул, говорит:

— Гонятся!

Опять гребут. Средний вверх взглянул, закричал:

— Как будто отставать начали!

Ещё вёслами помахали. Младший задрал голову, сказал:

— Отстали!

А это уже светает. В сером небе звёзды померкли. Не видно горящих тальниковых прутьев в руках у вражеских воинов.

— Знаю, почему отстали, — сказал старший брат. — Они нашу урасу грабят!

— Ясное дело, грабят! — сказал средний.

— Котёл унесут, шкуры унесут! Что делать?! — убивается младший.

Вдруг видят братья — стоит на берегу ураса. Хорошая, большая ураса.

— Верно, это вражеских воинов жилище, — говорит старший.

— А чьё же?! — средний отвечает. — Конечно, их.

— Если они наше жилище грабят, мы их урасу разорим! — закричал младший и выпрыгнул из стружка.

За ним двое других выскочили. С криком бросились к вражескому жилью.

Шесты изломали, сорвали шкуры. Котёл схватили,

в лодку унесли. Опять роются на том месте, где чужая ураса стояла. Младший лук нашёл. Поднял его и закричал:

— А ведь это мой лук! Я сам его делал!

— Не может того быть! Глупости говоришь, — отмахнулся старший.

Сказал так и свой лук увидел.

— Послушай, — толкнул он среднего. — Кажется, Акчин-хондо не совсем глупый. Я тоже свой лук нашёл.

А средний брат, по имени Лопчуо, третий лук в руках держит, осматривает, головой качает.

— Луки, выходит, наши. Может, и ураса наша?

Разобрали шкуры, что в кучу сбросили, всё узнали.

— Вот этого оленя я убил!

— Этого — я!

— А эта медвежья шкура нам ещё от отца досталась!

Посмотрели братья друг на друга. Друг у друга спросили:

— Как же так вышло? Всю ночь гребли, к своей же урасе приплыли.

И решили братья: не иначе, какой-то шаман их песне позавидовал, туман на их глаза, в их головы наслал.

Так они решили, так подумали. До одного не додумались: у этого шамана имя есть — сами догадайтесь какое!

ТИГР У ДВЕРИ
Негидальская сказка

Пять человек в тайгу собираются, самострелы ставить. Шестой человек с ними просится:

— Возьмите меня с собой, я тоже промышлять хочу.

Пятеро говорят:

— Не промышленник ты ещё! Молод очень. И отец твой рано умер, ничему тебя научить не успел. От такого охотника что в тайге проку?

Мальчик на своём стоит:

— Возьмите! Я около вас учиться буду.

Один из охотников сказал:

— Так просит, почему не взять?

Согласились, взяли.

В тайге у охотников деревянный балаган стоял. В балаган пришли, там ночуют.

Рано утром проснулись, самый старший говорит:

— Плохой сон мне приснился! Будто тигры к нашему балагану пришли, перед дверью сидят.

Приоткрыл дверь другой охотник, поглядел, назад отпрянул. Правда — пришли к балагану тигры, перед дверью сидят. Шесть тигров хвостами по земле метут, усы топорщат. Как тут из балагана выйдешь?

День дрожат в балагане охотники, ночью не спят, трясутся. Утром выглянули — пять тигров ушли, один остался.

— Ну, и этого пересидим, — друг другу сказали.

Пять дней сидели, приели все запасы, от жажды пропадают. А выйти боятся — тигр от двери не отходит.

На шестой день старший охотник сказал:

— Этот тигр, пока одного человека не съест, не уйдёт!

Все молчат: «нет» не говорят — боятся трусами показаться, «да» не говорят — не хотят тигру в пасть лезть.

Тут старший опять сказал:

— Чем шестерым пропадать, пусть лучше один погибнет.

Младший спросил:

— Кто же пойдёт?

— Ты и пойдёшь! — закричали охотники. — У нас жёны, дети, а ты всё равно что сирота. Одна мать у тебя, да и то старая.

Что мальчику делать? Распахнул дверь, стал на пороге. И тигр к порогу подошёл. Хочет мальчик под его брюхом проползти, тигр большую голову пригибает. Хочет перескочить, тигр задирает голову вверх. Тогда мальчик будто вниз бросился. Нагнул тигр голову, мальчик на голову тигра ногой опёрся, подпрыгнул, за ветку дерева схватился. Всё выше и выше лезет. Взревел тигр,

по дереву лапой ударил так, что затряслось оно от корней до верхушки. Потом разбежался, прыгнул да прямо в развилку дерева головой угодил. Повис, лапами бьёт.

Тут охотники выскочили из балагана.

Мальчик им с вершины дерева кричит:

— Пускайте скорее стрелы в тигра, пока он из развилки не выбрался!

Охотники не слушают, в разные стороны понеслись.

— Эх, вы! Меня одного в беде оставили! — вздохнул мальчик. — Хорошо, что тигр крепко застрял.

Спустился он по боковым веткам на землю, сказал тигру:

— Хотел меня съесть, сам добычей дерева стал!

Душит дерево тигра, ничего он ответить не может, только смотрит на мальчика. Из левого глаза светлая слеза у него катится. Пожалел его мальчик.

Взял топор в балагане, стал сук рубить, что от ствола в сторону отходил. Недолго и рубить пришлось, затрещал сук под тяжестью тигра, сломался. Тигр на землю упал.

Мальчик говорит:

— Что сделал, то сделал, а врага к жизни вернул.

Тигр ему отвечает:

— Не врагу, а другу ты жизнь подарил. Я тебе за это охотничью удачу дам.

Попрощался с мальчиком и ушёл.

Мальчик думает:

«Надо свою удачу попробовать!»

Пять петель поставил на соболя. В балагане спать лёг. Выспался, пошёл петли осматривать. В одну только петлю светлый летний соболь попался.

— Эта добыча — не добыча! — сказал себе. — Много ли за такого выручишь?! Видно, обманул меня тигр.

Однако опять петли наставил. В этот раз ему в три

ловушки хорошие соболя попались. Так и пошло. Каждый день добыча. Под конец таких трёх соболей добыл, что и цены им нет. Тёмный пушистый мех у них, встряхнёшь шкуру — блеск по ней бежит. Лик-лимп такие соболя называются.

— Теперь не стыдно и домой вернуться! — сказал себе мальчик.

Отправился. Пока светло было, у селения пережидал, в кустах прятался. Ночью в свой дом прокрался, богатые меха в сундук спрятал, только одного светлого летнего соболя на виду оставил. Стал крышку закрывать, заскрипели петли. Тут проснулась мать. Сына обняла, заплакала. Сказали ей, будто сына тигр растерзал. Столько она слёз пролила, что, думалось, все выплакала, а теперь на радостях полились ручьями. О том, что добычи не видно, не горюет, на светлого соболя даже не глянула. Что ей соболя, когда сын живой!

Наутро по всему селению слух пронёсся — вернулся мальчик! И ещё друг другу передавали, что не с пустыми руками пришёл. Как это проведали? Откуда узнали? Да очень просто: ведь всем известно: если тигр смерть не принёс, значит, удачу подарил.

Ещё и солнце невысоко поднялось, прибежал к мальчику богатый сосед, тот, что всегда у охотников меха скупал.

— Ну, показывай добычу, — говорит.

Мальчик светлого соболя показал.

Покачал головой богач.

— Разве пришёл бы к тебе из-за такой дрянной шкурки!

Мальчик ему отвечает:

— Кто для второго шага ногу занёс, тот должен был и первый шаг сделать.

— Однако ещё до мужчины не дорос, а уже хитрости научился! — удивился купец.

— Под лапой тигра один миг за год считается, — мальчик ответил.

— Ну ладно, куплю у тебя этого соболя, дальше показывай.

Стал мальчик из сундука соболей вынимать. Сперва те, что поплше, сбыл, потом те, что получше. За каждую шкурку деньги берёт, отдаёт матери. Только под самый конец вытащил трёх бесценных соболей лик-лимп, разложил перед богачом. У того глаза заблестели, руки затряслись. Все деньги он из мешочка высыпал, даже считать не стал. Схватил соболей, побежал к себе!

Ушла нужда из дома мальчика. Теперь, когда охотники в тайгу ходили, мальчика с собой звали — он не только сам добычлив, а и другим удачу приносит. Молодой охотник со всеми ходил, не отказывался. Лишь с теми пятью, что его на волю тигра бросили, никогда вместе не охотился.

НИНВИТЫ-ЛЮДОЕДЫ

Корякская сказка

Пошли три женщины в тундру по ягоды. Осенью было это, в пору, когда ягоды поспевают. Много уродилось голубики и морошки. Берут женщины ягоду, всё дальше и дальше уходят от стойбища. Спohватились, когда солнце село, темнеть начало.

Охотник, тот и ночью умеет по разным приметам дорогу найти. А женщины больше в стойбище работают по хозяйству, откуда им такие приметы знать?! Заблудились женщины. Идут-бредут. Может, вперёд, может, назад.

Одна в сторону отбилась, потом другая. И все три испугались. Стали голос друг другу подавать, опять сошлись. Теперь кучно держатся.

Одна говорит:

— Давайте покричим. Может, из стойбища нам ответят. — И закричала: — Эге-гей!

— Э-э-й! Откуда-то издалека донеслось к ним.

То ли эхо, то ли и вправду кто-то их услышал.

Тут уж все трое закричали:

— Здесь мы! Иди сюда! Иди-и!

— Идём! — ближе уже раздаётся.

Вот и шаги слышались. Женщины обрадовались — помощь близко! Вдруг, словно из-под земли, выросли перед ними трое мужчин. Чужие мужчины, не из их стойбища. Женщины друг к другу прижались — какие-то не такие эти мужчины! Головы у них большие, ноги короткие, руки длинные.

Младшая женщина шепчет:

— Давайте убежим!

Средняя ей в ответ:

— Всё равно догонят!

Старшая их за руки схватила.

— Глупые, разве можно от помощи отказываться?..

А мужчины сказали:

— Хо-хо! Сами нас позвали, теперь идём в наше стойбище!

Их стойбище недалеко оказалось — одна большая юрта среди голой тундры. В этой юрте ещё слепая старуха жила, видно, мать мужчин.

— Привели? — старуха спросила хриплым голосом.

— Привели! — отвечает один. — Сама дичь в руки далась!

— Богатая добыча! — хвалится второй.

— Поедим мяса! — смеётся третий.

Тут поняли женщины — попали они к нинвитам-людоедам!

А старуха уже очаг разжигает, большой котёл с водой на огонь ставит. Мужчины ножи вытащили, точат их.

Женщины друг на друга не смотрят, а все одинаково думают:

«Хоть бы дали бы ночь прожить».

Только так подумали, зевнул старший нинвит, сказал:

— Ого! Чего-то спать захотелось. Пока резать, пока варить, до утра как раз и провозишься. Давайте лучше завтра их съедим.

— Давайте, — средний подхватил. — Когда знаешь, что еда тебя ждёт, всё равно что сыт. Хорошие сны снятся.

Младший будто поморщился, но ничего не сказал. Нельзя старшим перечить.

Накрепко привязали нинвиты женщин, прикрутили к столбам, что юрту поддерживали. А сами спать улеглись. И слепая старуха под шкуры забралась.

Очаг догорел и погас, только уголёчки в нём еле тлеют. Темно, тихо в юрте. А женщины не спят. Старшая стала связанные руки тянуть, выворачивать. Ослабли жёсткие ремённые верёвки. Вот одну руку освободила, вторую легко из пут вытащила. Наклонилась, ноги, прикрученные к столбу, развязала. Потом бросилась к своей подружке, на ней узлы распутала. Вдвоём они мигом третью освободили.

— Бежим скорее! — младшая шепчет.

— Погоди, — старшая отвечает. — Берите кухлянки нинвитов, к столбам привязывайте.

Привязали. Две женщины, те, что помладше, сразу из юрты выскочили, а старшая им сказала: «Я сейчас!» Женщина она умная была, так подумала:

«Не простая, видно, старуха, мать людоедов! И всё, что у неё в юрте, тоже не простое... Может, в дороге пригодится».

Схватила она каменный скребок, уголёк из очага и маленькую льдинку, что у изголовья старухи в чашке лежала, не таяла. Потом уже к двери прокралась.

Товарки её ждут, торопят. Побежали. Быстро побежали, страх ноги их подхлёстывает.

Немного времени прошло, проснулся в юрте младший нинвит. Лежит, думает:

«Зачем утра ждать? Есть-то сейчас хочется».

Встал он, с ножом подошёл к столбу. Руками голову женщины нашаривает, хочет горло перерезать. Удивительное дело! Кухлянка есть, головы нет. Ко второй женщине перешёл — и тут то же. И у третьего столба никого нет, лишь кухлянка болтается.

Закричал нинвит громким голосом:

— Вставайте, братья! Убежала наша добыча!

Вскочили нинвиты. Пустились в погоню.

Бегут по следу, как собаки, носы вниз опустили. Ноги у нинвитов короткие, а бегут быстро. Через кочки перебегают, кусты под себя подминают.

И женщины бегут. Тогда только поняли, что погоня близко, когда топот за собой услышали.

— Ох, поймают! — младшая говорит.

— Не спасись нам! — средняя плачет.

А старшая схватила каменный скребок, позади себя бросила. Встала за спинами женщин высокая гора, с отвесными скалами, с крутыми осыпями.

Добежали до горы нинвиты. Зарычали от злости, вверх полезли. Старший и до половины не добрался, сказал:

— Тощие эти женщины! Кожа да кости! Не стану я из-за них обдирать колени.

И пошёл назад.

Двое нинвитов выше полезли, вниз по осыпям кое-как скатились. Опять бегут за женщинами. Догоняют.

— Может ты ещё что припасла? — младшая старшую спрашивает.

— Да уж не как вы, позаботилась, — ответила та и бросила через плечо уголёк.

Упал уголёк на землю, загорелось кругом. Огонь полыхает, языки пламени, словно волны по морю, ходят. Так далеко огонь всё осветил, что женщины вдали своё стойбище увидели. От радости силы у них прибавилось.

Женщины по одну сторону огня бегут, нинвиты по другую сторону за ними гонятся. Добежали нинвиты до огня, остановились.

— Олень в огонь не идёт, волк в огонь не идёт. Ни евражка, ни собака добром в огонь не сунутся. Что ж я, глупее их! — сказал средний и повернул назад.

А младший зажмурился и через огонь ринулся. По углям бежит, подпрыгивает. На бегу горящую кухлянку сбросил. По голове себя бьёт, пылающие волосы тушит.

Наконец выскочил. Весь чёрный, словно головешка, а живой. Ещё злее, чем раньше, побежал вдогон. Услышали женщины за спиной его топот. Совсем близко стойбище, а не добежать! Вот-вот схватит их нинвит.

Тут старшая последнее, что осталось, назад кинула. Упала льдинка на землю, на том месте широкая река потекла. Пока нинвит у реки стоял, раздумывал, как через неё перебраться, женщины до стойбища добежали.

Тем временем рассвело уже. Видят женщины — навстречу им сородичи идут.

— Куда вы? — женщины спрашивают.

Сородичи отвечают:

— Ничего-то вы не знаете! Мимо нашего стойбища река потекла. Надо рыбки половить.

— Ох, не ходите! Там за рекой нинвит, — женщины им вслед крикнули.

— Что нам нинвит! — толкуют между собой люди. — Рыбки поестъ охота.

Женщины к своим юртам направились, вдруг остановились.

— А корзины наши, полные ягод, мы в тундре оставили! — младшая сказала.

— Что ж, завтра пораньше встанем, — сказала старшая, — поищем их.

Третья кивнула.

— Не пропадать же корзинам. Да и ягод жалко.

И разошлись по своим юртам.

А люди на берегу уже рыбу ловят. Увидал их нинвит, спрашивает с того берега:

— Эй, люди! Не перебирались ли через эту реку три женщины?

— Перебирались! — ему отвечают.

— А как они перебрались?

— Очень просто! В одном месте воду выпили, посуху и перешли.

— И правда просто, — сказал себе нинвит.

Лёг на берегу и принялся пить воду. Пил, пил, пока брюхо у него не раздулось. И пить уже не может, и шевельнуться не может.

А по реке плывут листья, стебельки, веточки. Стал нинвит кричать:

— Не подплывайте близко! Не троньте меня! Лопну я!

А листья не слушают его, плывут себе и плывут. Принялся на них дуть нинвит. Наклонился над водой, перевесило его брюхо, упал он в реку.

И его вместе с листьями понесла река. Несла, несла, пока не доплыл он до своего стойбища. Еле на берег выбрался. Лежит, отдувается.

Выскочили из юрты братья-нинвиты. Увидели его брюхо, что большой кочкой, маленькой сопкой вздымается, с завистью спрашивают:

— Неужели всех трёх догнал? Неужто всех трёх съел?

— Ясное дело, догнал, — хвалится младший нинвит. — Хорошо поел, досыта!

— Что ж ты нам ничего не принёс, о нас не подумал?

— Зачем мне о вас думать? Я добыл, моя и еда!

ХРАБРЫЙ ОХОТНИК

Корякская сказка

Отправились два друга, два охотника на выдр охотиться. Под вечер пришли к реке, где выдры водились. Построили из камышей, веток шалаш, вот и ночлег готов. Сварили мяса, поели и спать легли.

Один охотник, как лёг, сразу заснул. Второму не спится. Ворочается с боку на бок. В шалаше темно, за шалашом темно. Слышит он: ревёт кто-то страшным голосом. Злой ли дух или какой зверь невиданный? Испугался охотник: вдруг их почует, съест обоих.

Прислушался — ревёт! И стучит! Да совсем близко. Заткнул он уши, оленьей шкурой с головой укрылся.

Душно под шкурой, однако ничего, терпит. Потом опять думает:

«Если этот ревуший, стучащий сюда придёт, не услышу, из-под шкуры выскочить не успею!»

Откинул шкуру, пальцы из ушей вынул. Ревёт и стучит! Страшно! Опять под шкуру залез.

Так всю ночь глаз не смежил, то раскрывался, то укрывался.

Понемногу светать начало. Сквозь стенки шалаша уже не чёрное, а серое видно. Осмелел тут охотник, выполз из шалаша. В ту сторону посмотрел, откуда рёв слышался. А это не зверь и не злой дух. Это река шумит, камни со стуком по дну перекатывает. Видно, в верховьях дождь выпал.

Рассердился охотник, крикнул реке:

— Ты зачем меня обманывала?! Я из-за твоего обмана всю ночь не спал.

Ничего река ему не ответила. Ревёт, камни ворочает.

В самый бы теперь раз поспать, да ничего не поделаешь — ночь-то прошла. Охотник костёр разжёт, кипятит чай. Тут товарищ его проснулся.

— Светает? — спрашивает.

— Да, уж светло, — охотник отвечает.

— А ты уже и чай вскипятил, — обрадовался товарищ. — Молодец! Рано встаёшь, хороший охотник!

Быстро попили чаю, снарядились. Один пошёл вверх по реке, другой — вниз.

Идёт не спавший ночью охотник, еле ноги передвигает. Прошёл немного, отдохнуть присел. Сами глаза у него закрылись, не заметил, как и заснул.

Проснулся, видит — небо красное, будто пожаром охвачено. Понял — это солнце садится. Весь день он проспал! Какая уж теперь охота? Пора в шалаш идти.

Идёт. А уже темнеть начинает. Спешит охотник берегом реки. Вдруг чуткие его уши услышали — впереди

плеснуло что-то. Зоркие глаза увидели — вынырнула выдра из воды, на берег выходит.

— Гляди-ка — выдра! — сказал себе охотник. — И ходить далеко не пришлось. Хорошо!

Подкрался он, снял ружьё с плеча, курок взвёл, прицелился. Ба-бах — выпалило ружьё. Выдра подпрыгнула и на песок упала. Лежит, не убегает. Значит, убил!

Охотник подбежал, смотрит, а это большая рыба чавыча издыхать на берег выбросилась. Чешуя ободрана, плавники обтрёпаны. То ли о камни её било, то ли с другими рыбами подралась.

Рассердился охотник, чавычу ногой пнул, сказал:

— И эта меня обманывать вздумала!

Подосадовал, пошёл к шалашу. А там товарищ его уже костёр развёл, ужин варит.

— Ты в кого тут недалеко стрелял? — спрашивает.

Охотник отвечает:

— В выдру.

— Убил её?

— Убил.

— Ого! Где же она, почему не принёс?

— Да подыхающей рыбой она оказалась, старой чавычей. И поднимать не стоило.

Посмеялся над охотником товарищ.

А тот говорит:

— Так ведь ты и сам с пустыми руками пришёл!

— Это верно, — отвечает товарищ. — Я выдру только выследил, ловушку на её дороге поставил. Посмотрим, что завтра будет.

Поужинали, спать легли. Товарищ весь день ходил, сразу заснул. Охотник весь день проспал, теперь не идёт к нему сон. Вторую ночь ворочается с боку на бок, вздыхает.

Слышно ему — кто-то ревёт, чем-то стучит. Охотник только усмехается.

«Не обманешь меня, река! Это ты ревёшь, ты камни ворочаешь!»

Потом вдруг новое услышал. Идёт кто-то по лесу, шуршит палыми листьями. Тяжёлые, видно, у того зверя лапищи! А может, это дух? А может, злой человек на них напасть хочет? Так и есть — злой человек! Слышно, как нож о камень точит — шур, шур...

Совсем наш охотник перепугался. Забрался с головой под шкуру, дрожит так, что шалаш трясётся. Полежал немного, высунулся. Думает, может, ушёл? Нет, не ушёл тот, нож точащий. Всё точит да точит — шур, шур... Охотник опять под шкуру спрятался.

Так и ночь прошла. Не знает, не помнит охотник, как до утра дожил. Скоро или не скоро, а светать начало.

Выполз охотник из шалаша, да не весь, голову только выставил. Смотрит: сидит на задних лапках зайчишка, ушами шевелит, с молодой осинки кору острыми резцами обдирает — шур, шур, шур...

Наш охотник вскочил на лёгкие ноги, закричал:

— Ах ты, обманщик! Зачем меня пугал?! Зачем злым человеком прикидывался?!

Заяц уши на спину положил, пятки охотнику показал. Только его и видели.

От крика охотника товарищ проснулся. Встал.

Опять пошли на охоту в разные стороны. Наш охотник идёт, глаза у него слипаются. Однако думает:

«Ни за что спать не буду! Охотиться надо».

Целый день ходит, то и дело кулаком усталые глаза протирает. Выдры ему не попадаются, никакого другого зверя тоже не видит.

Долгим ему день показался, а всё-таки к концу идёт, солнце садиться начало. Далеко красным светом светит. Тут и повезло охотнику. Лисицу он увидел. Хорошая шкура у неё, рыжая, огнём горит!

Стал охотник подкрадываться. Ближе подполз, вы-

стрелил. Попал! Шерсть клочьями в стороны разлетелась. Обрадовался охотник.

— Хорошо-то как! И лиса добыча богатая!

Подбежал — что такое?! Качаются на тальнике покрасневшие к осени листья. Несколько листьев, сбитые пулей, ещё в воздухе кружатся, на землю лечь не успели. Вот тебе и лиса!

Опустил охотник ружьё.

— Эх, что же это?! Как промышлять, когда кругом обман?! Не буду больше охотиться. В становище вернусь.

И пошёл к становищу. Дорогой встретил товарища. Тот двух выдр несёт, одна в капкан попалась, другую из ружья убил. Наш охотник ему только рукой махнул, ничего не сказал, так домой спешил.

А дошёл он до становища или нет — мы про это ничего не знаем. Может, по дороге его ещё кто-нибудь обманул, да так, что он со страху навсегда на месте остался.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СУНГУ

Удэгейская сказка

Родился сын у старика и старухи. Обрадовались старики, много лет они вместе прожили, а детей не имели. Вот счастье!

Сделал старик сыну берестяную люльку. Старуха у люльки сидит, глаз с ребёнка не сводит.

На второй день комар на мальчика сел. Вскочила старуха комара прогнать. А мальчик маленькой ладошкой — хлоп! — и убил комара. На третий день муху на лету схватил. На четвёртый вот что было: мышка по полу пробежала. Выскочил мальчик из люльки, погнался за мышкой, схватил за хвост. Старуха к нему бросилась, хочет опять в люльку уложить, а сынок так вырос, что люлька ему уже коротка сделалась.

Сколько-то ещё времени прошло, говорит сын матери:

— Мама, приготовь мне охотничью одежду!

Старик отец сказал жене:

— Достань из амбара охотничью куртку, олочи-сапоги, шапку, рукавицы достань. Давно эта одежда без дела лежит, я в ней смолоду охотился. Теперь вот пригодилась.

Старуха принесла. Стал сын одеваться, говорит:

— Всё хорошо, только вот олочи-сапоги истоптались. Сшей мне, мама, новые. В этих я далеко не уйду.

Взяла мать шкуру сохатого, пополам разрезала. Из правой половины шкуры правый сапог сшила, из левой — левый. Примерил сын. Топнул мягкой подошвой об пол, сказал:

— Ладные олочи! Только чуть маловаты.

Потом к отцу повернулся.

— Скажи, отец, на кого охотиться стоит? Какая дичь в тайге бывает?

Отец отвечает:

— Если зайца убить, из шкуры рукавицы сшить можно. Одному человеку досыта поест, двое голодными не останутся.

— Значит на зайца я не охотник, — сын сказал. — А ещё кто в тайге живёт?

— Волки живут, медведи. Волки злые, медведи сильные.

— Ну что ж, попадётся такая дичь, подстрелю.

— Ещё есть сохатый. Выследить его нелегко, гнаться за ним трудно.

— А ещё кто?

— Тигр, сынок! Самый главный над всеми зверями. Одним ударом лапы он сохатого убивает, все с его дороги сворачивают. И ты свернёшь, если встретишь.

— Это уже почти по мне добыча! — сказал сын. — Только неужели в целом свете нет никого страшнее тигра?

— Есть-то есть, — старик вздохнул. — Страшное чудище — железный Сунгу. Много он людей погубил, а ему никто и царапины не сумел нанести.

Обрадовался сын.

— Вот я его и убью!

Заплакала старуха. А старик чуть язык себе не откусил с досады — зачем только сказал! Да что теперь делать, слова назад не вернёшь!

Подвязал сын к ногам отцовские лыжи, вперёд побежал. Хотела старуха вслед крикнуть сыну: «останься!» Да не успела начатое слово кончить, как он уже из глаз скрылся.

Бежит парень, снег из-под его лыж за ним вихрем кружится, ветер отстаёт на день перехода.

Долго так бежал и добежал до берега реки. Навстречу ему идёт девушка-красавица с полными вёдрами и тихо напевает.

— Красавица, дай воды напиться, а то от жажды умру, дела не сделав, — сказал ей парень. — Семь дней, семь ночей капли в рот не брал!

Зачерпнула она из ведра берестяным ковшиком, парню подала. Маленький ковшик, в три глотка выпить можно.

«Разве из такого напьёшься? — парень подумал. — Не смеётся ли надо мной девушка?»

Поднёс однако ковшик ко рту, стал пить. С первым глотком жажда его утолилась. Второй глотнул — вся усталость с пути прошла. От третьего глотка будто вдвое силы прибавилось. Глянул, а в ковшике воды не убывало, не прибывало, через верх не льётся, у краёв колыхается. Принялся парень пить, глотков не считая. Оторвётся, глянет, опять пьёт. А воды сколько было, столько и есть.

Девушка рядом стоит, усмехается. Обидно показалось парню. Вынул он потихоньку стрелу из колчана,

этой стрелой донце ковшика проткнул. Закапала вода на землю. А парень сказал девушке:

— Никуда твой ковшик не годится, дырявый он!

Перестала девушка усмехаться, закапали у неё слёзы, как из ковшика.

— Что ты, неразумный, сделал, — жалуется, — зачем волшебный ковшик продырявил. Разве сам не понял — вода из него усталость прогоняет, силу вернуть может, раны заживить.

Огорчился парень, сказал:

— Не со зла так сделал, для шутки. Я тебе новый ковшик излажу.

— Ну, ладь! — девушка ответила.

Пока он ковшик мастерил, девушка ему говорила:

— За каким ты делом спешишь, куда на лыжах путь держишь, не спрашиваю. А так скажу: что задумал, то исполнишь. Силы в тебе много, упорства много, а хитрости ещё больше.

— Хорошо ты сказала. Я твоё доброе слово запомню и тебя не забуду. Возьми новый ковшик. Если жив останусь, на обратном пути к тебе приду.

Так с девушкой попрощался, дальше на лыжах побежал.

Долго бежал. Зима кончилась, он лыжи бросил, без них пошёл.

Весна миновала, лето наступило. Только тогда добрался до логовища железного Сунгу у подножия высокой сопки.

Всюду трава зеленеет, цветы цветут, а перед сопкой белым-бело, будто сугробы лежат. Присмотрелся парень — не снег это, а человечьи кости.

Постоял тут парень, голову в печали опустил.

— Эх, друзья, храбрости в вас много было, если сюда пришли. Силы и умения не хватило. Я за вас отошщу, а нет, так свои кости рядом с вашими сложу!

Сказал так, потом набил трубку мелким табаком, раскурил. Пошёл-повалил дым клубами.

«Что тут время терять? — думает парень. — Пора Сунгу на бой вызывать!»

Вздохнул полной грудью, закричал:

— Эй, чудовище! Эй, железный Сунгу! Выходи померяться силами!

Чудовище не показывается, лежит в своём логове, только слышно, как зубами скрежещет, будто жернова железо перемалывают.

Засмеялся парень.

— Может, ты, железный Сунгу, трубки моей испугался, дыму боишься? Жалко трубку не докурить, да уж так и быть брошу. — И отшвырнул трубку в сторону.

Загрохотало что-то — не то гром на небе, не то лавина с гор сошла.

А это не гром, не лавина, это Сунгу из пещеры выполз. Когти, как длинные ножи, зубы, что копья, из пасти торчат.

Кинулось на парня чудовище, железную лапу подняв. Да увернулся парень, железные когти у его ног пять глубоких борозд прорыли. А Сунгу опять лапу поднял, замахнулся. Парень в другую сторону отскочил.

«Это что же за битва! — думает. — Буду скакать-прыгать, как лягушка, пока он меня не прикончит. Надо что-то делать!»

В этот миг солнце из-за тучи выглянуло. Заблестела железная чешуя железного Сунгу, нигде ни изъяна, ни щёлочки нет. Однако разглядел парень — в одном местечке, на груди чудовища, рыжее пятно. Это ржа начала железо разъедать.

Раньше чем Сунгу снова броситься на него успел, парень в то ржавое пятно меткую стрелу послал. Воткнулась она, куда целился, да неглубоко ушла. Только захо-

хотал Сунгу — уже не вдали, а над самой головой гром прогремел.

Как скала, что с горы сорвалась, ринулся Сунгу на парня. Но увернулся парень гибкой ящерицей, вторую стрелу с тетивы спустил. Прозвенела она, ударилась в первую стрелу, глубоко её в железное тело вогнала.

Пошатнулся Сунгу, за грудь схватился. А с лука уже третья стрела слетела, как молния ударила. Теперь вторая стрела в железное тело вошла, а первая железное сердце пронзила.

Рухнул тут Сунгу, так что земля вокруг на три дневных перехода дрогнула. Сам парень еле на ногах устоял.

— Вот и конец тебе, железный Сунгу! — сказал. — Видно, всё-таки не плохой я охотник!

Хотел парень назад повернуть, да стало ему жалко отцовские стрелы оставлять. Подошёл он к мёртвому Сунгу. Верхнюю стрелу легко выдернул. Вторую с трудом. А та первая, что глубоко в сердце вонзилась, никак не поддаётся. Парень широко ноги расставил, крепко ими в землю упёрся, все силы собрал, дёрнул. Вырвал стрелу, железной кровью омоченную. От сильного толчка на ногах не удержался и концом стрелы в глаз себе попал.

Померкло солнце, потемнело всё вокруг. Лежит парень, встать не может. Вместе со светом силы его гаснут...

Вдруг зашуршало что-то, подбежала к нему мышка, на задние лапки поднялась, смотрит.

— Мышка, мышка, — сказал ей парень, — помоги мне! Сбегай...

— И слушать тебя не хочу, — мышка отвечает. — Жду не дождусь твоей смерти, чтобы твоими глазами полакомиться!

Только сказала так мышка, как вдруг в сторону прыгнула, под кочкой притаилась. Это она лисы испугалась. Подошла лиса, хвостом вертит, облизывается. Парень и попросить её ничего не успел, сама лиса заговорила:

— Умирай скорей! На много дней я наемся, долго сыта буду.

Ничего не сказал ей парень, одним своим уцелевшим глазом вверх посмотрел. Видит — вьётся чёрный ворон. Стал просить его парень:

— Ворон, ворон, будь моим другом. Слетай к девушке, что у реки живёт. Я тебя награжу...

Ворон, не дослушав, отвечает:

— Смерть твоя меня наградит! Раскляю я твоё тело, попирую на твоих костях.

Лежит парень, думает:

— Неужели, убив железного Сунгу, сам погибнуть должен?

Тут над ним широкие крылья захлопали, опустился подле него длинноногий журавль.

— Кого ты просишь? — сказал журавль. — Они возле железного Сунгу кормились, его кровавыми объедками питались. Ты доброе дело сделал, убил чудовище. Хотел бы тебе помочь, да не знаю как.

В четвёртый раз заговорил парень. Слабым голосом сказал, словно сухая трава прошелестела:

— Лети к девушке, что у реки живёт. Скажи ей, что я железного Сунгу убил. Да своей стрелой ранен, железной кровью чудища отравлен. Пусть пришлёт воды из берестяного ковшика. Если быстро полетишь, можешь дождусь. В пути промедлишь — не дожить мне.

Подпрыгнул журавль на длинных ногах, от земли оторвался, полетел.

Лежит парень, из последних сил смерть от себя гонит. В ногах у него мышка притаилась, в головах лисица сидит, сверху ворон кругами кружит. Все его последнего вздоха ждут.

Долгое ли, короткое ли время так прошло, а скорее, что долгое. Прилетел журавль.

Полный клюв живой воды принёс. Три капли на ослепший глаз пролил — разом парень видеть стал. Остальную воду журавль из клюва в рот ему перелил. Вернулись прежние силы, вскочил парень.

Мышка с писком в норку юркнула. Лисица в лес убежала. Ворон за горой скрылся. И журавль, дело своё сделав, улетел. А парень в обратный путь пустился.

Когда на бой с железным Сунгу шёл, быстро шёл. А теперь вдвое быстрее. К девушке он спешил.

Дошёл до реки. Девушка его ждёт, словами приветает встречает.

— Куда ты, туда и я, — говорит.

Он её за руку взял, к его родному дому они вместе пошли.

Идут они, идут... Вот и дом родителей. Тихий дом; будто неживой. Никто парню навстречу не выходит, никто его молодой жене не радуется. Только два дерева, что перед дверью выросли, ветками качают, словно к нему тянутся, листьями шелестят, словно ему ласковые речи шепчут.

Заплакал парень, сказал молодой жене:

— Будь дому хозяйкой — осиротел я. А эти деревья не трогай, пусть растут, как знают.

Живут вместе муж и жена, в согласии живут.

Однажды ушёл муж на охоту. Видно, быстроногого зверя выследил, долго не возвращался. Жена всё по хозяйству сделала, у очага сидит, думает:

«Почему муж не велел деревья трогать? В лесу постройнее, повыше деревья есть!»

Подошла к тому дереву, что побольше, кору своим ножом надрезала. Проступила из пореза кровь, на землю закапала. Испугалась женщина, от дерева отбежала, да нечаянно у меньшего дерева веточку сломала. И из сломанной веточки кровь потекла.

Женщина к очагу бросилась, горсть тёплой золы захватила. Этой золой раны на деревьях присыпала, сухой травой завязала.

Тут и муж вернулся, посмотрел на деревья, жене с укором сказал:

— Ты зачем моему отцу колено поранила? Матери палец сломала?

Жена отвечает:

— Прости, не знала, твоих слов не послушалась. Теперь, как за родными, буду за ними ухаживать.

Стала она каждый день те деревья поливать, землю у корней рыхлить. Пошли деревья в рост, ветви их вширь раздались.

Однажды рано утром слышат муж и жена — будит их кто-то.

— Вставайте, детки, еда сварилась.

Открыл глаза парень, видит — склонилась над ним мать. От котла на очаге вкусно пахнущий пар поднимается. Перед очагом отец сидит, в огонь хворост подбрасывает.

Вскочил парень, родителей обнимает. А жена его сразу из дому выбежала, посмотрела — нет тех деревьев, что росли перед входом.

Сели все есть, начала мать рассказывать:

— Когда ты, сыночек, от нас ушёл, мы всё тебя ждали. Перед дверью стоя, вдаль смотрели. Так долго ты не возвращался, что ноги наши в землю вросли и сами мы деревьями сделались.

А отец сказал:

— Твоей жене спасибо, невестке нашей. Если бы не её заботы, так бы деревьями и век простояли.

С того дня вчетвером зажили. Долгие годы счастливы были.

КРИК СОХАТОГО

Нанайская сказка

Далеко ли было, близко ли было, давно ли, недавно ли. Рассказывают нанайцы про девушку-красавицу, что жила на берегу Амура. Отца у неё не было, вместе с матерью она жила.

До десяти лет росла девочка, как все девочки растут. Играла с детьми, матери по хозяйству помогала. А раз вбежала в фанзу, стала мать расспрашивать:

— Где мой отец?

Мать отвечает:

— На охоту пошёл, с охоты не вернулся.

— А что с ним на охоте случилось?

— Кто знает? — сказала мать и отвернулась.

— А девочки говорят: злой человек его убил.

Заплакала мать, сказала:

— Правда это. Убил его Чилпанга из далёкого селения в низовьях Амура. Не хотела я тебе говорить, ты ведь не мальчик. Был бы у меня сын, отомстил бы за отца.

— Я отомщу! — девочка сказала.

Горько усмехнулась мать, ничего на это не ответила.

С того дня перестала девочка с подружками играть. У мальчиков игры перенимает. Всем мальчишеским ухваткам учится. Потом сшила себе мужскую одежду, на охоту с отцовским луком стала ходить. Так и выросла: наденет женскую одежду — шьёт, пищу варит; наденет мужскую одежду — на промысел, как мужчина, идёт, таёжных зверей добывает. Если встретишь её в тайге, только по серёжкам и узнаешь, что не юноша это, а перодетая девушка.

Лучший по всей округе охотник из неё получился. Звери боялись её дорогу пересечь, птицы прятались в густых ветвях, петь переставали, когда она по тайге ходила. Но зоркий глаз примечал притаившихся, меткая стрела настигала прятавшихся.

Однажды вернулась девушка с охоты, сказала матери:

— Настало моё время! Мяса зверей, что я добыла, рыбы, что я наловила, тебе надолго хватит. Ешь вволю, живи спокойно. Отомщу за отца, вернусь.

— Ох, не девичье дело ты затеяла! — вздохнула мать. — Сил у тебя не хватит.

— Хватит! — девушка ответила.

В тот же день собралась. Мать ей в дорогу лепёшек напекла, дала сушёной рыбы, вяленого мяса. Лёгкую берестяную лодку-оморочку сама на воду столкнула.

Поплыла оморочка вниз по Амуру. Днём девушка гребёт, когда совсем стемнеет, оморочку к берегу направляет. Разведёт костёр, еду себе сварит, переночует. Чуть свет дальше плывёт.

На третий день увидела девушка, что по берегу против течения Амура идёт человек. Хоть и широк Амур, далеко до берега, разглядела девушка — молод он, собой красив, настоящий мэргэн! И он, верно, её разглядел. Изпод ладони долго следил за ней глазами и вдруг повернул назад, вдогон оморочке вниз по течению пошёл.

Вечером, только девушка костёр на берегу развела, из-за деревьев показался тот юноша. Поздоровался.

— Давай, я тебе из веток шалаш сделаю. Ночь сегодня будет холодная.

— Хорошо, делай, — отвечает девушка. — А я ужин на двоих сварю.

Поели, поговорили. Девушка в шалаш забралась, мэргэн у входа на кострище лёг.

Утром девушка в оморочку села. Мэргэн в лес пошёл.

Несёт, несёт река оморочку. Целый день несёт. Вот уже солнце село, смеркается. Девушка думает — то ли проехать ещё немного, то ли к берегу приставать. Вдруг видит — на песчаной косе костёр горит, ближе к воде стоит мэргэн, рукой ей машет. Направила красавица к берегу оморочку. А там уже и шалаш построен, и хворост собран. В котелке свежее мясо варится.

Поели, опять беседовать стали. Юноша спрашивает:

— Скажи, куда путь держишь? Как прямое дерево, что прямо колетса, правду Расскажи, зачем одна едешь? В стороны мыслей не прячь, с краю не сбрасывай. Разве нет у тебя отца и матери, брата нету, чтобы тебя в дальней дороге охранять?

Девушка помолчала, потом так ответила:

— За изгибами кривого дерева не уследишь и ложь правду изгибами обегает. Криво говорить не хочу, а прямо не могу. Не сделано дело, что я задумала, нечего и хвастать. А охранять меня некому — отца нет, брата нет. Дождается меня дома только старая мать.

Поговорили так, опять девушка в шалаше спит, мэргэн на кострище ночует.

Утром, как и в первый раз, расстались.

Девушка плывёт, думает:

«Если сегодня первая причалю, хороший ужин на двоих сварю!»

Когда стемнело, на берег вышла, огляделась — нет ещё мэргэна. Быстро хворосту набрала, костёр разожгла, торопится, ужин варит. Сварила, есть не начинает, ждёт. А мэргэна всё нет и нет.

Костёр весь прогорел, котелок остывает. Скучно девушке, да делать нечего! Разгребла тёплую золу, сама в эту ночь на кострище спать легла. Но не спится ей.

Звёзды своим путём с востока на запад медленно по небу идут. Девушка на них смотрит, думает:

«Мало ли в лесу дикого зверья. Уж не случилось ли какой беды? А может, я слово сказала не так, обидела, того не желая? Почему не пришёл мэргэн?»

Вдруг над головой девушки прошелестели крылья. Какая-то птица на дерево села. В тот же миг вторая с другой стороны прилетела, опустилась на ту же ветку.

— Здравствуй, сестричка! — первая говорит. — Откуда летишь?

— Лечу с верховьев Амура, — вторая отвечает, — в низовья перекочёвываю. Там, верно, спокойнее будет.

— А чего ты испугалась?

— А как же не испугаться?! Живёт в наших краях девушка. Таёжными тропами на охоту в мужской одежде ходит. Ни у одного мужчины такой верной руки нет, такого зоркого глаза. Хочу от её метких стрел своих детей уберечь. Совью гнездо в низовьях Амура.

Слышит это девушка, и смешно ей, и дальше слушать хочется. Боится пальцем пошевелить, громко вздохнуть боится.

— Эх, сестричка! — говорит первая птица. — На-

прасно ты в низовья пустилась. Эта девушка-охотник сама туда на оморочке плывёт, сейчас под нашим деревом спит.

Испугалась вторая птица, крыльями похлопала. Потом спрашивает:

— А что ей в низовьях понадобилось? Неужели и там всех птиц перебить хочет?

— Не до нас ей, — отвечает первая. — Собралась она отомстить за своего отца. Решила убить обидчика, что её сиротой оставил.

— Раз решила, значит убьёт!

— Нет, — говорит первая птица, — не убьёт. Встретила она мэргэна, полюбила его. А этот мэргэн сын её обидчика. Как ни тверда её рука, а сердце всё же девичье. Узнает — от своего слова отступится.

Чуть не вскрикнула девушка, горькие слёзы к горлу подступили. Закрыла она лицо руками, сквозь пальцы слёзы побежали. Уже и не слышит, о чём ещё птицы говорят. Что делать, думает. Правду ведь сказала крылатая — полюбила она мэргэна. Но не так будет, как птица предвещала! Не от слова она отступится — от любви своей отвернётся. Только бы мэргэна больше не увидеть!

Еле дождалась рассвета. Вскочила, оморочку на воду столкнула. От берега отгрести начала, а на берег из лесу мэргэн выбежал.

— Не сердись, что опоздал! — кричит. — Большое

болото на пути попало, обходить пришлось. Вернись хоть ненадолго, солнце ещё не взошло!

Девушка, будто не слышит, гребёт, не отвечает. Ни разу даже не оглянулась. А уж так ей хотелось хоть в последний раз посмотреть на мэргэна.

Весь день гребла и вечером причаливать не стала. Перед восходом солнца пал на воду туман. Ни вперёд, ни назад не видно, конец весла в белом мареве еле просвечивает, а девушка не пристаёт, плывёт дальше.

Наконец посветлело — это солнце взошло. Поднялось повыше, и туман разорвался, ушёл в небо, там лёгкими облаками рассеялся.

Открылось перед девушкой селение. Большое селение, то самое, куда она путь держала. Тут девушка оморочку к берегу направила. В прибрежных кустах сняла женскую одежду, мужскую надела. Волосы свои по-мужски в одну косу заплела. Вынула серёжки из ушей, а дырочки рыбьими икринками залепила. С луком и стрелами, с длинным ножом за поясом пошла разыскивать, кого искала.

Чилпанга, что отца девушки убил, жил на краю селения. Подошла она к его фанзе, стала против двери, наложила стрелу на лук, крикнула:

— Выходи, Чилпанга, убивший моего отца! Пришёл срок расплаты!

Недолго она ждала, отворилась дверь, вышел к ней обидчик. Думала увидеть богатыря с широкими плечами, с суровым лицом, со злым взглядом, а вышел к ней старик. Спина у него сгорблена, лицо в морщинах, худая шея еле голову держит, взгляд потухший.

— Что ж, — сказал, — если сердце велит, убей меня!

Пошатнулась девушка, ослабела тетива и стрела с лука на землю соскользнула.

— Нет, — сказала она, — не могу я на старого слабого человека руку поднять. Уйду лучше.

— Не уходи, не выслушав, — старик ей говорит. — Не в отца твоего я стрелял — в сохатого, что кричал, призывая лосиху. Тогда ещё крепкая была у меня рука, меткие стрелы. Попал я. Пошёл посмотреть — твоего отца мёртвым увидел. Хорошим он был охотником, так искусно добычу подманивал, что ни зверь, ни человек обмана распознать бы не сумели. Двадцать лет с того дня прошло, многое я с той поры забыл, а это помню.

Девушка головой покачала, сказала:

— Живи спокойно, сколько проживётся. Далеки наши селения. Не дошла до меня весть, и мать, верно, не знает, что не со зла ты нас осиротил.

Повернулась девушка и пошла к своей оморочке. А на берегу возле оморочки мэргэн стоит. Видно, шёл без остановок весь вчерашний день, всю сегодняшнюю ночь, ещё дышит тяжело.

Увидел девушку, бросился к ней. У девушки радость в груди, как птица забилась. Вспыхнули щёки румянцем. Теперь можно на его привет добрым словом отозваться!

Мэргэн сказал:

— Вижу, за нелёгким делом ты в наше селение приезжала. Скажи мне: кончила его, сделала, что хотела?

Девушка отвечает:

— Дело кончила, а сделать не сделала. Передумала. Теперь в обратный путь пушусь.

— Не уезжай, — мэргэн просит. — Полюбил я тебя верной любовью. Не согласишься ли моей женой стать?

— Соглашусь, — тихо сказала девушка.

— Так пойдём к моему отцу, ему скажем.

— Нет, к твоему отцу не пойду. Об этом и не проси.

— Почему? — мэргэн спрашивает.

— Пусть тебе отец сам расскажет. А я тебя тут до полудня подожду. Если с ним повидавшись, как и раньше захочешь меня в жёны взять, сюда приходи.

Ещё до полудня вернулся мэргэн, сказал:

— Отец нам счастья желает! Теперь к тебе, к твоей матери поедем.

Радостно встретила старая мать свою красавицу дочку с молодым мужем. Счастливо они зажили. Мэргэн на охоту ходил, приносил много добычи. А красавица свою мужскую одежду далеко спрятала, лук со стрелами забросила. Ни к чему он ей, ведь есть у неё твёрдый защитник, милый муж.

Далеко ли было, близко ли было, давно ли, недавно ли...

КУЙКЫННЯКУ- ВОРОН

Корянская сказка

На морском берегу старый мудрый Куйкынняку-ворон жил. От него на земле весь род ворона начало ведёт. Много он знал, много умел. Вещи его слова слушались, и сам он, кем захочет, обернуться мог.

И ещё потому он мудрым слыл, что любил весёлую шутку. Понимал, что шутка большему может научить, чем брань и колотушки.

Ну, а теперь о Куйкынняку-вороне сказку послушайте.

Однажды Куйкынняку-ворон позабавиться решил. Пошёл на морской берег, собрал много старых пустых ракушек. Рыбу горбушу, волной прибитую, нашёл. У неё

горб срезал. А ещё подобрал пучок водорослей, что морской капустой называются.

Потом со всем этим добром отошёл от берега подальше в тундру. Принялся юрту строить. Поставил юрту. Ударил в бубен, подул на горб рыбы горбуши. Старика создал. Хороший старик, только горбатый немножко.

— Будешь называться Горбыным папашей, — сказал ему Куйкыннюку.

И опять в бубен забил, стал колдовать над морской капустой. Дул на неё до тех пор, пока она старухой не обернулась.

— А ты называйся Капустной мамашей! — сказал.

Пустые ракушки Куйкыннюку в оленьё стадо превратил. Сколько было ракушек, столько и сделалось оленей. Лежат, жуют, рогами качают. А с места на место не переходят — ног у них нет.

Вот и стойбище готово!

Теперь Куйкыннюку на одной ноге покружился, в бубен ударил, сам на себя дунул. Стал Куйкыннюку-ворон молодой женщиной. Щёки румяные, ноги толстые, видать, здоровая девка. Развела она костёр перед юртой, села шкуры мять.

Тем временем Эмемкут — сын Куйкыннюку — в тундру вышел. Дело у него было какое или так захотелось побродить, мы не знаем. Может, и сам Эмемкут не знал.

Недалеко отошёл, удивился.

— Смотри-ка! — сказал себе. — В нашей тундре маленькое стойбище появилось. Откуда бы ему взяться? Верно, с той стороны хребта перевалили. Пойду, расспрошу.

Увидел Куйкыннюку сына, закричал радостно:

— Привет тебе, гость! Пришёл ты?

— Да, я пришёл, — отвечает Эмемкут. А сам на девушку смотрит.

Куйкыннюку в юрту крикнул:

— Эй, Горбяной папаша! Встречай гостя. Эй, Капустная мамаша! Угости гостя.

— Ну, входи, гость, в юрту, — сказал Горбяной папаша.

Эмемкут идёт в юрту, а сам назад голову поворачивает, на девушку оглядывается.

Старуха ему сразу угощение поднесла. Эмемкут ест, вокруг смотрит. В простенке между двумя пологам увидел бубен. Вскочил он, снял бубен, в руках повертел, хотел ударить, да тут закричала девушка:

— Эй, гость, бубен на место повесь!

Эмемкут обрадовался, что девушка голос подала, пошёл к её костру.

— Красивый у вас бубен, — ей сказал.

— Как не красивый! Трёх оленей за него отдали.

— И далеко это было? — Эмемкут спрашивает.

До смерти ему хочется выведать, откуда эта женщина родом.

— Далеко, — девка отвечает. — За семью хребтами, за семью озёрами. — А сама хохочет.

Это Куйкыннюку смешно, что он так сына обманывает.

Чем больше смеётся женщина, тем больше нравится Эмемкуту. И он с ней посмеялся. Потом вспомнил, что нехорошо долго в гостях сидеть. В первый раз ведь пришёл. Попрощался, домой отправился.

Пока девушка у костра могла его видеть, медленно шёл. Потом побежал. Прибежал к матери, стал рассказывать:

— Из-за семи хребтов, из-за семи озёр к нам люди перекочевали. Старик и старуха и дочка с ними. Стадо у них большое, юрту уже поставили, дочка у костра сидит, шкуры мнёт. Красивая, весёлая, всё смеётся.

Отвечает ему мать:

— Мой муж, твой отец, раньше тебя в ту сторону по-

шёл. Если б ты правду говорил, он бы давно с новостями прибежал. Что-то тут не так!

— Да нет, так, мама! Вот если не веришь, скажу тебе: щёки у девушки румяные, ноги толстые. А олени, видно, с дальнего пути притомились. Лежат, с места на место не переходят.

— Олени лежат? Вот я и говорю: что-то не так!

— Так, мама, так! В юрте бубен у них висит красивый. Только девушка ударить в него мне не дала.

— Не дала в бубен ударить? Ох, знаю я эти штуки! Сама побегу, посмотрю.

— Беги, беги, мама, девушку мне посватай! Очень она мне понравилась.

— Замолчи, дурень! — прикрикнула на него мать.

Старая уже женщина, Мити, жена Куйкыннюку, мать Эмемкута, а в тундру понеслась легче молодой.

Увидел её Куйкыннюку, сказал:

— Привет, дорогая гостья, пришла ты?

— Пришла, пришла, — на бегу Мити отвечает.

Куйкыннюку опять старика позвал:

— Выйди, Горбяной папаша, гостью встретить.

Горбяной папаша вышел, а Мити на него не смотрит, в юрту вошла. Тут ей Капустная мамаша угощенье подносит. Мити угощенье не принимает, прямо к бубну шагнула. Сорвала его со стены, зазвенел бубен.

Тотчас от костра девушка закричала:

— Не трогай бубен, гостья! Повесь на место, не то худо будет!

— Вот я тебе покажу худо! — сказала Мити.

И принялась колотить по бубну. Колотила, колотила, утомилась. Бубен опустила, огляделась. Кругом одна тундра, стойбища пришельцев будто бы и не бывало. Ни юрты нет, ни оленей, ни Горбяного папаша, ни Капустной мамаша. Только горб рыбы горбуши на земле валяется, пучок высушенных водорослей да кучка ракушек. А у кост-

ра сидит не краснощёкая девка, а старый Куйкынняку-ворон.

Тут Мити с бранью на мужа набросилась.

— Ах ты, непутёвый! Лучше бы на охоту ходил, чем глупыми выдумками забавляться!

— А тебе что? Твоё дело у очага! Охота мужское занятие, ты в него не путайся!

— А ты, старый, зачем сына баламутишь! Поглядел бы на него — он сам не свой!

Захохотал Куйкынняку:

— Значит поверил наш дурень!?

— Ты ещё смеёшься!..

Совсем Мити разозлилась. Вцепилась мужу в волосы. Куйкынняку отбивается. И всё смеётся.

Наконец устала Мити. А муж ей сказал:

— Зачем тебе со мной драться? Что в драке хорошего? То ли дело весёлая шутка. Ты-то ведь не поверила, разобралась! Пора и ему разбираться, не маленький. Подчас первому взгляду своему верить не надо. Крепче думать приходится, глубже смотреть.

Перестала Мити сердиться.

— А что сыну скажем? — спрашивает.

— Скажем ему, что новые соседи опять за семь хребтов, за семь озёр откочевали.

Мити засмеялась. И пошли они в своё стойбище.

ГОРНАЯ КРАСАВИЦА

Нивхская сказка

Бедный старик, бедная старуха одни жили. У старика уже сил нет на охоту ходить, вот в юрте и еда у них не каждый день. Одежда вся истрепалась, даже шапка у старика — и та рваная.

Однажды пошёл старик к реке рыбу ловить. На крючок он её ловил. Два раза наживку менял, крючок пустой вытаскивал. Хотел уже домой возвращаться, да подумал:

«Дома старуха сидит голодная. Попробую ещё разок!»

Попробовал. Будто что-то поймалось, руку дёргает. Вытащил он большого сазана. Хотел его колотушкой

оглушить, да вдруг увидел — не простая это рыба. Чешуя у неё лежит не от головы к хвосту, а от хвоста к голове.

— Эге! — сказал старик. — Не буду её убивать. Рыбу с обратной чешуёй сам никогда не видал, а люди, говорят, видели, только поймать не могли. Говорят, волшебная эта рыба. Отнесу её старухе, что она скажет, то и сделаю.

Принёс сазана старухе. Старуха сначала испугалась:

— Не водяного ли чёрта принёс? — сказала.

— Пожалуй, не чёрта, — старик отвечает. — Ещё от деда я слышал: хорошо такого сазана поймать, что хочешь, попросить у него можно.

— Тогда попросим сына! — сказала старуха.

Старик для рыбы сруб сделал. Большой кедр свалил, из его толстых веток сложил этот сруб. С почётом посадил туда рыбу с обратной чешуёй, сказал на прощанье:

— Сына мы у тебя просим!

Сам со старухой в юрту пошёл, спать легли. Старик заснул, старухе не спится. Чуть рассвело, она к сруб побегала. Рыбы сазана там нет, спит в срубе мальчик в красивой одежде и лицом красивый. Обрадовалась старуха, побегала будить старика.

— Вставай скорее! — кричит. — Сын у нас появился.

Тут и сам мальчик в юрту вошёл.

— Отец, мать! — так заговорил. — Будем теперь вместе жить. Свою мать-рыбу я в реку выпустил, как она велела.

Стали вместе жить. Хорошо им живётся. Рыбы много, мяса много — всё сын добывает.

Так время идёт. Подрос мальчик, парнем сделался.

Однажды говорит он старику:

— Пора мне жениться, отец. В соседнее большое селение иди, дочь богача за меня посватай.

— Хорошо, пойду, — старик отвечает.

Два дня до соседнего селения шёл. Пришёл в богатую юрту, сказал богачу:

— Дочь свою за моего сына не отдашь ли?

— У неё спросим, — богач отвечает.

Посадил старика на шкуры позади себя, в ладони хлопнул, крикнул:

— Эй, рабы, дочь мою позовите!

Пришла дочь. Не красивая, не плохая — гордая очень.

Отец ей говорит:

— Посмотри на того, кто позади меня сидит. Пойдёшь ли за его сына замуж?

Глянула дочка, усмехнулась. Резной берёзовой ложкой по колену себя ударила, вскричала:

— Не ровня мне! — И из юрты вышла.

Богач тоже усмехнулся, старику так сказал:

— Слышал, что дочка говорит? — Опять в ладони хлопнул, рабы прибежали. — Этого старика из юрты выкиньте, пинками прочь гоните. В другой раз будет знать, в какой юрте искать своему отродью невесту!

Заплакал от обиды старик, плача, домой пришёл, сыну всё рассказал. А сын смеётся.

— Поешь, отдохни! Завтра опять пойдёшь.

Старик говорит:

— Зачем пойду? Снова обиду терпеть?

Сын отвечает:

— Не бойся! Теперь всё по-другому будет.

Наутро взял старую палку, легонько о шест юрты ударил — сделалась палка серебряной палицей. Потом старую шкуру встряхнул — в соболью шубу она превратилась. Сын её на отца набросил, серебряную палицу в руку дал. Опять старик в соседнее селение отправился.

В юрту богача вошёл. Богач узнал ли гостя, не узнал ли, вскочил, кланяться начал — такой богатой шубы он никогда не носил, такой серебряной палицы сам никогда

в руках не держал. Дорогого гостя справа от себя перед очагом посадил, дочку позвал.

Вошла дочка, богач ей говорит:

— Посмотри на того, кто справа от меня сидит.

Посмотрела дочка, улыбнулась. Богач опять ей говорит:

— Пойдёшь ли за его сына замуж?

— Выполню твою волю, отец! С радостью пойду.

Старик поднялся.

— Что ж, — говорит, — вернусь домой, скажу своему сыну, что согласны вы. Нас ждите, скоро вместе придём.

Спешил старик радостную весть сыну принести, от быстрой ходьбы даже задохнулся. Выслушал всё сын, опять засмеялся:

— Пусть ждут теперь, сколько терпения хватит. Я себе такую невесту найду, чтобы не за соболю шубу замуж шла, а за меня самого.

На другой день стал собираться. Новую рубаху надел, красный халат надел, поверх чёрный, нерпичью юбку надел, многоузорные наколенники, мягкие сапоги с пёстрыми голенищами... Вышел из юрты, копьё на весу держит, лук на перевязи несёт. Слетела с дерева кукушка, на плечо его села. Так с кукушкой на плече в путь отправился парень. Куда, зачем идёт, сам не знает — то ли на охоту, то ли невесту искать.

Рано вышел, солнце ещё только восходит, на своей золотой цепи в небо только начинает подниматься. Наш парень на цепь восходящего солнца забрался, по цепи идёт. Потом гора впереди показалась. Дошёл до неё, кукушке сказал:

— На лысую её вершину подниматься не буду, тут останусь.

Спрыгнул с цепи солнца, на половине горы оказался. Огляделся. Кругом деревья, чуть повыше ключ из-под камней бьёт, от него ручей вниз бежит. Место пустынное,

видно, люди здесь не живут, а зверей должно быть много.

— Что ж, поохочусь! — наш парень сказал.

Первым делом поставил себе берестяную юрту, чтобы было откуда уходить, куда приходиться. Из камней очажок сложил.

Потом пошёл на птиц и на зверя силки-ловушки настораживать. Много насторожил. Под вечер к своему месту вернулся, начал для очага дрова рубить. Тут его кукушка, что неподалёку на дереве сидела, три раза прокуковала.

«К чему это она кукует?» — наш парень думает.

Кукушка умолкла — женский голос послышался.

— Вот к чему куковала! — сказал себе парень.

Поющий голос сверху доносится, всё ближе и ближе с горы спускается. Смотрит наш парень: с резным коромыслом на плече женщина к ручью идёт, поёт. Вот уже шум её одежд, звон побрякушек слышен. Ой-ой, украшений на ней как много, ой-ой, как наряды её богаты! Ой-ой, сама какая красавица! Чёрные брови, как два соболя, ресницы, что кисточки на ушах зимней белки, две косы — два хвоста чернобурой лисицы. Стоит парень, дрова бросив, на топор опершись, смотрит, как она с горы спускается, как она к ручью подходит, как воду берёт.

Вот взяла воду, вёдра к коромыслу прицепила... Сейчас уйдёт!..

Наш друг топор отбросил, к ней подбежал. За руку красавицу схватил, сам своей смелости испугался, глаза зажмурил. Держит её за руку, уйти не пускает. Долго так стоял. Когда открыл глаза, увидел, что ухватился за сломанный сук ели, а та женщина с коромыслом, та красавица со множеством звенящих украшений уже высоко в гору поднялась, только голос её поющий издали доносится.

Вернулся парень к своему месту, дров колоть не стал, огня не разводит, пищу не варит. Лёг в берестяной юрте, спит — не спит, утра ждёт.

Утром ловушки осматривать не пошёл, от ручья боится отойти — может, женщина опять за водой придёт. Весь день прождал, всё у кукушки спрашивал, увидит ли сегодня красавицу. Ничего ему кукушка не отвечала. А когда солнце за гору зашло, без его вопроса-вопроса, сама опять три раза прокуковала.

Замолчала кукушка, тут снова красавицы поющий голос послышался. Как вчера, она спустилась к ручью, воды набрала, полные вёдра на берег поставила. Не уходит. Трубку длинную вынула, увешанный цепочками кисет достала, набрала табаку, огонь кремнем высекла, закурила.

Смотрит на неё наш друг, думает:

«Сердце у меня надвое разорвётся, если не обниму её, если слова любви ей не скажу!»

Начал к ней подкрадываться, как песец к куропатке. Она в его сторону головы не поворачивает, курит свою трубку, задумалась. Вот совсем близко подобрался, обнял её. Рванулась женщина из его рук, так рванулась, что оба они в ручей упали. Однако наш друг красавицу не выпустил, ещё крепче её к груди прижал. Хотел ей в глаза заглянуть, тут и увидел, что не женщину он обнимает, а белый камень на дне ручья.

Кое-как выбрался на берег. Слышит — женщина уже на горе вёдрами позвякивает, опять свою песню поёт. Не побежал за ней парень. Рассердился, обиделся. В берестяной шалаш забрался, мокрую одежду у огня сушиться развесил.

— Уйду на рассвете! Для охоты себе другое место поищу. Мне ли, сыну матери-рыбы, ждать-томиться, от женщины насмешку терпеть!

Подсохла одежда, он в лес за ловушками пошёл. Ни-

чего в них не поймалось. Парень ещё больше рассердился. Поснимал все ловушки, в берестяную юрту унёс. Уходить решил, а беспокойно его сердце, всё по красавице томится. Всю ночь не спит.

Только рассветать стало, трижды кукушка прокуковала. Парень ей крикнул:

— Что меня тревожишь! Кукуй не кукуй — не выйду! А выйду, так совсем уйду!

Отвернулся к берестяной стенке, глаза закрыл, перед собой притворяется, что заснуть хочет.

Вдруг за юртой дужки ведер звякнули, украшения зазвенели. Тихо женщина вошла, у изголовья парня села.

Парень не поворачивается, ей говорит:

— Ты зачем пришла?

Она не отвечает. Сама спрашивает:

— Я сейчас воду из ручья брала, кукушка тебе весть подавала. Ты почему не пришёл?

Вскочил наш друг.

— А ты зачем меня мучала? Глаза мне обманом застилала, насмехалась надо мной!

— Ты сам себя мучал, сам над собой насмехался! Я вольная Горная женщина, когда полюблю, сама приду. Вот и пришла.

— Не нужна ты мне! — парень закричал. — Видеть тебя не хочу! Знать тебя не хочу! Ловушки мои из-за тебя пусты, дичь навстречу моим стрелам не бежит.

Тихо женщина из шалаша вышла. Тут парень заплакал:

— Что наделал?! Зачем прогнал? Своё счастье своими руками оттолкнул.

Но не ушла красавица, за тонкой берестяной стенкой вздыхает. Потом такие слова выговаривать начала:

— Если бросишь, если уйдёшь, о тебе лишь думать буду. Где твои ноги ступали, там и мои много раз пройдут. В ручей твоя тень падала и сейчас она на воде

лежит. У того тёмного места буду я пить. Из многих деревьев в лесу самое высокое далеко видно. Так и ты из всех людей самый лучший, самый красивый. Возьми меня с собой! Твоей сумкой с кремнем, что всегда у пояса висит, стать хочу. Веслом твоей лодки сделаться бы мне, стрелой в твоём колчане, узором на твоей одежде...

Тут не выдержал наш друг, забыл обиду, из шалаша выбежал, к ней подошёл.

— Песня такая кем-то сложена? — спросил. — Или мне ты эти слова сказала?

Посмотрела на него красавица лукаво, ответила:

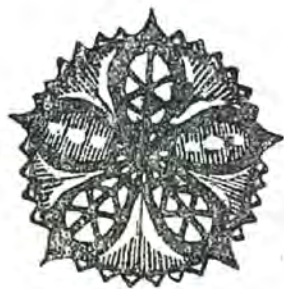
— Как твоё сердце говорит, так и есть.

— Долго ли тебе собираться в путь-дорогу? — спрашивает парень.

— Так, как стою перед тобой, возьмёшь?

— Возьму!

Пошли вдвоём. К старику и старухе пришли. Там жить стали. Женился наш друг на Горной женщине и не было охотника удачливее его. Всякую дичь убивал, по многу добычи домой приносил.

ШИШКА НА ЛБУ

Эвенкская сказка

На берегу моря в двух землянках соседи живут. В одной — старик и старуха. Не богатые и не бедные. Всё-таки олени у них были. Да и старик ещё крепкий, если бы хотел, охотиться мог.

А в другой землянке жила бедная вдова по имени Ченгэ с тремя детьми. Дети маленькие, ещё не помощники, а есть просят. Вот и приходилось Ченгэ и женскую, и мужскую работу делать. Рыбу она ловила, охотилась. От мужа у неё ружьё осталось. Как-то справлялась Ченгэ.

Одно плохо — обижал её частенько старик. Известно, добрые соседи — радость, а злые — лучше бы их и совсем не было!

Однажды встала утром Ченгэ, детям сказала:

— Ночью буря была на море, пойду посмотрю, не набросало ли волнами рыбы на берег.

Пошла с мешком. Вот удача! Будто нарочно постарались волны, много выбросили рыбы. Только нагибайся, спины не жалей, подбирай. Полный мешок рыбы собрала Ченгэ. Взвалила на плечи, отправилась к дому. Мешок к вешалу для сушки юколы подвесила, в землянку вошла.

— Ну, дети, будет у нас много еды. К ручью за водой бегите!

Два брата с сестрёнкой побежали за водой. Тропинка к ручью мимо землянки стариков вилась. Выглянул старик, подумал:

«Ченгэ понапрасну детей за водой не пошлёт. Что-то варить собралась!»

Прокрался поближе, увидел мешок с рыбой. Живо рыбу в свой мешок переложил, в мешок Ченгэ палок набросал.

Очаг в землянке Ченгэ пылает, дети с весёлым криком воду принесли.

— Вот и хорошо, детки! — мать сказала. — Теперь тащите мешок с рыбой.

Старший мальчик дотянулся до вешал, снял мешок. Несёт в землянку. Тут и старик явился, сказал женщине:

— Ты почему меня не позвала? Разве не знаешь нимат — наш древний обычай? Видно, муж тебя плохо научил! Если охотник вернулся с добычей, не его эта добыча — всего рода. И не охотник делит её, а другой человек, чтобы всем поровну досталось!

— Что ж, — ответила Ченгэ, — дели мою рыбу.

Старик развязал мешок, закричал на женщину:

— Смеяться надо мной вздумала! Палок на морском берегу много, зачем мне палки?!

Подбежала Ченгэ, глазам своим не верит. Рыбу она на морском берегу собирала! В крупной чешуе была рыба! Жабры она раздувала, плавниками водила! А теперь в мешке и вправду одни палки лежат.

Испугалась женщина, заплакала.

«Верно, — думает, — это мне наказание за то, что я про древний обычай забыла! Не будет больше такого».

Тот день Ченгэ с детьми голодные просидели.

Назавтра опять женщина на морской берег отправилась. Только кучи водорослей среди камней чернеют. Ченгэ всё идёт и идёт, далеко ушла. Вдруг видит — лежит нерпа. В боку у неё рана, верно, какой-то охотник загарпунил, да ушёл от него раненый зверь. А Ченгэ достался. Она ремённую петлю на хвост нерпе накинула и потащила добычу к стойбищу.

Совсем близко ей до землянки оставалось. Выбежал ей навстречу сосед.

— Ох и большая нерпа! Хороший ты добытчик, хоть и женщина. Верно, устала зверя издали тащить. Иди отдохни. А я пока нерпу освежую, мясо разделю.

Пошла Ченгэ в землянку, голодных детей порадовать. Спустя немного времени старик явился, окровавленную руку на весу держит.

— Вот, — говорит, — беда вышла. Поранился я ножом, придётся тебе самой с нерпы шкуру снимать и мясо делить. А я к себе пойду.

Стала Ченгэ нерпу свежевать. Только надрезала шкуру, посыпались из нерпичьего брюха камни. Целая куча камней высыпалась, пустая шкура на земле лежит.

Ещё больше, чем вчера, испугалась женщина. Как же это нерпа, камнями набитая, к берегу подплыла? В море бы она утонула. Что-то тут не так!

Принесла Ченгэ домой пустую шкуру. Старшего сына к старику посылает:

— Иди, сынок, к соседу, скажи — неудачливые мы. Скажи — в этой нерпе камни вместо мяса оказались.

Побежал мальчик, и сестрёнка за ним увязалась. Скоро вернулись. Мальчик говорит:

— Сосед меня в землянку не пустил, сказал: иди,

иди, не хочет твоя мать соблюдать обычай. А я в щёлку двери увидел — у них в котле нерпичье мясо кипит.

— А на вешалах рыба вялится! — девочка сказала.

Тут поняла бедная женщина, как обманул её старик. Пошла она с детьми в тундру, ягод собрали, грибов. Поели немного.

Так вполсыта день за днём живут, до вечера время дотягивают. Старик к ним не заходит, старуха встретит — отворачивается.

Однажды отправилась Ченгэ с ружьём мужа далеко за сопки. Дикого оленя след увидела, пошла по следу. Убила оленя. Свежует, радуется — жирный этот олень, много дней все будут сыты!

Освежевала. Четыре куска мяса отрезала, в мешок положила. А всю тушу закидала валежником, сверху привалила приметный камень.

Поздно вечером вернулась Ченгэ домой. Сварила оленьё мясо, накормила детей. Давно дети не ели так сытно.

Мать им сказала:

— Теперь ложитесь спать. Утром рано будем перекочёвывать. За сопками будем жить. Там места хорошие.

Когда дети легли, Ченгэ стала кормить всё, что было в доме. Жиром мажет, приговаривает:

— Никому ничего про нас не рассказывайте! Что мы ели, то и вы ели — никому другому до этого дела нет. Куда мы пойдём, вы не знаете. А если знаете, то молчите!

Ещё солнце не поднялось, а Ченгэ с детьми уже на ногах. Собирает скарб, спешит. Тут попало ей полено под ноги, она его второпях отшвырнула подальше.

Наконец двинулись в путь. Землянку старика и старухи стороной обошли. К тому месту Ченгэ откочевала, где оленя спрятала.

Там землянку вырыла. Мальчики и девочка, чем

могли, помогали. Зажили они хорошо. Старший сын уже на охоту с матерью ходит.

А старик и старуха все припасы съели — и рыбу и нерпичье мясо. Промышлять старику не хочется, своего оленя забить жалко. Пошёл он к Ченгэ. Смотрит — пуста землянка, огонь в очаге, видно, давно не разжигали. Значит, откочевала, — понял старик. Вот бы узнать, куда? Стал у землянки спрашивать:

— Дом Ченгэ, где твоя хозяйка?

— Не скажу, — отвечает землянка. — Ченгэ меня до-сыта накормила.

Повернулся к спальному пологу, у него спросил:

— Полог, полог, куда дети ушли? Куда увела их мать?

Зашелестели шкуры полога:

— Спрашивай, не спрашивай, ответа не получишь. Не с добром ты к Ченгэ пришёл. Уходи от нас!

К очагу подошёл старик:

— Очаг, очажок, не знаешь ли, где твоя хозяйка?

Очаг отвечает:

— Знать, знаю, а тебе не скажу! Из-за тебя сколько раз я нетопленным оставался.

Вдруг стук раздался. Это полено подскочило к старику, заговорило скрипучим голосом:

— Зато я скажу! Ченгэ за сопками жирного оленя убила, на очаге сварила мясо, потом накормила всех. А мне от неё одни пинки достались.

Обрадовался старик, побежал из землянки. Напоследок так полено ногой поддал, что оно впереди него в дверь вылетело, посреди стойбища хлопнулось. А старик даже к старухе своей не зашёл, прямо за сопки отправился.

Ченгэ в это время охотиться ушла. Дочка её на сопке ягоды собирала. Увидела сверху старика, сбежала вниз, закричала братьям:

— Прячьте скорее все припасы! И сами давайте спрячемся! Старик идёт!

— Лучше проучим его! — старший брат сказал.

— А как? — младшие спросили.

— Вот так! — и рассказал им, что задумал.

Старик уже сопку обогнул, подходит к новой землянке Ченгэ. Видит — никого нет. Пожалуй, так ему ещё лучше!

Вошёл в землянку. Смотрит — перед очагом три большие рыбины лежат. Верно, собралась их варить Ченгэ.

— Вот хорошо! — старик сказал. — Давно я рыбки не ел.

Наклонился, протянул руку к рыбинам. А они вдруг подпрыгнули, хвостами его по лицу хлестнули. Взвились, как птицы, в дымовое отверстие улетели. У старика ноги подогнулись, сел он на пол, думает:

— Не иначе, как Ченгэ шаманом стала! Страх какой!

Посидел старик на полу, в себя пришёл. Смотрит — в углу лежит оленья шкура. Да так ловко содрана, что рога целыми остались.

— Ну, — думает, — рыбкой не поживился, хоть оленью шкуру унесу домой.

Подошёл к шкуре. А она зашевелилась, приподнялась. Острые оленьи рога под рёбра старика боднули. Ещё больше перепугался старик. И вдруг такое увидел, что холодный пот его прошиб, волосы дыбом встали. Из другого угла землянки ползёт к нему нерпа, лает по собачьи...

Смолоду старик так не бегал, как сейчас бежал. Выскочил из землянки, с горы скатился, на гору взбежал, а там по ровному месту припустил — и оленю, пожалуй, не догнать!

Пока он бежал, с крыши землянки средний брат

спрыгнул. На жильной нитке три рыбины у него волочатся. Из-под оленьей шкуры выбрался старший брат. А из нерпичьей шкуры выползла маленькая сестрёнка. Смеются, вспоминают, как старика перепугали.

Тут и Ченгэ вернулась, принесла двух зайцев, ловушками пойманных. Рассказали ей всё дети, вместе с ними она посмеялась.

А старик, не переводя духа, до стойбища добежал. Вот уже землянка его близко. Сейчас дома окажется. Да вдруг на бегу запнулся о полено, то самое полено, что из старой землянки Ченгэ ногой вышвырнул. Полетел с размаху на землю, большую шишку на лбу набил. Поднялся, кряхтя, к своей старухе поплёлся.

Старуха его спрашивает:

— Что принёс? Я уже огонь в очаге развела.

— Да вот шишку на лбу принёс.

Старуха заворчала:

— Убирайся со своей шишкой, откуда пришёл! Сыты мы с твоей шишки будем, что ли?

— Ты бы меня пожалела!—старик обиделся.— Разве так жена должна мужа встречать?!

Слово за слово — поссорились старики, да так, что до драки у них дело дошло.

Нельзя перед огнём ссориться, каждый ребёнок это знает. А старики забыли. Теперь пламя в очаге рассердилось.

Вспыхнул огонь, затрещал, полетели в разные стороны искры, обожгли старика и старуху.

Опомнились они. Старик шишку потёр, затылок почесал, сказал старухе:

— Придётся, однако, самому на промысел ходить. Найди-ка ружьё, рыболовную сеть почини.

Вот так-то!

МАЛЬЧИК В ДЕВИЧЬЕЙ ОДЕЖДЕ

Алеутская сказка

Канаагутух, когда молод был, много воевал. Среди сородичей первым воином слыл. Только песен про него никто не пел, сказаний не складывал. Иные с врагом в честном бою лицом к лицу сходятся. А Канаагутух тайком в чужое селение прокрадывался, сонных мужчин убивал, женщин, детей в плен уводил. Жадность его гнала, хотел побольше рабынь набрать, чтобы женщины на него трудились.

Потом и от сородичей ушёл. Поселился далеко от всех, на пустынном морском мысу. Пленниц-рабынь для себя юрту большую заставил построить. Над всем селением возвышалась его юрта. А женщины жили в узких, как нора, землянках.

Всех мальчиков Канаагутух убил. Боялся, что, когда вырастут мальчики, когда мужчинами станут, отомстят за своих матерей, за своих сестёр.

А одна женщина, когда Канаагутух, мужа убив, её в плен угонял, сына своего, грудного младенца, под кухлянкой спрятала. Положила в землянке в тёмном углу, шкурами прикрыла.

Да долго ли ребёнка в тесном жильё удержишь?! Только стал мальчик на ноги, побегать ему захотелось. Тогда сшила ему мать кухлянку с женским узором. Позволила мальчику подле землянки играть.

Светлое детское личико нежным было, никто не догадывался, что женщина приказ Канаагутуха нарушила. Мальчик рос, подрастал.

Однажды решил Канаагутух пройтись по своему селению, посмотреть, хорошо ли работают его рабыни, нет ли среди них ленивых. Вдруг видит — играет девочка, детские дротики в цель мечет. Удивился Канаагутух — девочки в такие игры не играют, для мальчиков эта игра. Однако не остановился, дальше пошёл. Скоро забыл про это.

А мальчик все растёт, выше становится, плечи его вширь раздаются. Мать ему женские подвески к ушам подвесила, косы заплела по-девичьи.

Сколько времени прошло, не знаем. Только опять ребёнок Канаагутуху на глаза попался. Девочка птицу камнем на лету сшибла. Ловко! Даже взрослой женщине так широко руку от плеча не размахнуть. Птица сразу на землю упала, девочка её подхватила, унесла в землянку. Задумался Канаагутух, не нравится ему эта девочка!

На следующий же день Канаагутух прямо к той землянке направился. Смотрит — девочка силки ставит. Ладно так — опытный охотник позавидовал бы!

Канаагутух в землянку зашёл, сказал матери:

— Я по дрова собрался. Твою дочь себе в помощницы возьму.

Испугалась женщина, да плакать не смеет. Слёзы проглотила, ответила:

— Как скажешь, так будет!

А сыну своему, девочкой одетому, потихоньку костяной клин за пазуху сунула.

Вышли на морской берег Канаагутух и девочка. Недолго искал Канаагутух то, что ему было нужно. Большое бревно, неизвестно откуда волнами принесённое, бурей к берегу прибитое, увидел. Канаагутух это бревно с комля начал колоть. Когда расщепил, сказал:

— Эй, девочка, зайди-ка с этого конца, придержи руками щель, пока я с того конца колоть буду.

Девочка сделала, как он велел. Канаагутух в тот же миг сильным ударом топор вышиб. Девочку в бревне зажало. Засмеялся Канаагутух, сказал:

— Когда кончишь рубить дрова, домой возвращайся!

Повернулся и пошёл в селение. Идёт, усмехается.

«Мальчик ли, девочка ли, пускай попробует из этого толстого бревна выбраться».

А мальчик всадил костяной клин в раскол бревна, что его крепко сдавило, изогнулся, схватил камень, начал клин забивать.

Шире и шире щель становится, уже дышать легче, уже чуть-чуть повернуться можно. До тех пор камнем по клину бил, пока бревно надвое не расскочилось.

Взвалил мальчик обе половинки бревна на плечи, поволок в селение. Там у большой хозяйской юрты на землю сбросил, крикнул:

— Эй, Канаагутух! Вот дрова, что ты на морском берегу оставил.

Канаагутух заскрежетал от злости зубами. А мальчик-девочка к матери отправился.

Трёх дней не прошло, опять явился Канаагутух к женщине.

— Иду на скалы, яйца кайры собирать. Дочку твою, пожалуй, возьму. Пусть приучается к делу.

Мать из землянки ему крикнула:

— Хорошо, хорошо, сейчас девочку одену!

Сама торопится, сыну под кухлянку нежный гагачий пух подсовывает. Потом вывела его.

— Очень толстая у тебя девочка, — говорит Канаагутух. — Видно, слишком много еды вам даю!

Пошли на морской берег, на высокие прибрежные скалы взбираются. Доверху долезли, Канаагутух сказал:

— Вон сколько зелёных в чёрных пятнах яиц кайры на уступе нанесли! Не ленись нагибаться, голова не отвалится, спина не переломится!

Мальчик низко нагнулся, зазвенели девичьи подвески. А Канаагутух сзади подкрался, столкнул его вниз.

Сорвался мальчик с высокой скалы и вскрикнуть не

успел. Падают, ударяясь об острые камни. Да мягок пух птицы гаги — кухлянку порвал, а сам даже не ушибся.

Канаагутух ему вслед не посмотрел, спустился по другой стороне скалы. Идёт в селение довольный.

«Теперь-то, — думает, — я с ним справился!»

Вечером сидел на камне подле юрты, отдыхал. На душе у него легко — некого бояться. Зато его самого все боятся! Вдруг смотрит — идёт к нему мальчик в девичьей одежде, в подоле кухлянки кайриные яйца несёт.

— Эй, Канаагутух, — говорит, — может тебе покажется, что мало яиц, да больше в подоле не умещается. Если хочешь, завтра сам иди собирай!

Сдвинулись у Канаагутуха брови, с лица он потемнел. На глазах растёт враг! И никак от него не избавиться!

Назавтра позвал мальчика с собой на тюлений промысел. Мать сына недолго собирала, даже порванную кухлянку зашить не успела. Только сунула ему в рукав остро отбитый каменный нож да иголку из рыбьей кости с жильной ниткой.

Лежбище тюленей на пустынном острове было. Канаагутух с мальчиком на большой байдаре туда поплыл. Много тюленей набили. Потом Канаагутух велел мальчику таскать тюленей в байдару. Мальчик всех тюленей перетаскал, одного в куче морской капусты, морем на берег выкинутой, спрятал.

— Ну, все, что ли? — Канаагутух кричит.

— Все! — отвечает мальчик.

Тут Канаагутух вскочил в байдару, оттолкнулся, веслами замахал.

«Наконец-то, — думает, — я его перехитрил! Пусть попробует с пустынного острова до меня добраться!»

Стоит мальчик на каменистом берегу, Канаагутуху вслед смотрит. Гнев заставляет его сердце о рёбра колотиться, а траху в нём ни капельки нет.

Скрылась вдали байдара, мальчик принялся за дело. Спрятанному тюленю ножом, что мать дала, брюхо разрезал, снял с него шкуру. Отрезал кусок сала, с этим салом в шкуру тюленя забрался, зашил её изнутри, поближе к берегу перекатился.

Начался прилив, подхватили шкуру с мальчиком: волны, унесли в открытое море. Сколько мальчика так носило, ему не сосчитать — темно ведь в тюленьей шкуре, не понять, когда день ночью сменяется, ночь днём становится.

Наконец, прибило его к берегу. Лежит тюлень на песке, не разберёшь — живой, не разберёшь —дохлый. Как раз в это время девушка из тех мест плавник для очага собирала. Увидела тюленя, обрадовалась.

«Жиру натоплю, — думает. — Будет зимой и тепло и светло!»

Каменным ножом разрежала тюленю шкуру на брюхе. Тут и выскочил из неё мальчик. Да не мальчик уже, юноша! Сильный, красивый. Вырос он, пока по волнам его носило.

Юноша девушке понравился, и она ему приглянулась. Повела девушка его в свою юрту. Сшила ему хорошую мужскую одежду. Скоро замуж за него вышла.

Спокойно бы юноше жить с молодой женой, а он неспокоен. Мать ему жалко. Как она там без сына живёт? — думает. И злой обидчик, Канаагутух, из памяти не идёт. Кто ему за всё отомстит?!

Юноша в первый же день, только в юрту жены вошёл, заметил орлиную шкуру. Висела она над головами посреди юрты, расправив широкие крылья.

Спросил у жены. Она ответила:

— Орёл — покровитель нашего рода. Дед мне говорил: когда он был маленьким, и тогда эта шкура здесь висела. И ещё он говорил: если придёт беда, враг нападёт, надень орлиную шкуру — она поможет. Хорошо,

место у нас глухое, мирное, на нашу сторону чужие редко забредают.

Снял юноша шкуру, на себя надел. Орлиную силу почувствовал, сразу захотелось ему ввысь взлететь. Расправил руки-крылья, сильными лапами от земли оттолкнулся, над юртой три круга сделал. Опустился, жене сказал:

— Однако, хорошо получается. Надо опять попробовать!

В этот раз схватил когтями камень весом с малого ребёнка, с ним стал в небе кружиться. Опять опустился, камень побольше, весом с подростка, поднял. С ним полетал. Три дня набирал силу, к высоте приучался. Потом сказал жене:

— Теперь к матери отправлюсь. С Канаагутухом рассчитаюсь. А ты меня жди, думаю, вернусь скоро.

Прилетел к далёкому мысу, где селение Канаагутуха

стояло. Опустился на сторожевую скалу, с которой и сушу и море далеко видно. С этой скалы когда-то дозорные вдаль смотрели — не плывут ли вражьи байдары, не показался ли в море косяк рыбы, не подбираются ли с суши чужие воины. И орёл своими зоркими глазами при свете заходящего солнца всё оглядел.

Вон большая юрта Канаагутуха, из её дымового отверстия сизые клубы валят — это женщины-рабыни своему хозяину ужин варят. Над землянками тонкие дымки вьются, только над одной землянкой, над его родной землянкой, воздух прозрачен — не горит там огонь.

«Жива ли мать?» — думает.

Снял орлиную шкуру, под большим камнем спрятал. Темноты дождался, пошёл к своему жилищу.

Жива его мать, оказывается. Только постарела от горя, от голода иссохла. Не кормил её совсем Канаагутух. Тем и жила, что на берегу морем выброшенную рыбу подбирала.

Не сразу узнала мать сына. Он к ней со словами приветя подходит, она в страхе к стене прижимается. Когда, наконец, поверила, что сын живой вернулся, заплакала. Слезами радости заплакала.

Захотелось ей получше сына разглядеть. Взяла она зажигательную дощечку, зажигательную палочку, в углубление дощечки сухой трухи насыпала. Начала ладонями палочку быстро вращать. До тех пор крутила, пока из-под палочки огонёк не родился. Этим огоньком фитиль в жирнике зажгла.

Сидят мать с сыном рядом, друг на друга смотрят. Сын рассказывает — мать слушает. Мать рассказывает — сын слушает.

Увидел Канаагутух, что в землянке матери свет появился, прислал женщину узнать, зачем жирник зажгла. Мать женщине ответила:

— Изголодалась я совсем, один из ремешков, на которых дверь держится, срезала, жарю его на жирнике.

Успокоился Канаагутух, спать лёг. А мать с сыном всю ночь проговорили. Под утро сын сказал:

— Когда солнце взойдёт, беги к Канаагутуху, скажи, что море двух китов выбросило.

С такими словами из землянки вышел, к сторожевой скале отправился. Орлиную шкуру надел, орлом закружил над морем. Высмотрел двух китов, убил одного, убил другого. Притащил в бухту на мелководье, положил хвостами вместе, головами врозь. А сам на сторожевую скалу сел, ждёт.

Только солнце взошло, мать орла побежала к Канаагутуху.

— Вставай, Канаагутух! В нашу бухту двух китов принесло. Лежат на мелководье хвостами вместе, головами врозь.

Выскочил Канаагутух из юрты, увидел китов, обрадовался. Большое богатство два кита! А женщине сказал:

— Убирайся вон! Я этих китов раньше тебя приметил.

Надел Канаагутух шапку из моржовых кишок, созвал всех женщин селения, велел им в байдары садиться, китов разделывать. Сам на берегу стоит, приказы отдаёт, на женщин покрикивает. Вышла на берег и мать юноши-орла. Канаагутух её к китам не подпустил, побоялся, что она кусочек китового мяса под кухлянку спрячет.

Вдруг со сторожевой скалы слетел орёл, вырвал из китового бока большой кусок мяса, бросил к ногам матери. Канаагутух это увидел, подбежал к женщине, ударил её по руке, оттолкнул. В тот же миг на него орёл камнем сверху пал, схватил сильными когтями, понёс над морем.

— Ауага! — закричал Канаагутух. Так всегда люди кричат в сильном испуге.

Орёл его над волнами несёт. Канаагутух орла молит:

— Спусти меня на берег! Я тебе половину моих женщин-рабынь отдам! Я тебе новую, крепкую байдару подарю. Одного кита себе возьмёшь. Пожалей меня!

Орёл отвечает:

— А в тебе самом жалости сколько? Жалел ли ты мальчика, когда в бревне его зажал? Жалел ли, когда со скалы столкнулся или когда на пустынном острове одного бросил? Зачем же мне тебя жалеть?

Поднялся высоко и разжал когти. Три раза Канаагутух в воздухе перевернулся. Зелёные волны с головой его накрыли, в тёмную воду навсегда он ушёл.

А орёл снизился, над головами женщин круг сделал, крикнул им:

— Китового мяса надолго вам хватит. Ещё что понадобится, в юрте Канаагутуха возьмёте. Мужей себе найдите, живите хорошо!

Перед матерью орёл опустился, подставил ей спину. Села мать между могучими крыльями и полетели они.

Низко-высоко летели, близко-далеко летели, добрались до того берега, где молодая жена своего мужа ждала.

Хорошо все зажили.

Орлиную шкуру опять посреди юрты повесили. Кому она ещё понадобится, кто знает?!

**СЛАВНЫЙ БОГАТЫРЬ
С ДЛИННЫМ ИМЕНЕМ
И
ЗЛАЯ НЭГЭЙ-ТУГУТ**

Якутская сказка

Жили, говорят, рассказывают, старик со старухой. В большой юрте жили. Тридцатью слюдяными окнами она на все стороны смотрит, тройная кровля, тройные стены от стужи и жары старика и старуху оберегают. На гладком и чистом дворе коновязи стоят с резными украшениями. К ним статных коней привязывают, а пёстрых и рыжих коров не привязывают, они сами на лесных полянах пасутся. Всего у старика и старухи вдоволь. Люди завидовали, говорили: «Хорошо им, всем богаты!». А того не говорили, что старик и старуха и годами богаты— по восемьдесят лет каждому. Не гнулись их спины, ослабели ноги, глаза потускнели. И детей у них не было. Некому их важную старость покоить, ласковое слово сказать, за хозяйством присмотреть.

А раз заболели оба. Лежат в своей большой юрте,

встать не могут. Еды полно — они чуть от голода не пропали, питья много — они чуть от жажды не умерли, дрова запасены — чуть не замёрзли.

Старуха жалуется:

— Что с нами будет, если долго проболеем?! Был бы сын, он бы помог. Была бы дочь, она бы позаботилась.

Старик ничего ей не ответил. Перемогся, встал. Взял толстую, суковатую палку, подпёрся ею, пошёл на поляну в лесу.

Бывает так — на празднике Ыссыах — на весеннем празднике кумыса — соберутся девушки, наряженные в платья с серебряными украшениями. Наплясавшись, наигравшись, возьмутся за руки, шепчут одна другой: «Смотри, какой парень хороший!» — «Нет, вот тот лучше!» — вторая шепчет. А третья вдруг скажет: «Ах, подруженьки, не подслушал бы нас кто!» Испугаются девушки, опустят руки, разбегутся в разные стороны, будто не шептались. Так разбежались золотистые тонкие берёзки по той поляне, на которую старик пришёл.

А посередине поляны стояла священная большая берёза. Кора у неё чёрного серебра, берёста светлого серебра. Ветви её широко раскинулись, вершина под небеса уходит. Подошёл старик к этой берёзе, постучал по стволу суковатой палкой, начал говорить:

— Ичытэ, в берёзе живущая, покровительница нашего рода, ты нам много хорошего сделала. Богатство дала, долгую жизнь у неба выпросила. А на что нам богатство, если некому его оставить? Зачем долгая жизнь, если никто в конце пути нас не утешит? У других людей есть дети, только у нас нет. За что ты на нас рассердилась? Дай нам сына! Ты же можешь дать!

Тут раскрылась берёза и вышла из неё красивая женщина, старику улыбнулась.

— Старик, глядя на тебя, стонут и плачут лес и горы. Даже небо затуманилось, из туч горькая вода льётся. Не печалься, слушай, что я скажу. Через три дня поднимется буря с дождём и градом. Вы со старухой запритесь в юрте, никуда не выходите. На четвёртый день, когда стихнет буря, приходи сюда на поляну. Упавший с неба чёрный камень увидишь. Запряги тридцать быков, привези чёрный камень в юрту, положи на соболий мех. Ещё через три дня расколется камень, выйдет из него мальчик. Это и будет твой сын!

Сказала так женщина, отступила на шаг, в берёзу вошла. Опять на серебряной коре дерева даже царапинки не видно, глянешь — не поверишь, что женщина из ствола выходила.

Старик вернулся в юрту, ничего старухе не говорит. А когда через три дня поднялась буря, сказал ей:

— Ты не бойся, буря нам радость принесёт.

Старуха заворчала:

— Какая там радость! Деревья ломает, градом бьёт, как бы наш скот не побил...

Наконец кончилась буря, солнце выглянуло. Старик из юрты вышел. Хоть и старые у него ноги, а быстро донесли до поляны. Оглядел поляну — нигде камня не видно. Неужели Ичытэ, в берёзе живущая, обманула!?

Присмотрелся получше — лежит камень, только глубоко в землю ушёл. Старик, как велено было, пригнал

тридцать быков, запряг в камень, к юрте своей приволок. Там на соболий мех положил. Сам сел у камня и старуху рядом посадил. Сидят, с камня глаз не спускают.

День прошёл, и ночь миновала, и ещё день, и ещё ночь. Камень лежит, как лежал, не шелохнётся. А на третий день застучало, заскрежетало что-то в камне, загремело раскатами. Да так, что старик и старуха без памяти упали.

Когда очнулись, голову подняли, увидели, что сидит на полу, играет осколками разбитого камня маленький мальчик. А рядом лежит золотая уздечка да как толстая змея свилась ремённая плеть. Волосы у мальчика золотые, тело серебряное. Старуха к мальчику бросилась, на руки его взяла. А старик сказал:

— Это Ичытэ, женщина, живущая в берёзе, нам сына послала. Я у неё выпросил!

Рос мальчик быстро, как вырастает на небе грозовая туча. Даже того быстрее — как лесной пожар рос. За один год будто за пять лет прибавлял в росте и в силе. Стали руки у него твёрдые и крепкие, как узловатое дерево на крутом каменистом склоне. Стали ноги стройные, как ствол сосны. В плечах широк, в бёдрах узок, ростом повыше молодой осины, чуть пониже лиственницы.

За скотом ходил, колол дрова, юрту топил, во всём помогал отцу и матери. Хорошим был сыном.

Только смотрят родители, скучен сделался сын. Радостна его жизнь, а он ходит сумрачный, как осенний вечер.

— Что с тобой, сынок? — спрашивает отец. — Чего тебе не хватает?

Сын отвечает:

— Всё у нас есть, всего вдоволь. Одного не достаёт — коня по мне, по моей силе. Вы о себе думали, не обо мне, когда ребёнка себе выпрашивали, сына себе

вымаливали. Если бы обо мне думали, попросили бы и коня!

— У нас коней много, — отец отвечает, — бери любого.

— Разве это по мне конь! Мне такого надо, чтобы одним прыжком через высокую гору мог перескочить, через широкую реку перемахнуть!

— Нет у нас такого коня, какой тебе нужен. Только и есть золотая уздечка да девятисаженная ремённая плеть с рукояткой в тридцать пудов. А о коне проси Ичытэ, что живёт в большой берёзе на поляне.

Взял юноша плеть, взял уздечку, пришёл к берёзе. Постучал по ней концом плети, сказал:

— Ичытэ! Нехорошо ты сделала. Бросила меня на землю, вырос я, стал бы богатырём, да какой же богатырь без коня! Как мне дальше жить, ответь! Дай коня, какого мне надо!

Раскрылась берёза, серебряная её кора разошлась на две стороны. Появилась перед юношей красивая женщина. Брови у неё сдвинуты, сердится она. Так начала говорить, такие слова сказала:

— Верно вкусно ты ел и пил у стариков, мягко спал, горя не чувствуя, заботы не зная! Что так поздно о коне вспомнил, раньше надо было! Есть у тебя конь, давно тебя ждёт. Иди теперь сам его ищи.

Закрылись берёзовые створки, исчезла женщина. А юноша топнул ногой, прыгнул, разом очутился за семьдесят вёрст от поляны. Там на большом лугу пасся табун лошадей. Стал юноша ходить между ними, высматривать своего коня. Хорошие есть кони, а всё ему не нравятся. Тогда он так подумал, так сказал:

— Брошу я свою узду. Если конь мой тут, узда на него падёт.

Упала узда на самого худого, заморённого жеребца. Шерсть на нём свалялась, от грязи не разобрать, какой

масти. Понурил голову конь, еле на ногах стоит, вот-вот дух испустит.

Рассердился юноша, закричал, засвистел, закружился.

— Такого ли мне надо коня, что сейчас издохнет!

Опять вверх кинул узду. Опять она на спину того же коня упала.

Ещё больше рассердился юноша.

— Лучше ему голову свернуть, чем на него сесть, себя опозорить!

Схватил жеребца за шею крепкими руками. Вдруг конь заговорил человеческим голосом:

— Глупец ты бессовестный! Видно, хорошо тебе жилось у отца с матерью, мягко ты спал, сладко ел и пил. Обо мне ни разу не вспомнил. А я в это время на снегу замерзал, жевал тальниковые прутья да горькую осину обгладывал. Такой ли хозяин нужен богатырскому коню?!

Стыдно стало юноше, сказал он:

— Прости меня, будущий верный помощник! Винават я перед тобой. Теперь всё сделаю, как ты велишь.

Конь отвечает:

— Есть за семью холмами, за тремя лесами горячее озеро, что и в лютую стужу льдом не покрывается. По его берегам растёт восьмиветвистая сочная трава. Туда и отведи меня.

Юноша надел на коня золотую узду, взял за повод и топнул ногой. Мигом очутились оба у незамерзающего озера. Тут конь сказал:

— Оставь меня здесь одного. Через три дня приходи.

Еле дождался юноша конца трёх суток. Днём солнце глазами провожал, ночью по звёздам время мерил.

Опять пришёл к озеру. Видит статного могучего коня, белого, как кипящее молоко, с волнистой гривой, с раз-

вевающимся хвостом. Глазам своим не поверил — тот ли это конь?!

А белый конь подошёл к нему, сказал:

— Что, мальчишка, не узнал меня? А ведь ты меня задушить хотел. Теперь попробуй, сядь на такого, как я!

Юноша надел на коня узду, разбежался, подпрыгнул, да не достал до его спины. Заржал конь, словно засмеялся, гривой тряхнул.

— Ещё раз прости, мой товарищ. Забудь, что я обидел тебя, — просит юноша.

— Прощаю, — конь ответил. Передние ноги подогнул, на колени перед юношей опустился.

Тут-то юноша сел верхом на коня. Конь взвился на дыбы, прыгнул раз, прыгнул второй. Оказались они во дворе у родного порога. Богатырь соскочил с коня, вошёл в юрту, отцу с матерью сказал:

— Нашёл я себе коня, теперь дайте мне имя, родители!

Задумались старики, потом мать сказала:

— Будешь ты богатырём, таким человеком, которого никто обидеть не посмеет, никто не осилит. Будешь ты носить красивое длинное имя, зваться Эрбях-юрдюгер-сэттэте-эрте-ербэхтэй-бергэн!

С этого дня стал юноша таким весёлым, что даже корм скоту задавал с песнями. От того и старикам весело на душе. Так жили.

Однажды утром пошла мать к озеру за водой. Видит — плавает по озеру золотая люлька, а в ней лежит маленькая девочка, такая прекрасная, словно она красотой трёх долин рождена, молоком лосихи вскормлена.

Старуха подобрала на берегу корявую ветку, зацепила люльку, подтянула к берегу. Домой принесла, мужу сказала:

— Смотри, какую я девочку нашла!

Старик ответил:

— Сын у нас есть, теперь и дочка будет!

Скоро вернулся домой молодой богатырь, старики ему девочку показывают.

— Порадуйся с нами! — говорят. — Озёрная вода нам дочку принесла, тебе сестру. Ещё веселее в нашем доме будет!

Взял юноша девочку на руки, к двери, к свету поднёс. Осветило их яркое солнце. Видит он — его тень на земле лежит, а девочка тени не отбрасывает. Нахмурился богатырь, темнее безлунной ночи стал.

— Не человек эта девочка, — сказал, — абаасы она! Злой дух! Разве сами не видите? Отнесите её, откуда взяли. Не то беда будет.

Мать рассердилась.

— Не может быть того, что ты говоришь! Я её уже полюбила. Она зрачок глаза моего — глянь на неё, сердца моего кусочек, стучащего в груди!

Пожалел свою мать юноша, ничего больше не сказал.

Растёт девочка быстро, поднимается, как кислое тесто на опаре. Старики её ласкают, балуют. Богатырь в её сторону не смотрит.

Как-то чистил он коней, вдруг слышит — за спиной будто кто-то топориком лёд колет. Оглянулся, видит — бежит к нему их девочка. Только она ли это? На одной железной ноге, с одной рукой, с белёсым, как замёрзшая вода, глазом. Шубка на ней восьмигранная, железная, от каждого прыжка звенит.

«Конечно, абаасы она! Горе всему нашему дому принесёт! — подумал богатырь. — Говорил же я матери, да она не верит!»

А девочка всё скачет к нему.

— Вот, братец, пришла тебе помогать!

— Не подходи ко мне, абаасы! — закричал богатырь. Она засмеялась, будто по железу ножом провели.

Тут богатырь взмахнул плетью. Просвистела плеть, железное ухо абаасы покорёжила. Вскрикнула девочка, назад повернула.

Богатырь вычистил лошадей, пришёл в юрту. Мать на него набросилась:

— Что ты делаешь, бессовестный! Растёт наша дочка первой невестой по всему краю, по всему свету. В своё время самые хорошие женихи свататься к ней приедут. А ты такую красоту уродуешь! Посмотри на её беленькое ушко, что ты, безжалостный, плетью рассёк.

— И смотреть на железную абаасы не хочу! — сказал богатырь. — Где ваши глаза? Даже на ярком солнце она тени не отбрасывает. Слепли вы, что ли?

— Так нежна она, — отец заступается, — что солнце её насквозь просвечивает. Потому и тени нет.

Махнул рукой богатырь, вышел из юрты. Сел на своего молочно-белого коня, весь день по лесу скакал. Только к вечеру утих его гнев, улеглась обида. Вернулся домой.

Утром пошёл сено задавать коровам. Опять девочка явилась. Одноногая, однорукая, одноглазая, какой её родители не знали, какой лишь богатырь видел. Шире вчерашнего размахнулся он плетью, хотел убить абаасы, да увернулась она. Только концом плети погнуло её железный мизинец. Покрутилась абаасы на железной ноге, снова стала девочкой, с плачем побежала в юрту.

Когда богатырь туда вернулся, и отец и мать с бранью на него накинулись. Поносить его стали, кричать, что он любимой их девочке беленький мизинчик сломал. Потом бить его принялись... Хоть и много сильнее их богатырь, но терпит побои. Как поднять руку на родителей!

Накричались отец и мать, устали и выгнали сына вон из юрты. Впервые в жизни он ночь не дома ночевал. До рассвета пролежал под открытым небом рядом со своим конём.

Ранним утром подошёл к юрте, в дверь постучал. Просит отца и мать:

— Выйдите ко мне попрощаться, ухожу от вас.

Старики из-за двери отвечают:

— Убирайся, куда хочешь! Не выйдем к тебе.

— Ну что ж, уйду и так, — богатырь вздохнул. — Только помните: дочь, что вы больше меня любите, беду вам принесёт. Злая она абаасы, берегитесь её.

Потом на поляну пошёл. Вызвал Ичытэ из берёзы, так ей сказал:

— Покидаю я этот край. Не могу терпеть обиду. Меня не будет, кто позаботится о моих стариках, если неты? Оберегай их от злой абаасы. Прошу тебя!

Ичытэ опечалилась.

— Не дано мне силы с абаасы бороться. Она Нижнего мира злое порожденье. Рада бы стариков от беды уберечь, да не знаю, смогу ли?

Попрощался с Ичытэ богатырь, свистнул своего коня, вскочил на него и поехал прочь. Держит свой путь на полуденную сторону.

Ехал он лето, ехал зиму. Не ел, не пил, ни разу с коня не слез.

Вдруг видит — стоит одинокая юрта. Постучал богатырь, вошёл.

В очаге важный огонь седой бородой колышет, а у огня сидят, греются старик и старуха. Старик спросил:

— Откуда едешь, куда путь держишь?

— Еду с полночной стороны, на полуденную путь держу.

— Где твои родители?

— Были у меня отец и мать, а теперь не стало.

Старик к жене повернулся.

— Надо накормить дорогого гостя.

— Уже несу, — отвечает старуха и поставила перед богатырём маленькую чашечку.

Обиделся богатырь.

— Видно, в вашем краю принято над гостем смеяться. Ведь целый год не ел.

— А ты попробуй сперва съесть то, что в чашку положено, — засмеялась старуха. — Потом скажешь, хватило ли? Если мало, ещё подбавлю.

Начал богатырь есть — в чашечке не убавляется, не

прибавляется. Целый день ел, к вечеру последний кусок проглотил. Опустилась чашка.

Старик говорит:

— Вижу, ты настоящий богатырь! Теперь ложись, отдохни.

Семь дней и семь ночей проспал богатырь. А когда открыл глаза, увидел, что старик и старуха сидят над ним, с любовью на него смотрят. Потом старуха заговорила:

— У тебя отца-матери нет. У нас сына. Оставайся с нами. Когда мы умрём, ты наши глаза закроешь. Всё себе возьмёшь, что у нас есть.

— Если хотите, поживу у вас, — отвечает богатырь. — Долго ли, сам не знаю.

Живёт богатырь не день, не два у старика и старухи. Встанет на первом рассвете, скажет:

— Не испачкался ли я в тёмной ночи, долгую ночь проспав?

Умоется водою светлого озера, коня вычистит, покормит, на охоту отправляется.

В богатом густом лесу бродил. Вершил самосуд над медведями, в обнимку с ними дрался. Сдирал с них мягкие шкуры себе и старикам на постель. Из волков убивал лучших, с чёрными полосками на передних лапах. Сохатых за ноздри во двор приводил. Вот какой богатырь был, говорят, славный богатырь с длинным именем Эрбях-юрдюгер-сэттэте-эрте-ербэхтэй-бергэн!

Только однажды едет он с охоты домой, конь повернул к нему голову, зубы оскалил, такие слова сказал:

— Уйду от тебя, пожалуй, найду богатыря лучше! На охоте любой якут не хуже тебя отличится. А где твои дела богатырские? Над кем победу одержал? Кого защитил?

Стыдно стало богатырю. Сделалось его лицо багровым, как восходящая луна. Ничего он коню не ответил.

А домой вернулся, бросил добычу в угол, сказал старикам:

— Шкуры класть негде — полы застланы, вешать негде — стены увешаны, мясо убитых зверей за три года не съесть. Некуда мне силы девать, и конь мой застоялся.

Услышали это старики, заплакали.

— Не уходи от нас, — сказала старуха. — Есть для тебя невеста хорошая у нас на примете.

Пожалел богатырь стариков. И о невесте задумался. Остался в юрте.

Ночью услышал — шепчутся старики.

— Ты зачем про невесту сказала? — попрекает старик. — Разве найдёшь в нашем пустынном лесном краю достойную девушку, равную красотой его силе? Не с молодой же берёзкой ему обручаться, не на лохматой же медведице жениться!

— Всё так, — шепчет старуха в ответ. — Само лживое слово вырвалось. Мочи нет с ясным солнцем расстаться. Уйдёт он, опять темно в нашей юрте станет!

Лежит богатырь, думает:

«Верно конь говорил: не затем моя сила выросла, чтобы в начале пути, никакого подвига не свершив, камнем лежащим лежать, деревом, растущим на месте, расти, стоячей водой в гнилых берегах колыхаться. Да и не затем к этим добрым людям пришёл, чтобы в их сердце обиду по себе оставить».

Утром не встал с постели, лежит, стонет. Старики к нему подошли, говорят:

— Горяч он, словно железо, что кузнец куёт! Тяжело, видно, заболел.

Старуха над ним хлопчет, кормит — не ест, поит — не пьёт.

Три дня пролежал, потом глаза открыл, сказал:

— Смертное время моё пришло, последний день ко мне прикоснулся. Похороните меня в серебряной могиле,

посадите на ней золотые цветы. На коня белого наденьте его золотую узду, отпустите на волю.

Сказал и умер.

Всё сделали старики, как богатырь просил. В неутешной печали похоронили его, как он велел.

А богатырь не умер, рассказывают, только прикинулся мёртвым, говорят. Прорыл себе ход в тёмной сырой земле, на белый свет вышел. Очутился в краю, где солнце всегда сияет, месяц всегда без ущерба, кукушки не перестают куковать, трава не желтеет, деревья не валятся, вода в реках и озёрах не убывает, не улетают гуси, не бросают гнёзд журавли. В такой стране из-под земли вышел.

Хорошо кругом, радоваться бы! А у богатыря в жилах кровь толчками бьётся, на подвиг посылает. В сердце жалость велит назад вернуться — обманом ведь он от стариков ушёл. Но не вернулся, сказал себе:

— Не оставил я обиды, оставил горькую утеху — серебряную могилу с золотыми цветами. Жив буду, на вещь, наведаюсь.

Только успел так подумать, слышит хлопанье крыльев вверху, крик слышит. Поднял голову, видит — летит чёрный ворон с тремя воронятами, такие слова выговаривает:

— Кар-кар-р! Чул-чал! Чуткими ушами слушай, ясными глазами смотри, умом глубоким, что бездонное озеро, вникай! В железной стране, на берегу огненного моря, у Хара Бекердяня, злого абаасы, томится прекрасная пленница. Как ветлу сырую свернуло её, как дугу согнуло от горя. Глаза она не осушает, дрожит перед губителем, как осиновый лист.

Молодой богатырь ворону отвечает:

— Печальны твои слова, а весть твоя добрая. Недолго красавице слёзы лить, недолго Хара Бекердяню над ней тешиться. Знаю теперь, в какую сторону коня

повернуть. Освобожу красавицу, убью Хара Бекердяня. Брошу его тело на пир солнцу и месяцу.

— Не так просто его убить! Есть у Хара Бекердяня жена, что живёт на берегу смоляного моря. Ещё страшнее мужа свирепая Нэгэй-тугут. Но храбрый осилит, сильный победит. Перед крепкогрудым не робей! Под грозным взором не споткнись! От быстрого не отставай! Чарам не покоряйся!

Прокаркал так ворон, полетел дальше с тремя воронытами.

Богатырь проводил его глазами и свистнул своего коня. Примчался конь с буйной чёлкой, с разметавшейся гривой, с хвостом, что вихрь. Встал перед хозяином, копытами в землю ушёл.

Вскочил богатырь на коня, в путь тронулся. Через лес едут — деревья с треском ломаются, над тундрой проезжают — пурга бушует, над морем несутся — волны горами вздымаются.

Наконец стал конь. Спрыгнул богатырь, кругом огляделся. Такое место это — мутное, как недоваренная уха, солнце тут в полсвета светит, месяц ущербный, будто заслонило их что-то. Расстилается огненное море, языки пламени волнами по нему ходят. Поверх этого моря птица не пролетит, низом мышь не пророеется.

А на берегу высокая ограда. Не из кольев, не из брёвен — из недвижимых железных абаасы. Попарно они в землю вколочены, одноглазыми лицами друг к другу повернуты. А в ограде скот пасётся. Одноглазые, однорогие, двуногие коровы железную траву щиплют. Меж железными деревьями скачут одноухие, двуногие кони. Ветер железные деревья раскачивает, бьются их ветки одна о другую, а скрежета не слышно. Даже железные комары и мухи не жужжат. Тихо здесь, как в мёртвом царстве.

Подошёл богатырь к ограде, хлестнул своей плетью. Сразу два абаасы упали на землю, и он перешагнул ограду.

Посреди поляны возвышается скала, подобная огромному каменному яйцу, а из вершины дымок курится. Обошёл скалу богатырь, нет нигде входа. Наверх полез, скала гладкая, как скорлупа яйца. До половины долезет, вниз скатывается. Тогда быстрой белкой обернулся богатырь, побежал вверх, так и стелется по гладкому камню. На вершину забрался, в дымовое отверстие заглянул. Видит — скала внутри пустая. На железной подстилке, на

железном одеяле, на каменной тяжёлой подушке сидит девушка. Голову на колени опустила, плачет, нежным голосом такие слова выговаривает:

— Всё живое на вольной воле живёт. И люди, и птицы, и звери. Даже земляной червь ползёт, куда хочет. Одна я, бедная, одна я, несчастная, в злом заточении томлюсь. Не с кем мне слова сказать, поиграть не с кем, как играла я у отца-матери. Песню запоёшь, никто не подхватит, заплачешь, никто не пожалеет... От девушки-горемыки горе не отходит, не отходит от печальницы печаль!.. Кто поможет, кто меня от Хара Бекердяня, злого абаасы, избавит!..

Пожалел богатырь бедную девушку, чуть сам не заплакал. Спрыгнул вниз белкой, снова богатырём оборотился, девушке сказал:

— Я тебя спасу, я тебя от Хара Бекердяня избавлю!

Подняла девушка голову, десять пальцев, что десять горностаев, от лица отняла. Стало светло в каменной юрте, будто три солнца взошло. Так лицо её сияло. Прозрачно горло её: будет тёмное есть — словно соболев пробежит, будет светлое есть — белая бабочка забьётся. Такая красота!

Тут за каменными стенами буря поднялась, вихрь закрутился. Железный лес заскрежетал, железная трава залязгала. Задрожала девушка.

— Хозяин мой идёт! Железное стадо гонит. Встречать его надо!

Стала девушка подвязывать одну руку, подвязывать одну ногу, лохматую шкуру медведя на плечи себе накидывать.

— Так делаю, — богатырю сказала, — чтобы одноглазый, однорогий скот человека не почувал. Пусти, дай пройти. Не то рассердится на меня Хара Бекердянь.

— Не ходи! — говорит богатырь. — Я тебя в обиду не дам.

— Тогда укрой меня от его мертвящего взора, — просит девушка.

Богатырь девушку за руку взял. Мигом она обернулась золотым кольцом, со звоном оно по каменному полу покатилось. Богатырь кольцо поднял, под одежду из волчьих шкур, из рысьих шкур на груди спрятал. Хлестнул своей тяжёлой плетью по каменной стене. С грохотом скала развалилась, с шорохом рассыпалась в песок. Выбежал во двор, абаасы увидел.

Стоит перед ним железный Хара Бекердянь, с толстой, как столб, ногою, с рукой, словно десять лопат громадных. Волосы у него будто роща сосенок — смола с них капает. Один глаз посреди лба — как замёрзшее озеро, ресницы — как ножи, зубы — как обгорелые пни.

— Хэ! — закричал богатырю. — Какой ты страны нищий? Какого края бездельник? Бедняга с растопыренными десятью пальцами хочет назваться противником! Убью тебя, поставлю на место кольев ограды, что ты повалил!

Вспыхнули волосы на висках богатыря от гнева, свернулись, затрещали. Как лук, стянуло в досаде его ребра. Так он ответил:

— Потягаемся, померяемся! Посажу тебя на погребального коня, в смертные одежды одену, похоронную пищу дам вкусить... Будет прощальным твой путь!

Бросились друг на друга с длинными ножами. Стали биться. Грохочут удары, как раскаты грома в грозу.

Железный скот разбежался в испуге, железную ограду разметал.

Земля под бойцами кровью намокла, а они её в такую грязь размесили, что паук и тот бы увяз. Так бились, говорят, так сражались, рассказывают.

Понемногу слабеет железный абаасы, однако бьётся. А богатырь говорит:

— Я только в силу входить начал. Окреп в этой битве! Теперь укорочу твоё имя, жизнь оборву!

Услышав эти слова, схватил абаасы свой ржавый лук, схватил стрелу с каменным наконечником. Хочет тетиву оттянуть. Но богатырь ещё быстрее свой круто-изогнутый, что речная излучина, лук схватил, оперённую стрелу от одного до другого уха оттянул. Огнём вспыхнули его пальцы, когда он тетиву отпустил, стрелу в недруга послал.

Пробила стрела железную грудь, трёхгранное сердце пронзила. Упал абаасы, издох.

Потухло огненное море. С гулко-го широкого неба град пошёл, снег выпал. Лежит мёртвый абаасы. И богатырь рядом без сил лежит. Вьюга прошла над ними, засыпало снегом глазницы, белым инеем, словно мохом, украсила, тяжёлыми сугробами накрыла. Ни рукой, ни ногой не двинуть богатырю, грудь ему сдавило, точно гора на него обрушилась. Думает он:

«Пока с абаасы бился, усталости не знал. А теперь все кости болят, едва шевельнуться могу. Не золотое ли кольцо грудь теснит?»

Вынул он кольцо из-под одежды и бросил его на землю. Закрутилось кольцо — опять стало девушкой. Увидела она богатыря, заплакала. Длинными косами снег с него сметает, белыми пальцами отряхивает.

К богатырю сила вернулась, вскочил он. Девушка ему говорит:

— Свисти своего коня, увези меня скорее отсюда! Ты Хара Бекердяня победил, жена его, Нэгэй-тугут, тебя убьёт.

Только успела она так сказать, над чёрным погасшим морем показалась чёрная поджарая птица с железными крыльями, с перьями, как мечи, с когтями-крюками, с железным хвостом. Голова у неё — что чан, глаза круглые, словно чашки. Летит птица, выговаривает:

— Густой туман — мои напевы, снег и дождь — мой крик, чёрная мгла — моя песня, ураган — моя весть! Берегись, убийца, сделавший меня вдовой. Исчерню, истопчу твоё лицо! Длинное имя твоё коротким сделаю! Никто и не вспомнит, как тебя звали!

Долетела птица, опускаться стала. А богатырь обернулся соколом с ожерельем на шее, с колокольчиком на хвосте, с бубенцами на крыльях. Взвился сокол вверх. Ниже неба, выше земли большой бой начался. Полетели у птиц перья — лёгкие перья сокола плавно опускаются,

перья абаасы со стуком вниз падают. Железная птица сокола когтями рвёт, сокол птицу клюёт, грудью наносит удары. Закапала горячая, алая кровь у сокола, ослабели его крылья.

Девушка внизу подняла голову, крикнула:

— Не одолеть тебе так злую Нэгэй-тугут! Под правым крылом у неё живое место, там её сердце бьётся.

Услышал сокол, собрал последние силы. Забряцал бубенчиками, зазвенел колокольчиками, изогнул шею, налетел на железную птицу, ударил клювом под правое крыло. Хлынула из неё чёрная кровь, забила она левым крылом и рухнула вниз.

Железные перья во все стороны разлетелись. Не птица лежит на земле, а одноногая, однорукая абаасы в восьмигранной железной шубе.

Сокол за ней опустил, обернулся богатырём. Смотрит — у Нэгэй-тугут железное ржавое ухо покорёжено, толстый железный мизинец согнут.

И абаасы одним своим мёрзлым глазом смотрит, последние слова выговаривает:

— Совершилось сказанное, исполнилось обещанное! От тебя я смерть должна была принять. Хотела тебя опередить, думала перехитрить суждённое. Прикинулась девочкой, названной твоей сестрой. Да ты разгадал, ушёл... Кому могла, чёрной мезтью отомстила... Послушай, расскажу...

Но не рассказала абаасы, захрипела, испустила дух.

Тут нежная красавица к богатырю подбежала, словно мотылёк, подлетела. Глазами, что у чёрного жеребёнка, в морозы родившегося, такими глазами глянула.

Взял её за белую, горностаевую руку богатырь, спросил:

— Будешь моей женой, пойдёшь за меня замуж?

— Как не пойти, пойду, — тихо ответила, и на щеках её утренней зарёй румянец вспыхнул.

Богатырь свистнул своего коня, посадил на него молодую жену, сам в седло вскочил. В обратный путь отправились.

День ехали, месяц ехали, год ехали. И родился у них в дороге сын, мальчик серебряный с золотыми волосами. Подняла мать сына на руки — солнце и звёзды улыбнулись, всё доброе, что живёт на земле, порадовалось, всё злое, что живёт на земле, от досады потемнело.

А богатырь тревожится: как маленького сына в трудной дороге уберечь?! Но конь сказал ему:

— Пусть жена твоя с сыном войдёт в моё левое ухо. Там найдёт она медный таз, сама умоется, сына искупает. Пусть потом перейдёт в моё правое ухо. Есть там где лечь, чем прикрыться, есть еда и питьё...

Как конь велел, так и сделали.

Дальше поехали. День им годом казался, год, что день пролетал. Наконец достигли одинокой юрты, серебряной могилы с золотыми цветами. Цветы на могиле не сохли, листья не вяли — лелеяли их старики, ключевой водой поливали. Так над могилой сидящими и нашёл их богатырь.

Заплакали старики от радости, увидев живым того, кого в этой могиле похоронили. Заплакали, засмеялись. От счастья помолодели, говорят. Старуха взяла мальчика с золотыми волосами на руки, закутала в соболиное одеяло, нянчила, кормила, поила.

Три дня богатырь им рассказывал, три ночи говорил. Слушали старики плохое — слёзы лили, слушали хорошее — звонко смеялись.

Под конец сказал богатырь:

— Есть у меня отец и мать. Отпустите меня, к ним теперь поеду.

— Это доброе дело, — старик ответил. — Не держим тебя, поезжай!

Снова в пути богатырь с женой и сыном. Ехали по

весёлой земле, по цветущему краю. А приехали в спалённый лес, где трава не растёт, и птицы не гнездятся, и зверь не водится. Даже камни там растрескались. Узнаёт богатырь знакомые приметы и узнавать боится. Так вот, что злая абаасы натворила, вот как отомстила ему!

Наконец на поляну выехал, берёзу увидел. Прежде высокая она была, серебряными листьями шумела, доставала вершиной до неба. А теперь вершина у неё сломана, сучья обгорели.

Богатырь плетью по стволу постучал. Глухо дерево отозвалось, с печальным скрипом растворилось. Вышла оттуда женщина. Смотрит богатырь и не знает, та ли это прекрасная Ичитэ, что раньше в берёзе жила. Сгорблена её спина, волосы седые, как хвост у серого коня, глаза печалью полны.

Увидела она, кто перед ней, обрадовалась. Слова привета со словами укора перемешались.

А богатырь одно спрашивает: где отец, где мать, живы ли?

Ичитэ отвечает:

— Живы они. Я их, как могла, укрыла от беды, от напасти оберегла. Когда злая абаасы наш край огнём спалила, спрятала я твоих родителей под корнями берёзы. И сейчас они там. В печали, в тоске по тебе их годы проходят. И я, на них глядя, состарилась.

Коснулась земли у подножия берёзы, расступилась земля, корни раздвинулись — и вышли оттуда отец и мать. Увидели своего сына, прекрасную невестку, золотоволосого внука, кровь в их жилах горячее стала, быстрее потекла.

— Прости нас, что тебе не поверили! — сказала мать. — Злую железную абаасы больше тебя полюбили!

— И вы меня простите, что я на вас обиду таил. Убил я абаасы, за вас отомстил, за себя расплатился. Теперь, — сказал, — будем все вместе жить.

Тут с одного края обгорелого леса до другого края обгорелого леса треск прошёл. Это идёт бык с четырьмя коровами, возвращается конь с четырьмя кобылицами. Шерсть на них опалена огнём, рёбра обручами выступают. Вот что уцелело, вот что сохранилось от всех богатств, от всего добра.

Стали жить. Богатырь на восьми толстых столбах зимнюю юрту поставил. Поляну светлыми берёзками засадил. Пошла трава в рост, обгорелые пни закрыла. Умножился скот. Важный огонь с седой бородой в очаге не гас.

У богатыря и его прекрасной жены родилось восемь статных лебедей — дочерей, восемь вольных журавлей — сыновей. А среди них старший, серебряный мальчик с золотыми волосами, как могучее дерево среди подлеска, рос-красовался.

Дала молодые побеги опалённая старая берёза и к Ичытэ былая красота вернулась.

Жили все счастливо. Был их дом пешему ночлегом, конному приютом, возвышением униженному, поддержкой бедному.

Так говорят, так о богатыре Эрбях-юрдюгер-сэттэте-эрте-ербэхтэй-бергэне рассказывают.

**СЛОВАРЬ
МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ
В ТЕКСТЕ**

- А баасы** — злые духи.
- А мулет** — какой-нибудь предмет (часто сделанный из дерева, берёсты, камня или металла), которому суеверные люди приписывают волшебные свойства: способность оберегать от болезни, несчастья и т. д.
- А ргиш** — олени упряжки, идущие друг за другом, обозом.
- Ба бки** — народная игра, отчасти напоминающая игру в кегли. Играют костями надкопытного сустава животных, например лошадей, коров и т. д.
- Ба каари** — меховая обувь; то же, что унты.
- Ба лаган** — временное строение, чаще дощатое. Охотники ставят балаганы в тайге для житья во время долгого промысла.
- Бу рханы - а дже хи** — амулеты, изображающие человека или животных.
- Ва женка** — самка оленя.
- Ве рхняя тундра** — по представлениям многих северных народов — мир, расположенный на небе, где обитают божества, чаще всего покровители людей.
- Ве шала** — шесты и жерди, на которых развешивают для вяления или просушки рыбу, мясо, шкуры и т. д.
- Го родок** — селение, огороженное защитной бревенчатой стеной.
- Ев ражка** — суслик.
- За лава** — приступок с внутренней стороны стен городка.
- Жи рник** — плоский светильник с фитилём, обычно меховым, заправленный нерпичьим или другим жиром. Служил для освещения и отопления.
- И грневый конь** — рыжий, со светлыми гривой и хвостом.
- Камень** — так на Севере, начиная с Урала, называют горы, горный хребет.
- Ка н** — длинная тёплая лежанка, внутри которой проходит дымовая труба в фанзе.
- Ки са́** — кожаный или меховой мешок на вздёржке, часто расшитый узорами.
- Ко мель** — толстая, прикорневая, часть дерева.
- Ко са тка** — вид зубастых хищных китов.
- Ку мыс** — сквашенное кобылье молоко. У народов, разводящих лошадей, играет настолько важную роль, что ему посвящаются специальные праздники, например у якутов — праздник Ыссыах.
- Ку хлянка** — верхняя цельношитая меховая одежда с капюшоном; или без капюшона; надевается через голову.
- Ла баз** — сарай, амбар для хранения запасов пищи и домашних вещей. Ставится на сваях, столбах, чтобы в него не проникли звери. Так же называется высокий помост.
- Ма лница** — верхняя мужская одежда с капюшоном. Шьётся из оленьих шкур, мехом внутрь.

- Менкв — по верованиям некоторых северных народов — лесной дух, лесное чудище.
- Мэргэн — нанайское слово, соответствующее русскому: добрый молодец, удалец.
- Нарта — лёгкие сани для оленьей или собачьей упряжки.
- Нюк — сшитые полотнищем шкуры, которыми покрывают жилища — чумы.
- Оморочка — берестяная лодка.
- Отказ — большой длинный нож на длинной рукояти.
- Палисад — бревенчатая ограда.
- Парка — меховая верхняя одежда.
- Пестун — годовалый или двухгодовалый медвежонок, который помогает медведице нянчить, пестовать младшего медвежонка.
- Подволочные лыжи — лыжи, обтянутые снизу шкурой шерстью назад, чтобы улучшить скольжение вперёд и облегчить подъём в гору.
- Полог — тёплая спальная часть жилища у чукчей, коряков и эскимосов, отделённая оленьими шкурами.
- Припай — прибрежный лёд, как бы припаянный к берегу.
- Середина дня, или полуденная сторона — юг.
- Серное дерево — приспособление для добывания огня.
- Сивуч — тюлень.
- Сохатый — лось.
- Сполохи — северное сияние.
- Торбаза — мягкие сапоги из оленьей шкуры.
- Торока — вьючные мешки.
- Ток — полянка, где весной в период брачных игр собираются и токут птицы — глухари, тетерева и некоторые другие породы. Так же называется площадка, на которой обмолачивают хлеб.
- Туес — берестяная коробка, чаще всего круглая, с плотной крышкой.
- Унты — высокие меховые сапоги.
- Ураса — конусообразное разборное жилище кочующих северных народов. Кроется нюками (см. нюк), иногда берёстой или корой. То же, что чум.
- Хор — олень-самец.
- Фанза — дом у народностей, живущих на Дальнем Востоке, в Приамурье. Чаще глинобитный.
- Шаман — колдун, знахарь.
- Шикша — растение водяница.
- Шитолицы — шитолицы называли эвенков, которые в старину покрывали лица татуировкой, продёргивая под кожей нитку, натёртую сажей. Татуировка была раньше принята и у некоторых других народов Севера.
- Юкола — вяленая рыба.
- Юрта — жилище, чаще всего круглой или овальной формы, с остовом из дерева или китовых костей, обтянутым шкурами или берёстой.
- Ягель — длинный белый мох, служащий пищей оленям.
- Яранга — жилище чукчей и эскимосов. Остов делается из костей кита или жердей, покрывается моржовыми или оленьими шкурами. В яранге устраиваются пологи — тёплые спальные отделения.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю. Михаил Воскобойников	5
То ли было, то ли не было (Саамская сказка)	9
Голубая бусина (Эскимосская сказка)	13
Пропавшая песенка (Эскимосская сказка)	17
Двенадцать умных братьев (Вепская сказка)	21
Песенный человек (Долганская сказка)	27
Долгая ночёвка (Кетская сказка)	43
Сергевань-охотник (Саамская сказка)	46
Журавлиное перо (Якутская сказка)	50
Как Ими-Хиты на санках катался (Хантыйская сказка)	67
Земная дужка (Долганская сказка)	76
Хочу кочевать — не хочу кочевать (Чукотская сказка)	80
Бабушка Хасынгета (Хантыйская сказка)	84
Сказание про богатыря Вищ-Отыра (Мансийская сказка)	89
Берестяной нос (Мансийская сказка)	103
Кому на вёслах сидеть (Эвенкийская сказка)	106
Живая вода (Тофаларская сказка)	109
Как Вылка на море ездил (Ненецкая сказка)	113
Подарки золотой змеи (Эвенкийская сказка)	127
Чей дом лучше? (Чукотская сказка)	133
Хозяйка огня. (Селькупская сказка)	136
Умная сова (Мансийская сказка)	141
Красавица Джиаданкан-фуджи (Нанайская сказка)	146
Старый и молодой (Эвенкийская сказка)	158
Мышка (Ненецкая сказка)	161
Белая яранга (Чукотская сказка)	164
Лучший охотник на побережье (Орочская сказка)	178
Два брата (Энецкая сказка)	183
Сказание о старике Шамане, его сыновьях и о Чинчире шитолицем (Нганасанская сказка)	190
Промышленник Яндако (Ненецкая сказка)	203
Деревянные невесты (Ительменская сказка)	208
Чужая ураса (Юкагирская сказка)	221
Тигр у двери (Негидальская сказка)	225
Нинвиты-людоеды (Корякская сказка)	230
Храбрый охотник (Корякская сказка)	237
Железный Сунгу (Удэгейская сказка)	242
Крик сохотого (Нанайская сказка)	253
Куйкынняку-ворон (Корякская сказка)	261
Горная красавица (Нивхская сказка)	266
Шишка на лбу (Эвенкская сказка)	274
Мальчик в девичьей одежде (Алеутская сказка)	282
Славный богатырь с длинным именем и злая Нэгэй-тугут (Якутская сказка)	293
Словарь малоизвестных слов, встречающихся в тексте	317

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО СБОРНИК СКАЗОК

Ответственный редактор Р. И. Филиппова.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Л. Б. Леонтьева.
Корректоры К. Д. Немковская и Л. К. Малявко.

Подписано к набору 15/III 1967 г. Подписано к печати 16/XI 1967 г. Формат 70×90^{1/16}.
Бум. № 1. Печ. л. 20. Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 14,54. Тираж 50 000 экз. М-60955. ТП 1968
№ 389. Ленинградское отделение издательства «Детская литература», Ленинград, Д-187, наб.
Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 114. Цена 70 коп.

250=

70 коп

